

Православные подвижники
Кольского Севера

КНИГА III

ИГУМЕН МИТРОФАН (БАДАНИН)

прп. Барлаам
КЕРЕТСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К НАПИСАНИЮ ЖИТИЯ

Издательство «Ладан»
Санкт-Петербург • Мурманск
2007

ББК 86.372
УДК 271.2
М67

Митрофан (Баданин), игумен.

М67 Преподобный Варлаам Керетский : исторические материалы к написанию жития / игум. Митрофан (Баданин). – Санкт-Петербург, Мурманск : Ладан, 2007. – 248 с. : ил. – (Православные подвижники Кольского Севера; кн. 3).

ISBN 978-5-86983-022-7

«Каталогизация перед публикацией», РНБ

ББК 86.372

Эта книга третья из серии исследований игумена Митрофана (Баданина), посвященных православным подвижникам веры и благочестия, подвизавшихся на территории нынешней Мурманской епархии в XVI веке. На фоне реальных исторических событий и житий северных подвижников, автор восстанавливает удивительный жизненный путь преподобного Варлаама Керетского чудотворца. В полной мере раскрывается доселе не оцененная, непостижимая высота и абсолютная уникальность совершенного им духовного подвига и его исключительная роль в формировании православной духовности на Севере Руси.

ISBN 978-5-86983-022-7

© Игумен Митрофан (Баданин), 2007
© Издательство «Ладан», 2007

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО СИМОНА,
АРХИЕПИСКОПА
МУРМАНСКОГО И МОНЧЕГОРСКОГО**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая читателю новая книга игумена Митрофана (Баданина) «Преподобный Варлаам Керетский. Исторические материалы к написанию жития», продолжает серию книг под общим названием «Православные подвижники Кольского Севера».

Главная задача, стоявшая перед исследованиями, вошедшими в эту серию, состояла в исполнении определений Поместного Собора 1917–1918 годов, постановившего, что «с благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям». Решение Собора о проведении такой научно–исследовательской работы было вызвано необходимостью подтвердить историческую достоверность имеющихся житий или же восстановить ее и, кро-

ме того, достигнуть большей полноты в жизнеописаниях канонизированных подвижников, дабы тем самым преодолеть явление так называемых «искусственных житий».

Представляемая читателю книга завершает задуманную как трилогия серию исторических исследований, посвященных сбору и анализу исторических материалов, преданий и иных «свидетельств и записей современников» о жизни и подвигах трех великих святых, подвизавшихся в XVI веке на Кольском Севере Руси – преподобных Феодорита Кольского, Трифона Печенгского и Варлаама Керетского.

Первая книга этой трилогии: «Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей», не только получила высокую оценку читателей, но и в 2003 году была удостоена медали Комитета и Фонда по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Значимым итогом этого исследования стала публикация «Жития преподобного Феодорита, просветителя Кольского» (Мурманск, 2006).

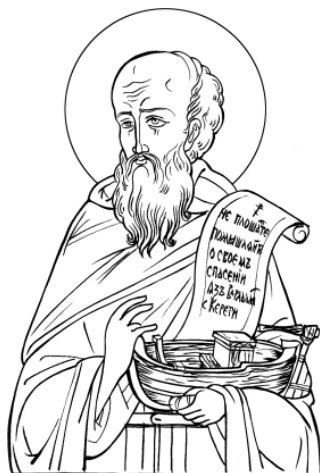
Вторая книга трилогии: «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предание, исторические документы. Опыт критического переосмысления», вышла в свет в 2004 году и явилась основой кандидатской диссертации автора. Эта книга имела большой резонанс как среди профессиональных историков, так и среди читателей, не равнодушных к истории Кольского Севера.

В настоящей третьей и последней книге трилогии игумен Митрофан остается верным своему подходу к исследованию житий подвижников прошлого. Как и в первых двух книгах, свой поиск исторической правды

автор проводит на разнообразном документальном историческом материале, свои заключения он стремится максимально аргументировать, либо оговаривать их как предположения исследователя. Неоценимым подспорьем в работе по воссозданию подлинной картины жизни и подвигов святого автору послужил недавно обнаруженный «Канон преподобному Варлааму Керецкому, новому чудотворцу», который считался утраченным еще в XVII веке. Многие принципиальные, и подчас неожиданные выводы исследования получили серьезную аргументацию именно благодаря этому уникальному свидетельству современников Керетского подвижника.

Надо сказать, что в этой своей работе, как, впрочем, и во всех предыдущих, автор успешно решает достаточно непростую задачу – достичь сочетания серьезного научного труда с увлекательно поданным материалом. Однако именно в этой книге отец Митрофан, как нигде раньше, стремясь временами ввести читателя в самую атмосферу того удивительного времени и проникнуть в глубинные духовные переживания героев, позволяет себе порою отступать от сухого научного изложения материала и подавать его в виде художественной исторической прозы.

Надеемся, что новая книга серии найдет живой отклик в сердцах как жителей Северного края, так и всех россиян, с надеждой взирающих на великое богатство духовного наследия Крайнего Севера, края, живущего молитвенным заступничеством его великих подвижников, Всех Святых, в Земле Кольской просиявших.

«*Аз есмь из Керети Варлаам...*»¹ – так решительно объявлял о себе отчаявшимся мореплавателям крепкий, несколько сторбленный старец с длинной седой бородой и в монашеском облачении, внезапно появляясь у форштевня судна, терпящего беду в штормовом море. «*Что отчаяваете! Хватай руль! Пошевеливайся, ставь древо, парус ставь!*» Еще пребывающим в недоумении от этого видения поморам старец грозил дубьем: «*Чего расселись! Промышляйте о себе, не плошайте – Бог вас вынесет!*» Когда же опасность была позади, и судно оказывалось «*в тишиии*», укрытым «*за коргою*»², старец уже примирительно замечал: «*Потонути нынче было бы вам, аще бы не аз, Варлаам с Керети. Людям о том поведайте...*», – добавлял дивный спаситель и растворялся в ветре и водяной мороси.

1 Здесь и далее по тексту курсивом выделены цитаты по источнику: «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком». РГДА. Ф. 196. № 634. Ч. 4, 5. В некоторых случаях текст цитат адаптирован автором к современному звучанию слов.

2 Корга – скала или камень; риф; каменная подводная гряда. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 600. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Максимов. – Прим. ред.)

ГЛАВА I

«Я – ИЗ КЕРЕТИ ВАРЛААМ...»

История о преподобном Варлааме Керетском началась *«в лета царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца»*. Так начинается повествование о жизни этого подвижника в единственной сохранившейся редакции, наиболее известной как «Повесть о преподобном Варлааме с Керети»³. Надо сразу сказать, что «Повесть» эта весьма кратка по объему и сдержанна по содержанию, что явно не соответствует той высочайшей степени почитания святого Варлаама на Крайнем Севере и Беломорье в течение уже многих столетий. Думается, настало время восстановить, насколько это возможно, подлинный образ подвижника XVI века и воздать ему должное поклонение.

Прежде чем мы приступим к исследованию непростой истории жизни преподобного Варлаама Керетского, изложим содержание сохранившейся и *«изложенной вкратце»* Повести об этом удивительном святом Крайнего Севера.

СКАЗАНИЕ О ПРЕПОДОБНОМ ВАРЛААМЕ

Преподобный отец наш Варлаам жил *«в лета царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России само-*

3 В настоящее время известно четыре списка «Повести...», не имеющих принципиальных отличий в редакции. Самый ранний из них относится к концу XVII века. Научное издание текстов по всем спискам см.: Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 178–196.

держца»⁴. Рождение и воспитание *«имел он в Керецкой волости»⁵, что на море окияне». «Научен был он книгам и Божиим судом поставлен был пресвитером в Кольском граде в церкви Николы чудотворца».*

Варлаам был ревностным и одаренным пастырем: *«добре подвизался на невидимого врага козни, и людей Закону Божию, яко истинный пастырь поучая».* Однажды, поддавшись дьявольскому внушению, Варлаам восстал на свою жену и убил ее. Глубоко раскаявшись, *«и недостойна себя судив священнодействовать, изволил страдати за грех».* Он принял на себя особый покаянный подвиг. Уложив тело жены в карбас [большая гребная и парусная лодка]⁶, Варлаам отплыл в открытое море и, *«псалмы Давидовы пояше»*, взирал на дело своих рук, *«без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха»*, готовый принять кончину в штормовом *«Ледоватом море».* Однако Господь судил иначе и не посылал гибели Варлааму. В то же время, куда бы ни направлял свою лодку Варлаам – ветер ему всегда был встречный и крепкий: *«плавая против зельного [сильного] обуревания».*

Такое скитание Варлаама продолжалось немалое время: *«весла из рук своих не выпусая, но труждашешя вельми и псалмы Давидовы пояше».* Касаясь продолжительности его хождений, житие указывает: *«дондеже оно, мертвое тело, тлению предастся»*, то есть пока не истлеет тело. И поскольку он уже *«довольно время потрудился»*, а Гос-

4 Имеется в виду Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584).

5 Село Кереть – древнее поморское поселение на южном берегу Кандалакшского залива Белого моря.

6 Здесь и далее по тексту в квадратных скобках приводятся пояснения автора – игумена Митрофана. Прим. ред.

подъ так и не дал ему смерти, Варлаам захотел *«извещение приятъ»* от Бога – не прощен ли он?

В то время у побережья мыса Святой Нос обитали страшные черви, так называемые *«корабельные сверлила»*, *«иже творяху многие пакости над лодиями мореходцев»*, то есть протачивали днища морских судов жителей поморья. Варлаам видел, что его ладья *«без вреда пребывала от них, но восхотел и прочим чело-векам путь без вреда сотворити»*. И тогда, *«став на молитву и руки воздев на небо»*, был он услышан Господом, и *«черви те без вести»* пропали. Так Варлаам *«путь сотворил мореходцам около Святого Носа»* чистым и поныне.

И поскольку он *«прием от Бога»* такое ясное извещение о прощении, то вскоре *«преподобный оставляет мир и бывает инок, и в пустыню вселився, и Божию помощью бесовские полки победив, с миром ко Господу отиде»*.

Далее в «Повести» приводится *«Поведание от чудес преподобного»*, то есть описывается несколько случаев его чудесного заступничества за попавших в беду северных мореходцев.

Вот такова дошедшая до нас весьма краткая «Повесть о преподобном Варлааме с Керети».

ТРОИЦА НЕРАЗДЕЛЬНАЯ

Современники христианских первопроходцев XVI–XVII веков, призывая в помощь небесных покровителей Крайнего Севера – преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского, не разделяли в прошениях их свя-

тых имен, обращаясь к ним, не иначе как: «*О, двоица присноблаженная Трифане и Варлааме*»⁷.

Ранее проведенные исторические исследования жизни и подвигов еще одного великого подвижника Крайнего Севера – блаженного Феодорита Кольского, ясно свидетельствуют о едином молитвенном пространстве, сложившемся на Кольском Севере в первой половине XVI века⁸. И более того, на сегодняшний день мы можем уверенно говорить о Феодорите Кольском не только как о великом соратнике преподобного Трифона в деле просвещения лопарского народа, но и как об учителе и духовном отце преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского.

Состоявшееся в 2002 году прославление блаженного Феодорита в лике преподобных позволяет нам сегодня с полным правом молитвенно обращаться к этим великим святым Крайнего Севера со словами: «*О, троице присноблаженная, Феодорите, Трифоне и Варлааме!*»

Потому, приступая к восстановлению подлинной истории жизни одного из самых удивительных святых Русской Православной Церкви, мы отдаем себе отчет, что никак не сможем отделить преподобного Варлаама Керетского от великих его современников – преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского. Духовный стержень жизненного подвига этих святых – в неразрывном их молитвенном единстве, крепкой дружбе во Христе и тесном переплетении жизненных судеб.

7 Канон преподобному Варлааму Керетскому, новому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 420 об.

8 См. Митрофан (Баданин), иеромонах. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Мурманск, 2002. Он же. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003.

КЕРЕТЬ

Село Кереть – одно из древнейших поселений на Карельском берегу Белого моря. О большой древности этого места говорит тот факт, что к середине XVI века Кереть уже считалась волостным центром. Согласно писцовой книге 1563 года⁹, в Керетскую волость помимо самой Керети входили селения Чупа и Черная Река. Основными занятиями населения волости были лов рыбы и выварка соли. Соль «зимой и летом через весь год» вываривали на 44–х соляных варницах. Кроме того, в реках добывали жемчуг и «каждое десятое зерно лучшее имали в казну царю и великому князю». Да еще «тутошние жильцы» и «прихожие люди слюду промышляют, бьют ее в каменных горах».

«Близь той Керетьския веси имеется гора, по наречию той веси жителей именуемая Варака, в нейже копают слюду изряднаго чистаго качества и немалаго количества»¹⁰.

К середине XVI века в этих краях была уже заметна близость активно развивающегося Соловецкого монастыря, имевшего в Керетской волости свои дворы, варницы и тони. Однако полномасштабная «соловецкая колонизация» этого побережья началась много позже, лишь в начале XVII века, когда в 1607 году по «государевой царевой грамоте» была «отписана четверть волости»¹¹, а в 1635 году – остальные три четверти.

9 «Сотная выпись с писцовых книг письма двинян Якимя Романова и Никиты Пятутина на волость Кереть» // Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442–451.

10 «Слово историческо о житии преподобнаго Варлаама иже в край Соловецкаго моря, в месте нарицаемом Кереть просиявшаго». РГБ, рукописный фонд, собрание Егорова, № 1571. Л. 298. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: «Слово историческое...». – Прим. ред.)

11 Книги Керецкие письма и дозору Алая Ивановича Михалкова // Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 469.

Карта-схема районов Керети и Чупы.

С незапамятных времен в селе стоял храм святого чудотворца Николы. Возможно, эта церковь – одна из тех Никольских церквей, которые в конце XIV века ставили по всему Крайнему Северу Руси ученики преподобного Евфимия Карельского, монахи Николо–Карельского монастыря. Да еще была неведомо кем поставленная часовня святого великомученика Димитрия Солунского.

ИСТОКИ

В те же давние времена, когда родился преподобный Варлаам Керетский, в начале XVI века, соловецкие монахи только осваивали еще отписанный им в полное владение сам Соловецкий архипелаг со всей рыбной ловлей и «лешими угодыями» на нем¹². Ни Кандалакшского, ни Пе-

12 «Грамота Великого князя Иоанна III от 1479 года была подтверждена и дополнена в 1507 году грамотой Великого князя Василия Ивановича». История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 26–27. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: История Соловецкого монастыря. – Прим. ред.)

ченгского, ни Кольского монастырей еще не существовало. Великие деяния на Кольском полуострове преподобного старца Евфимия Карельского и его учеников в XIV–XV веках, с падением Новгорода постепенно пришли в забвение. И основанный ими в XV веке Свято-Никольский Кокуев монастырь, что в губе Порьей, уцелел лишь в древнейшем описании «Книги Большого Чертежу»¹³. И даже замечание Николая Карамзина о некоем древнем «Никольском монастыре на Печенге близ Варгава», кроме недоумения, иной реакции у историков не вызывало.

Благовестники Христовы новой Российской державы – «Московии» еще только набирались сил, проходя жизненный иску́с, прежде чем исполнить главное свершение своей жизни – покорение мрачных Лапландских пустынь. Будущий пустынный – Феодорит Кольский, еще юным монахом подвизался в скиту на реке Шуе у монастырского «старца–витамана» Зосимы. Молодой и неукротимый воин Митрофан, будущий Трифон Печенгский, только еще приходил в свою буйную силу, «воюя Каянских немцев» под началом царских воевод. И мальчишкой Иваном, где-то в двинских пределах бегал будущий Иона Печенгский, верный «сопостник и сомолитвенник» великого старца Трифона.

На суровых же берегах Белого моря, в поморском селении Кереть в это время родился мальчик¹⁴: «Родился

13 «А от усть реки Порьей, у моря монастырь Кукуев». Спасский Г. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 165.

14 Документальных данных о мирском имени прп. Варлаама не сохранилось, но в преданиях жителей Керети упоминается имя Василий. Об этом рассказывал автору профессор И. С. Меркурьев, руководитель диалектологической экспедиции 1970 года в село Кереть. Косвенным подтверждением этому служит очевидная традиция этих мест при постриге имя Василий изменять на Варлаам: «Варлаам, в миру Василий...» Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. С. 462 и др.

он убо от родителей своих в лета державы Российскаго царствия великаго князя Василя Иоанновича, иже во иноках переименованнаго в Варлаама»¹⁵.

В семье «Керетьския веси насельников, и тех же поморских людей потомков, обычаев смиренных и кротких» родился обыкновенный мальчик Василий, жизнь и подвиг которого вскоре потрясут не только современников, но и, пройдя сквозь века, оставят неизгладимый след в сердце каждого морехода Русского Севера на все времена.

Итак, преподобный Варлаам Керетский, как свидетельствует «Повесть...», *«рождение и воспитание имел в Керецкой волости, что на море окияне»*.

ВОСПИТАНИЕ МОРЕМ

Воспитание, которое получил Василий *«на море окияне»*, – это обретение особого состояния духа, что с молоком матери усваивает каждый житель этих суровых мест. Здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, формировалось то удивительное братство мореплавателей-поморов, для которых ежедневная смертельная опасность воспринималась, как норма жизни. Здесь на северных берегах Святой Руси воспиталась особая генерация православных христиан, которые не знали многих духовных проблем своих сухопутных собратьев по вере. Этим людям не ведомы были такие вопросы аскетики, как, например, преодолеть холодность сердца и равнодушие, стяжать чистую и искреннюю молитву и как научиться в полной мере полагаться на волю

15 «Слово историческое...». Л. 298. В этой оговорке автора, кроме очевидной временной привязки к началу XVI века, мы можем видеть и прикровенное указание на мирское имя преподобного Варлаама, что вполне соответствует информации профессора Меркурьева И. С., упомянутой выше.

Божию. «Начало мудрости – страх Господень»¹⁶, – поучает нас Божественный псалмопевец, и северное море в полной мере давало человеку этого «начала мудрости». «Ходящему по морю без страха и без взаимной помощи пробыть невозможно», – вторит поморский «Морской устав»¹⁷, не скрывая в своих наставлениях ясного понимания того, что «человеку на море – страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом»¹⁸.

Суровая стихия Белого и Баренцева морей была естественной средой обитания каждого помора с раннего детства. Именно здесь, день за днем, доверчиво и буднично вручали они жизни свои в руки Божии. Именно здесь всем сердцем постигалась ими мудрость поморской поговорки: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался»¹⁹.

«Описания морского пути (лоции поморов) неизменно начинались молитвой ко Всевышнему: ««Грядем во Имя Твое, Спаситель наш, Иисус Христос, в путь. Благослови творение Твое и помилуй...»»²⁰. Так же и само приготовление к плаванию помора начиналось с укладывания в карбас под транец чистой белой рубахи – «на смерть».

«Сегодня в море отправляюсь,
Быть может, завтра ворочусь,
Кладу земной поклон иконам,

16 Пс. 110, 10.

17 «Морской устав новоземельских промышленников» XVIII века. П. 19. Цит. по Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 75.

18 «Я переживал время безумного ужаса, никогда еще не изведенного в жизни, – смотря как за первым взводом на карбас ползла следующая «водяная гора». Бубновский М. И. Свидетельство очевидца // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 6. С. 176.

19 Немирович-Данченко. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., 1885. С. 218.

20 Ушаков И. Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 59.

Молитву Богу воздаю.
С родными обнимусь прощаясь,
И крепко руки им пожму:
Сегодня с ними я выдаюсь,
А завтра уж не быть сему.
Морска волна меня закроет,
И Богу душу предаю...»²¹

Таков дух поморской веры и такова мудрость ясного понимания быстротечности нашего земного бытия. Эти бесхитростные стихи оставлены Иаковом Редькиным, поморским рыбаком, жившим в XIX веке. В марте месяце 1898 года он последний раз вышел в море «на тюленя» и попал в тяжкий шторм. Сумел доплыть до скал и дотасил до берега своего изнемогшего товарища, сам же скончался в полосе прибоя. Было ему тридцать семь лет от роду.

Современному мореплавателю уже довольно трудно проникнуться тем спасительным духом чистой веры и в полной мере постичь глубочайший смысл и саму духовную суть «хождения в море», сокрытую в поморской пословице: «Без моря Бога не узнаешь»²². Несравнимо реже выпадает нынешнему моряку эта очистительная возможность столкнуться с вечностью, открыто взглянуть в пустые глаза смерти, осознав внезапно, что наступает время попроситься с этим миром, где ты, наивный, думал так прочно обосноваться. Это тот единственный момент истины, когда, заглянув в свою душу, каждый ужаснется, что вовсе не готов предстать пред своим Отцом Небесным, дабы

21 Материалы по статистическому исследованию Мурмана: Описание колоний восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. Т. 2. С. 114.

22 Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. С. 20.

дать Ему ответ за каждый день иссякающей ныне жизни, которую Он тебе некогда дал, позволив ее пожить.

Океанские лайнеры и многопалубные паромы, могучие рыболовные траулеры и грозные военные крейсера порождают опасную иллюзию защищенности от всевластия морской стихии, а равно и печальное и пагубное для души всецелое доверие технике и упование лишь на свои немощные силы. И тогда вразумляет Господь глупого и самоуверенного нынешнего человека, и возводит Он то морскую волну, от которой нет спасения сотням тысяч людей, или попускает гибель суперсовременного и сверхнадежного подводного крейсера, погружая в скорбь, слезы и горестные размышления многие миллионы россиян.

Надо прямо сказать, что эти духовные утраты проникли в сердца людей не как результат наступления века так называемой «научно–технической революции». Человеку, живущему вдалеке от «сакрального пространства» Крайнего Севера, представляется полным безумием то спокойствие, с которым помор воспринимает пришедший к нему смертный час. Так называемый «цивилизованный и просвещенный» человек, оказавшийся в поморском судне на море в такую минуту испытания и видя несуетливое приготовление поморов к смерти, абсолютно искренне полагает, что именно его панические вопли и метания позволили «растерявшимся рыбакам» добраться до берега. «Выскочив из будки, я застал весь экипаж корабля в полной панике, кормщик малодушно потребовал от жены «смертную рубаху», вследствие чего я принял командование на себя...»²³ и далее следуют смехотворные свидетель-

23 Таратин П. А. Терский берег // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 5. С. 13.

ства неадекватного восприятия поведения поморов со стороны человека XX века, оказавшегося вместе с ними в северном штормовом море.

Так же было и в те же давние, не лукавые времена, когда на небольших карбасах, лодиях и шняках, «шитых вицею»²⁴, уходили на тяжкий промысел современники Варлаама, дабы в бушующем море обрести веру, познать Бога и открыть для себя смысл великой тайны жизни и смерти.

«НАУЧЕН КНИГАМ...»

Мальчик Василий, согласно Житию, «*научен бысть книгам*», то есть, другими словами, получил хорошее образование, что, прямо скажем, было большой редкостью для того времени. Так, например, его современник преподобный Трифон Печенгский сам признавался, что «*невежда есмь и мало книжен*»²⁵, хотя происходил из семьи священника и не из столь глухих мест, как село Кереть²⁶.

Кто же мог позаботиться о мальчике, дабы «*научен он бысть книгам*»? Да и где в то время на Поморьи могли быть эти самые «*книги*»? Конечно, были уже в селе Керети Соловецкие монахи по варницам и тоням, однако в начале XVI века «*книжность*» их самих была не велика.

24 Деревянные доски корпусов лодок соединялись, «сшивались» между собой тонкими древесными корнями – «вицею». «Вица готовится из молодых побегов черемухи, березы, ивы». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 26.

25 Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч.2. С. 97. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Житие прп. Трифона. – Прим. ред.)

26 «Близь града Торжка... рождение имел от освященных благочестно живущих родителей». Там же. С. 96.

Население же этих мест по уровню образованности не слишком отличалось от жителей всей земли Российской в те времена. «Земля, господине, такова, не можем добыти, кто был бы горазд в грамоте», так возражали архиепископу Новгородскому Геннадию сельские прихожане на его нежелание рукополагать в священники неграмотных кандидатов²⁷.

Автор старообрядческого «Слова о житии преподобного Варлаама...», истории написания которого мы коснемся позже, прямо указывает, что юный Варлаам «и во училище убо ходя книгам обучался»²⁸.

Думается, невозможно будет ответить на вопрос о том «*научении книгам*» и тем более об «училище», где мог бы постигнуть книжную науку отрок Варлаам, если мы не вспомним Житие преподобного Феодорита Кольского. Тогда, в конце XV века, благословением святителя Геннадия Новгородского и попечением игумена Соловецкого монастыря Досифея была организована активная работа по списанию древних рукописных книг для библиотеки Соловецкого монастыря. С колоссальной проблемой недоступности святоотеческих творений и всеобщей богословской беспомощности Русская Православная Церковь напрямую столкнулась в конце XV века, оказавшись перед лицом необычайной опасности – коварной «ереси жидовствующих». Одним из центров по восполнению этой потребности в книжном слове для монахов Соловецкого монастыря стал находящийся на материке Шуерецкий скит. Здесь, в этом уединенном месте, подви-

27 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1, № 104.

28 «Слово историческое...». Л. 300.

Вид на комплекс церквей села Шуерецкое в конце XIX века.
Храмовый комплекс был расположен на месте древнего скита Соловецких монахов, где в начале XVI века подвизались в посте, молитве и постижении книжной премудрости «старец-витаман» Зосима, преподобный Феодорит Кольский и Варлаам Керетский. Все церкви ликвидированы в советское время.

зался наставник и учитель Феодорита – «пресвитер свят, премудр и многолетен» Зосима.

У своего учителя, «премудрого старца Зосимы», в Шурецком погосте юный Феодорит, согласно его житию, пробыл «в послушании духовном» целых семнадцать лет, стяжав за это время «всякой духовной премудрости, и взойдя ко преподобию по ступеням добродетели»²⁹. Именно здесь он и многие другие юные монахи и послушники формировались как книжники и богословы, в полной мере впитывая всю мудрость святоотеческих творений, ибо, можно сказать, вся Соловецкая библиотека проходила через их трудолюбивые руки, жаждущие души и пытливые умы.

Конечно же, все Поморье знало об этом центре русской книжности, что так чудесно образовался на реке Шуре. И, скорее всего, мальчик из Керети именем Василий именно здесь, у старца Зосимы и Феодорита, постигал книжную премудрость и вскоре, как повествует житие преподобного Варлаама, «*научен же бысть книгам*».

Что касается преподобного Феодорита, то он покинул этот скит в 1511 году – «изыде из того монастыря за благословением старца своего, на созерцание... за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри»³⁰, к завожским старцам, пока все еще живущим по Уставу преподобного Нила Сорского. Там находит он множество «храбрых воинов Христовых, иже воют сопровит начал властей темных, миродержцев века сего»³¹.

29 Курбский. С. 325.

30 Курбский. С. 325.

31 Курбский. С. 335.

ГЛАВА II

КОЛА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕОДОРИТА

Вновь вернуться на берега Белого моря, в Соловецкий Шуереченский скит, из столь полюбившегося Феодориту Заволжья, понудил Феодорита его учитель и духовный отец. В 1518 году он неожиданно получает письмо от своего *«многолетнего святого старца»* Зосимы, который, *«пронидев свое отшествие к Богу»*, просит его вернуться в скит, дабы *«послужить в немощах его»*³² последние дни.

Феодорит немедленно отправляется в далекий путь по *«великим и непроходимым пустыням, и прииде с болезненными ногами»* к Зосиме, *«обнимает многолетнего святого старца и лбызает и целует пречестнейшие его седины пресвитерские и пребывает при нем, служа ему в немощах и недугах его»*, вплоть до самой кончины старца.

Возможно, что именно в это время здесь, в Шуереченском скиту, Феодорит тесно общается и с отроком Василием, будущим Варлаамом. Старец–витаман Шуереченского скита отец Зосима, призывая из странствий своего ученика Феодорита, надо думать, кроме всего прочего, предполагал, что тот станет его преемником в управлении весьма немалым теперь монастырским хозяйством и упомянутым

32 Курбский. С. 329. Здесь и далее в настоящей главе цитаты из этого источника даются курсивом.

выше «книжным училищем»³³. Но Феодорит к тому времени уже в полной мере «разжегся желанием пустынного безмолвного жительства»³⁴ и уклонился от перспективы посвятить себя начальственным попечениям над стремительно растущими монастырскими угодьями.

Так что, похоронив вскоре, в 1519 году своего духовного отца и вняв его последнему напутствию о хранении обетов монашеских и заветов отцов-основателей, покинул Феодорит родной погост на Шуе-реке, дабы приступить к главному делу своей жизни – просвещению Великой Лапландии. «*На кораблеце великою рекою Колой [Кольским заливом], яже впадает своим устьем в Ледоватое море*», добрался он до «*глубоких варваров, лопарей диких*». Здесь, в районе рек Колы и Туломы «*восходит он на горы высокия, ихже нарицает Святое Писание ребра Северовы*», и вселяется в «*тех лесах пустынных, местами непроходимых*», срубив себе келью.

Через несколько месяцев Феодорит встречается здесь еще одного пустытника, «*одинокого старца, Митрофан было имя ему*». Отшельник этот жил тут уже около пяти лет. Очевидно, что «*старец Митрофан*», – никто иной, как великий Трифон Печенгский до принятия им монашеского пострига.

Таким образом, в 1519 году произошло событие, ознаменовавшее начало принципиально нового этапа в истории Православия на Кольском Севере, ибо состоялась

33 Отголоском существования того древнего книжного «училища» можно считать записанные воспоминания стариков села Шуерецкого: «в Шуерецкой Никольской церкви, сторевшей в 30-х годах, хранилось очень много старинных книг, в том числе, даже пергаментное Евангелие». Дмитриев Л. А., Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // ТОДРА. Т. XIX. М.-Л., 1962. С. 415.

34 Курбский. С. 329.

встреча преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского. Встретились два великих делателя на ниве Евангельского просвещения, сумевших коренным образом изменить судьбу этого обширного края, древних земель Великой Лапландии.

При всей очевидной внешней несхожести двух подвижников, этих двух величественных фигур и самобытных характеров, ими был явлен удивительный союз единомышленников, верных соратников в великом деле оглашения языческих племен Крайнего Севера.

ФЕОДОРИТ И ТРИФОН

Всего в пустынных краях Лапландии Феодорит пробудет *«аки двадцать лет»* – почти двадцать лет. Как мы писали ранее, цифра эта складывается из двенадцати лет в этот первый приход, и восьми лет во второй, в 1540 году³⁵.

С юных лет *«разжегшийся желанием пустынного жительства»*, готовящий себя к просвещению *«глубоких варваров, лопарей диких»*, Феодорит явился тем носителем Божественного гласа, который открыл старцу Митрофану его новое предназначение, Промысл Господа о его новом поприще. Отныне не только личное спасение через покаяние и плач о грехах своей юности, но и сердечное сокрушение о грехах ближних, пребывающих во тьме языческого нечестия, и милосердная забота о просвещении народов, сущих во *«мраке тяжкого идолбесия»* – удел отшельника Трифона.

Но начало пути православного подвижника и просветителя – это постижение науки *«умного молитвенного*

35 Митрофан (Баданин), иеромонах. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Мурманск, 2002. С. 22.

делания», стяжание Святого Духа и обожение плоти для «спасения самого себя», дабы «вокруг могли спастись тысячи». Самый прямой путь к стяжанию Духа Святого, а также к обретению премудрости Божественных откровений лежит через опыт непосредственного Богообщения, «когда осеняет Свет благоволения Божьего», когда «становится возможным чистым сердцем «узреть Бога», воспринять Его бытийную силу, богатство жизни Самого Бога»³⁶.

Около пяти-шести лет постигал Трифон эту великую науку, пребывая *вкупе* с Феодоритом и научаясь священнобезмолвию в иноческом житии. Примерно к 1524 году учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной Евангельской проповеди среди язычников. Стало понятно, что они уже могут разделиться и приступить к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания.

Феодорит направился с проповедью в районы реки Нивы, к Кандалакшскому заливу, в места обитания Лешей Лопи и Лопи Верхней Земли. Здесь уже в 1526 году он добивается видимых успехов, строит церковь и готовит многих «лоплян ко крещению». «К жителям Киндолажской губы, или лопарям, великий князь посылал священника и диакона. Сии, нашедши у них много уже знания о христианстве, вскоре многих крестили и воздвигли храм во имя Рождества Иоанна Крестителя и в память духовного рождения крестившихся»³⁷.

36 Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. Эссекс, 1985. С.139. Цит. по Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М., 1998. С. 171.

37 Начертание Церковной истории от Библейских времен до XVII века. Отд. II. СПб., 1877. С. 440.

Трифон же возвратился в места своих первоначальных покаянных скитаний – в район реки Печенги, на «приморие великого океана, в часть норвежской земли»³⁸, «разжегшийся желанием» просветить светом веры Христовой печенгских лопарей. Несколько лет он самоотверженно трудится на ниве Евангельской проповеди. «В том благовестии святыи муж доброго желания потрудился немало лет»³⁹.

После двенадцати лет пустынножительства, завершая свою первую проповедь Евангелия на берегах Нивы, Колы и Туломы, в 1530 году оба старца, Феодорит и Трифон (тогда еще Митрофан), направляются в Великий Новгород к святителю Макарию. Вернувшись со строителями, они воздвигают церкви: Трифон – на Печенге (у реки Маны) – Свято-Троицкую, для монастыря «новоначального», Феодорит – на реке Коле Благовещенскую (летнюю) и Никольскую (зимнюю)⁴⁰. Новые подробности этих событий мы можем узнать из недавно обнаруженной иной редакции Новгородской летописи⁴¹: «Того же лета била челом великому князю Диколопская земля, с мурман, сказывают, крестилось их 60 человек в Православную Христову веру. И князь великий прислал в Новгород к архиепископу Макарию, чтоб архиепископ послал в их землю своего собора священника и дьякона, да у них бы они, приехав служили сорок обедней, да крестили бы их, которые похотят. А нехотящих не нудити. И архиепископ Макарей, по государеву слову послал с ними в их землю своего собора

38 Житие прп. Трифона. С. 97.

39 Житие прп. Трифона. С. 101.

40 В «Писцовой книге» за 1608 год читаем: «да в остроге [Кольском укреплении] церковь с трапезою Никола чудотворец, клетски, деревянная теплая».

41 См. Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI века из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 322–383.

**Районы монастырского строительства на Кольском севере
(первая половина XVI века).**

- 1 – Свято-Троицкий монастырь «первоначальный» прп. Трифона – 1532 год.
- 2 – Кольский Свято-Троицкий монастырь прп. Феодорита – 1540 год.
- 3 – Кандалакшский Рождество-Богородичный монастырь прп. Феодорита – 1550 год.

попа с дьяконом крестити их и уставити у них церковный чин у церквей, а дияки великого князя Яков Васильев сын Шишкин, да Дмитрий Васильев сын Великой, по государеву слову, послаша с ними из государевой казны колокол в полтретя пуда и книги церковные, и иконы, и кресты, и ризы служебные, весь чин церковный, и ругу церковную уставили из великого князя казны»⁴².

Таким образом, присланный в 1532 году от Новгородского «архиепископа Макария своего собор поп» иеромонах Илия освятил все упомянутые церкви в Коле и на Печенге.

«ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ В КОЛСКОМ ГРАДЕ»

Наиболее древние церковные строения на Кольском полуострове, или хотя бы уцелевшие «церковные места», удивительным образом были неизменно связаны только с именем святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. Эта стойкая традиция есть результат целенаправленной деятельности Николо-Карельского монастыря, основанного в конце XV века преподобным Евфимием Карельским на месте нынешнего города Северодвинска.

В то время Новгородская республика активно и практически безраздельно владычествовала здесь, на Крайнем Севере. Миссионерское освоение этих земель преподобным Евфимием и его учениками осуществлялось путем созидания на побережьях Кольского полуострова церквей и скитских монашеских поселений. Причем все эти церкви воспринимались как «дочерние» Свято-Никольского монастыря и потому освящались в честь святителя

42 РГБ. Собр. Большакова Т. Ф. № 333. Л. 122 об., 123.

Николая Чудотворца. Эта интересная особенность нашла отражение и в ныне широко известной на Севере поговорке: «От Холмогор до Колы тридцать три Николы». Хотя, надо признать, что уже к XVI веку справедливость этой поговорки можно было оспорить, поскольку в течение XV века большинство этих «Никол» было уничтожено набегам «мурманов».

Никольская же древняя часовня, которую Феодорит обнаружил здесь еще в свой первый приход в 1519 году, уцелела, и было решено перестроить ее в зимнюю церковь. Так помимо новой и большой летней Благовещенской церкви в устье Колы появилась и маленькая зимняя Никольская церковь.

Священноинок Илия и иеродиакон Феодорит, конечно же, похлопотали и о том, чтобы освященные церкви в Коле, столь щедро снаженные Великим князем Московским всем необходимым для службы, не остались и «без пения». И вот вскоре Новгородский Владыка рукоположил в священный сан первого настоятеля этих церквей – иерея Иоанна. Как сообщается в «Архангельском патерике», «первый и единственный священник в Коле стал быть 6 декабря 1533 года»⁴³.

Этот «первый священник в Коле» «белый поп Иоанн» – будущий иеромонах Иона, сопостник преподобного Трифона и первый преподобномученик при разорении монастыря⁴⁴.

43 Никодим (Кононов), иеромонах. Архангельский патерик. 1901. С. 224. Сн. 17 к стр. 224. При этом источник информации автором не оговаривается.

44 Преподобномученик Иона Печенгский прославлен в Соборе Кольских Святых в 2003 году.

В дальнейшем именно здесь, в *«Колском граде в церкви Николы чудотворца»*⁴⁵, и служил, сменив Иоанна, уроженец *«Керетской волости»* поп Василий, будущий преподобный Варлаам Керетский – нестигаемый подвижник и воин Христов.

ПОП ИВАН, ПРЕДШЕСТВЕННИК ПОПА ВАСИЛИЯ

Из каких мест на служение в Колу был приглашен белый поп Иоанн, можно высказать только предположения. В древнем Синодике Соловецкого монастыря существовала отдельная страница, куда записывались «поминования многих монастырей иноков». Естественно, вносились туда имена особо памятных угодников Божиих. Так, в списке можно увидеть имена, по-видимому, Печенгских мучеников: «игумен Гурий», «инок Герман» и также «священноинок Иона из Варзуги»⁴⁶. Так что не исключено, что известный северный подвижник, в течение пятидесяти лет служивший при преподобном Трифоне, преподобномученик Иона Печенгский, был родом из древнейшего поселения Терского берега Кольского полуострова – села Варзуги.

Итак, в «волостке Коле» появился поп Иоанн с матушкой. «Супруга же роди ему дочь. По рождении же оному непросвященному младенцу прилучися зело болеть, и по общему совету с супругою крестиша ее»⁴⁷. Так повествует

45 Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. ТОДРА. Л., 1970. С. 191.

46 Архив рукописей Государственного музея истории религий. Вечный синодик Соловецкого монастыря. Колл. 3, оп. 1, д. 392. Л. 39.

47 Там же. С. 227. То есть крестил сам родитель, вынужденно, «по-скорую», что является исключением из правил: «Священник для крещения своих детей приглашает другого... (Ном., 209)» (Бугаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителя. М., 1993. С. 973).

рукопись Печенгского монастыря № 3, и далее добавляет: «и тоя ради вины остави супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель святого и бысть ему ученик».

На первый взгляд, поступок «попа Иоанна», бросившего жену с ребенком, вызывает полное недоумение и, более того, осуждение. Подобная реакция современного христианина повлекла и известного исследователя житий подвижников Крайнего Севера архимандрита Никодима на путь «корректиры» соблазнительного, на его взгляд, текста предания. Отцом Никодимом были дописаны необходимые «горестные подробности»: «Только крестили – дитя умерло. Вскоре умерла и супруга отца Иоанна. Осиротелый отец Иоанн оставил мир, пришел в Печенгскую обитель и сделался любимым учеником преподобного Трифона»⁴⁸. Хотя на самом деле никаких корректур в тексте предания не требовалось.

Просто в те давние времена все то, что требовали чрезвычайно строгие канонические правила Православной Церкви, выполнялось неукоснительно и со страхом Божиим. В случае с отцом Иоанном имеет место ситуация, оговоренная в 53-м Правиле VI Вселенского Собора. Мать ребенка, жена священника, была вынуждена сама стать восприемницей своей дочери, поскольку, как надо понимать, кроме нее в Коле иных женщин-христианок не оказалось. Откладывать же крещение было нельзя – «младенцу прилучися зело болети», и была угроза умереть ребенку некрещеным. «И по общему совету» отец Иоанн с матушкой приняли эту волю Божию и окрестили дочь.

⁴⁸ Никодим (Кононов), архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 158.

Но неумолимые каноны гласят: «Понеже родство по духу есть важнее союза по телу... да отступят от сего незаконного супружества»⁴⁹, что и было свято исполнено батюшкой с матушкой. Вот почему и какой «ради вины» поп Иоанн «оставил супругу и дочь в дому и отъиде во обитель святого и бысть ему ученик, и от преподобного навыче искусного монашества. И потом благословлен иеромонахом»⁵⁰. Так начал свой долгий, пятидесятилетний путь монастырской жизни иеромонах Иона Печенгский. Путь, завершившийся в 1589 году славным венцом преподобномученика.

КОЛЬСКИЙ ПОП ВАСИЛИЙ

В то время, как случилась эта история с попом Иваном, иеродиакон Феодорит вместе с иеромонахом Илией совершали очередное миссионерское путешествие 1534 года по Лапландии и Карелии. Тем временем в Новгород к владыке Макарию пришло известие с Печенги. Строитель Печенгского монастыря монах Трифон сообщал о том, какая история приключилась с настоятелем Кольских церквей попом Иоанном, который ныне смиренно просит о монашеском постриге. И еще о том, сколь большая нужда для Печенгского «новоначального» монастыря в таком вот грамотном священнике, и в соответствующем Указе Его Высокопреосвященства, о котором он, Трифон, нижеайше просит...

49 Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша)//VI Вселенского Собора правило 53. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 538.

50 Никодим (Кононов), архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 227.

Другими словами, получалось, что в Колу теперь нужен новый настоятель.

К тому времени «поминаемый нами преподобный Варлаам, добродетелями своими не в веси Керетьстей единой только просиял, но и во граде Кольстем знаем был. И Кольскому народу тот предивный муж всеусердно желаем был, да придет он к церкви святого Николы, на поставление презвитерское»⁵¹. В таких возвышенных выражениях описывает Выговский старообрядческий книжник добродетели Варлаама, сводя при этом его избрание лишь к волеизъявлению упомянутого «Кольского народа».

Стратегическое значение Колы как Российского оплота на Кольском Севере ясно осознавалось и в Новгороде, и в Москве. В Кольских церквях, построенных и освященных в 1532 году, тщанием Феодорита и волей Великого князя, непременно должен был быть священник. Размышляя о сложившейся ситуации, преподобный Феодорит, видимо, сразу подумал о Василии из Керети – своем давнем ученике и воспитаннике. И весной 1534 года иеродьякон Феодорит вместе с иеромонахом Илией возвращаясь в Великий Новгород из своих миссионерских походов по Северу Руси⁵², надо полагать, захватили с собой и Василия из Керети вместе с молодой его невестой, будущей матушкой. Василию на следующий год как раз исполнялось тридцать лет, и он уже мог стать священником. Как мы помним, *«книгам он был научен»*, пройдя школу Шуереченского скита.

51 «Слово историческое...». Л. 301.

52 Во время этих их миссионерских путешествий по Северу, надо полагать, они побывали и в монастыре на Свири, где летом 1533 года отходил ко Господу великий Александр Свирский, всегда имевший особые духовные отношения с преподобным Феодоритом.

Представленный Новгородскому архиепископу Макарию, кандидат на рукоположение Василий вскоре сподобился первой священной степени – дьякона. После чего оставлен он был служить и набираться опыта при Владычном, архиепископа Макария, домовом храме Рождества Христова, где настоятельствовал иеромонах Илия, а духовником был преподобный Феодорит. Так что, в течение года, до своих тридцати лет, набирался будущий Варлаам мудрости и духовного опыта в благодатном общении с этими великими старцами XVI века.

Когда вышел срок, наконец сподобился дьякон Василий и священнической благодати, после чего *«Божиим судом поставлен бысть презвитером в Колском граде, в церкви Николы чудотворца»*. Окрыленный архиерейским благословением и вняв наставлениям своего духовного отца, где-то в конце 1535 года, приступил священник Василий со своей матушкой к исполнению обязанностей поповских в Кольском граде, «у Студеного моря, на Мурманском рубежу».

Характером новый настоятель Никольской церкви был тверд, порой горяч и крут. Но к вере христианской и к службе церковной ревность имел большую и волю непреклонную. Особо скорбел отец Василий о тяжком «идолобесии», о вере языческой, в которой пребывали еще многие лопарские семьи. По многочисленным лопарским капищам справлялись жуткие магические действия, и прикормленные колдунами-нойдами могущественные порождения тьмы – «князи бесовские», наводили страх на местное население, требуя жертвенных приношений даже от крещеных душ. Всему этому смело противостоял новый Кольский настоятель и *«добре подвизаясь на невидимого*

врага козни», вступил в опасную схватку с «духами злобы поднебесными» (Еф. 6,12). Во всем помощницей отцу Василию была его матушка, которую он любил всем своим горячим сердцем. Так жил он «с супругою в любви и целомудрии во граде Коле, всем людем на успех и на пользу, диаволу же и бесом на рвение и на зависть»⁵³.

О том же высоком священническом служении Варлаама говорится и в «Повести...»: «презвитер Василий в церкви Николы чудотворца пребываше добре подвизался на невидимого врага козни, и люди Закону Божию, яко истинный пастырь поучаше, был ходатай Богу и человекуам».

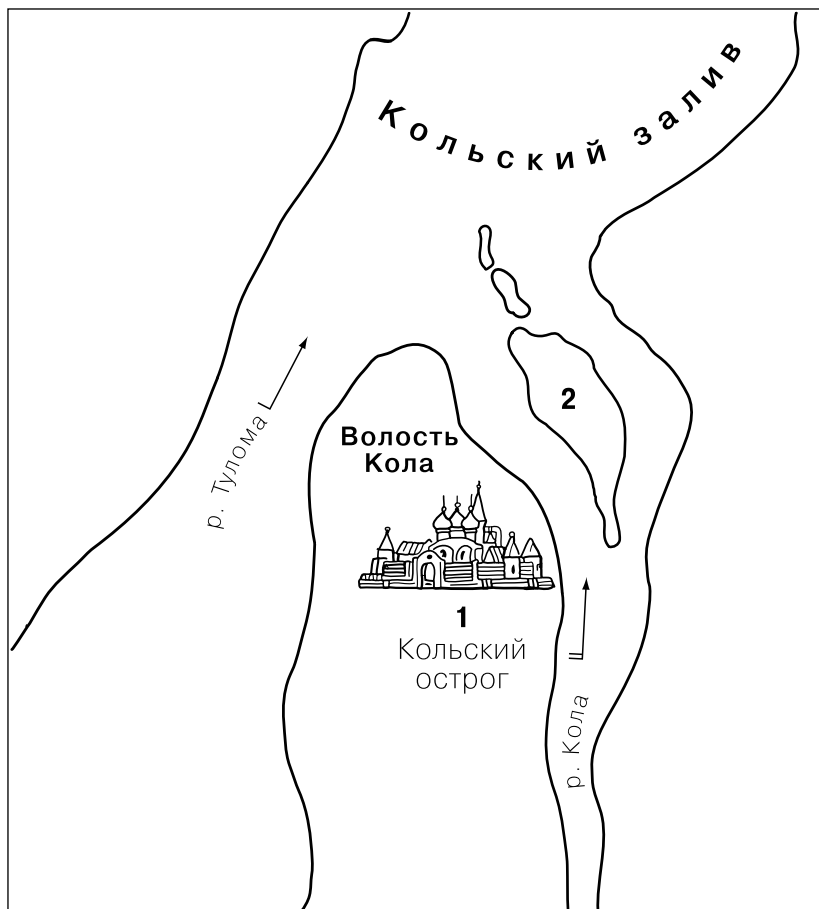
Эти особые духовные качества Варлаама и ревностное его пастырское служение сохранились в народной памяти и в рассказах о нем до нашего времени. «Молитвенник и заступник наш Варлаамий был попом, в Коле священствовал и благочестным житием паче адамантов изукрашен был... Пытал его дьявол соблазнить и властью, и богачеством, и блудом – ничем не взял, окаянный, посрамил его угодник»⁵⁴.

МОНАСТЫРЬ НА КОЛЕ

Около 1536 года, уже проводив эту свою «пару духовных чад» на служение и взяв благословение у владыки Макария, Феодорит скрывается в «заволжских пустынях», дабы бороться с силами и укрепиться духом перед наиважнейшим делом своей жизни – строительством монастыря в Коле и созданием лопарской азбуки. Именно в этот период в течение нескольких лет он подвизается в пустыни Кирилло-Белозерского монастыря вместе со своими друзьями-нестя-

53 «Слово историческое...». Л. 301 об.

54 Данченко В. Н. Страна холода. СПб., М., 1877. С. 33.

**План местности волости Кола
и Монастырского (Каменного) острова в XVI веке.**

- 1** – место, где «пресвитером в Кольском граде в церкви Николы чудотворца» начинал свое восхождение к вершинам православной святости преподобный Варлаам Керетский. Позже, когда к 1583 году будет построен Кольский острог (крепость), Никольская церковь окажется под защитой его стен.
- 2** – остров Монастырский. Место Свято-Троицкой церкви Кольского монастыря преподобного Феодорита, основанного в 1540 году и покинутого в 1549 году монастырской братией, недовольной строгостью устава этой обители.

жателями, «мужами святыми, некоторыми уж престаревшими во днях», со старцем Артемием, а так же со старцами Сергием Климиным, Иоасафом Белобаевым и Исааком-пустынником, впоследствии ставшими иноками Соловецкого монастыря. «И там во трудах духовных подвизался он вкупе около четырех лет»⁵⁵.

В 1540 году Феодорит завершает свои труды и покидает друзей «заволжцев». Приняв «от богатых некоторых немало серебра в воздаяние Господу», уже не один, а «с некоторыми другими» вновь отправляется на Крайний Север в район Колы. Здесь, «на устье предреченной Колы реки созидает он монастырь», ставит «церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им устав». Устав этот, «правило священное», с одной стороны, предусматривает принципы общежительного монастыря (киновии), а с другой – полное «нестяжательное жительство» и добывание пищи только своими руками. Как учит апостол Павел: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10) и чтобы «нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20, 34).

За несколько лет монастырь стал центром христианского просвещения в этом районе Лапландии, и «распространилась во всем том народе проповедь Евангельская»⁵⁶. Надо полагать, что Феодорит в своем монастыре на реке Коле ввел служение на лопарском языке, поскольку основная масса братии состояла из лопарей, ибо «множество от них монашеское житие возлюбил, за благодатию Христа нашего и за Того Священное учение».

⁵⁵ Курбский. С. 329.

⁵⁶ Курбский. С. 332.

ВСТРЕЧА И ПРОЩАНИЕ

С этим возвращением иеромонаха Феодорита в Колу и началом монастырских служб отпала необходимость в Кольском приходском священнике. Возможно, сам Феодорит и привез отцу Василию указ Новгородского Преосвященного о назначении его настоятелем в родное село, в Керетскую Свято-Георгиевскую церковь. Много о чем хотел рассказать и о чем посоветоваться со своим духовником отец Василий, ибо немало духовных браней и искусительных обстоятельств пришлось пережить ему за эти годы пастырского служения в Коле.

Поведал он старцу и о своей схватке с могучим бесом, древнем демоне, испокон веку обитавшем на скале Абрам-мыса, что запирает выход из Кольского залива⁵⁷. Тот злобный дух нечистый, прикормленный у древнего языческого капища на мысу, требовал приношения жертв у каждого, кто следовал мимо него, уходя в море на промысел. Непокорным же грозил лукавый погибелью и, надо сказать, нередко угрозы те исполнялись. Когда же узнал Василий о том, что и многие из крещеных рыбаков начали поддаваться страху бесовскому и пытались ублажать нечистого, принося ему на скалу муку, масло, жир, он «возмутился духом» и, взяв святую воду и фимиам, решительно отправился к Абрам-мысу. Взобравшись на скалу, дерзновенно встал он на закликательные молитвы, запрещая «вселукавому, нечистому, скверному, омерзненно-

57 «В Кольском заливе указывают на отвесную скалу, называемую Абрамовой пахтой. На ней будто бы обитал черт, запиравший выход из губы в океан...» и далее излагается упомянутое предание. Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 442. «Еще в XVII веке мыс назывался Аврамова пахта. Устное предание изменило имя Варлаама в Авраамия или Абрама». Географический словарь Мурманской области. М., 1996. С. 12.

му и чуждому духу силою Иисуса Христа, всякую власть имеющему на небе и на земле»⁵⁸, вредить отныне христианам, и изгоняя его отсюда навсегда «в места пустыя, непроходные и безводные». Священник Василий призвал Имя Божие, необоримое для сил зла и «дивное и славное и страшное сопротивным» и заклил «вселукавого злоначальника», дабы отбегнул и отступил «проклятый мерзкий бес» от места сего на вечные веки⁵⁹.

И ответил ему демон древний: «Ухожу я от места сего, ибо призвал ты Имя Распятого, а власть Его необорима. Да вот только с тобой я не прощаюсь – ты меня еще вспомнишь». С тех пор путь из залива в море стал свободен, страхи и наваждения бесовские исчезли, и жертвы языческие на мысу прекратились⁶⁰.

Так завершил свой рассказ отец Василий, да только не порадовался его рассказу старец Феодорит. Тревожно взглянул он на ревностного молодого священника да на милую его матушку, и сказал печально: «Не надо было бы тебе, чадо, связываться с лукавым. Не для белого попа эта брань духовная – с бесами тягаться, то работа монашеская. Да и не всякому чернецу она по силам. Ты же женат, а значит уязвим. Да и вообще, «надобно крайне беречься, чтобы не вызываться самому на эту крайне опасную и отчаянную борьбу, потому что тут уже середины нет – или

58 Из молитвенных Запрещений чина Оглашения. Требник. М., 2002. С. 42.

59 Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 204.

60 Принесение жертв на Абрам-мысе возобновилось в тридцатые годы XX века. В архиве штаба Северного флота встречались документы, указывающие на то, что на этом мысу проводились расстрелы. Так по воспоминаниям контр-адмирала Нового Б. Г., одна из таких справок сообщала о приведении в исполнение в 1938 году приговора в отношении командира электро-механической боевой части одного из военных кораблей за какие-то серьезные упущения по службе. Расстрел на Абрам-мысе произвел некий старший лейтенант НКВД.

победа, или смерть – и при малейшей на себя самого надеянности и самые великие чудотворцы погибали. И потому, всячески смиряя себя, надобно человеку, елико возможно, избегать этой борьбы, не обольщая себя высотой наград за нее, победою увенчанною, представляемых Господом победившему. Ибо если сами выходить будем на эту битву без особенного Божиего звания, то и конец неизвестен, чем Господь благоволит нам покончить оную»⁶¹. Ну да, что теперь говорить, Бог милостив – молись и не гордись, да не впадешь в напасть. Ну, а коли что случится – сразу дай мне знать, одолеем с Божией помощью».

61 Слова преподобного Серафима Саровского. Записки Мотовилова Н. А. М., 2005. С. 136.

ГЛАВА III

КЕРЕТЬ

«АНГЕЛЫ» СЕЛА КЕРЕТЬ

Ко времени прихода в село нового настоятеля, попа Василия, на монастырском погосте стояла все та же древняя «церковь с трапезою Никола чудотворец», да недавно построенная монахами летняя «церковь великомученика Георгия». На погосте – «дворишко нетяглое⁶²» для попа, «да келья нетяглая, а в ней живет пономарь», да еще «на погосте шесть келий нетяглых, а в них живут старцы убогие, питаются о мире [живут подаванием]»⁶³.

Прибыв в родное село, отец Василий столь же ревностно продолжил священническое служение, отдавая ему все силы своей души. *«Христову плоть раздробляя руками, и служителем Его истинным явился, возношения в премирная вознося и оттуда мир людям своим снося»*⁶⁴. Житие Варлаама и Посвященный ему канон неоднократно подчеркивают особую ревность пастыря в служении и стяжание им благодатных даров Святого Духа. Под стать настоятелю была и его матушка, духовное чадо Феодори-

62 «Тягло – оброк, подать». Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 744. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Дьяченко. Словарь. – Прим. ред.)

63 «Сотная выпись с писцовых книг письма двинян Якима Романова и Никиты Пятутина на волость Кереть» // Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442.

64 Канон прп. Варлааму. Л. 413 об.

та, от юности непорочна и исполненная всяческими добродетелями.

Будучи белым священником и живя с молодой женой, Василий, как мы видим из жития, детей не имел. Можно сделать предположение, что эта пара, вступив в законный брак и дождавшись священнического сана, осталась в своем прежнем состоянии братской нежности и любви. Тогда жизнь их проходила в целомудренном хранении чувств, в воздержании телесном, тяготении к иноческим обетам, подтверждение чему можно найти и в тексте «Канона...»: «*Ангельскому житию*⁶⁵ поревновав, непрестанными молитвами, сподобился быть тайнозритель и жрец, совершаем [приходя в совершенство] *благодатию Святаго Духа*».⁶⁶

Также о высоких, целомудренных качествах их брачного союза, надо полагать, повествует и старообрядческий автор «Слова о Варлааме...»: «И благочестивый воистину с той благочестивой супружницей соединился, и благоразумный, воистину с той добродетельной соработницей по закону непорочно соединился, чисто между собою ложе сохранив, цел и незазорен совет брачный соблюдая»⁶⁷.

Однако еще раз оговоримся, что это лишь наше предположение и одна из косвенных причин последующих тяжких испытаний. Если же все было именно так, как мы предполагаем, то молодые, принимая такое непростое решение о хранении девства в браке, должны были испросить совета и благословения у своего духовника преподобного Феодорита Кольского. И, надо полагать, ста-

65 «Ангельское житие или ангельский образ – третья степень монашества совершенного по богомыслию, чистоте, нестяжанию и послушанию». Дьяченко. Словарь. С. 17.

66 Канон прп. Варлааму. Л. 414.

67 «Слово историческое...». Л. 300.

рец-девственник, поведал им суть учения Православной Церкви об этом редком виде христианского подвига супружеской любви.

Утраченная нашими праотцами в Эдеме возможность в полной мере постигнуть великую тайну Брака, когда «человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую», тем не менее, подспудно продолжала жить в человеке. Однако до прихода в мир Спасителя такое соединение супругов «в одно тело», «в плоть единую» было совершенно невозможно. Абсолютно иные принципы людского брака были узаконены и торжествовали в мире, жившем до благовестия Христова, до Его подвига Смерти и Воскресения.

Главной задачей, стоявшей перед людьми, было чадородие. Бездетность воспринималась как Божие проклятие за тайные грехи. Не оставить после себя потомства считалось категорически недопустимым. Закон левирата в Древнем Израиле строго требовал со стороны родственников умершего бездетным «восстановить семя брату», непременно зачать потомка этого рода (Втор. 25; Числ. 36).

Пришедший в мир Спаситель решительно повернул людей к постижению истинного замысла Творца о создании «Адама и жены его». Божественный Учитель совершенно ясно осудил любую возможность смены избранника в браке, и более того, поднял планку понимания сути Брака на иную, недостижимую в то время высоту: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28). Это было нечто невиданное, ведь задача всегда стояла оставить после себя как можно больше потомства. Даже плененную чужестранку, «женщину, красивую видом», после непродолжительного очищения, разрешалось брать в очередные жены-наложницы.

Когда же встревоженные ученики, да и многие иные иудеи, смущенные этим неслыханным доселе, новым Его учением о браке, говорили о том, что закон Моисеев ведь позволяет разводиться и требует исполнения принципа левирата, то «Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь» (Мр.10, 5). После чего Господь ясно напомнил всем, что «сначала не было так» (Мф.19, 8), и в доказательство Своих слов процитировал то важнейшее место из Книги Бытия, где говорится про мужа и жену, что «будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мр.10, 8; 9). Потому «кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует» (Мр.10, 11).

Столкнувшись с этим небывалым учением, с той высокой ответственности, которую берет на себя человек, избирая себе жену и принимая единственное на всю жизнь решение о браке, ученики Спасителя справедливо заметили: «если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф.19:10). И обратим внимание, Божественный Учитель не только не отверг прикровенной мудрости, содержащейся в их словах, но и впервые высказался о высокой ценности девства. Причем сделал Он это, лишь изменив акцент их замечания, тем самым утверждая неизменный приоритет и непреходящую ценность перед Лицом Божиим девственности и целомудрия: «Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано... ибо есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф.19,12).

Думается, нет необходимости объяснять, что речь здесь идет не о физическом оскотлении, что одно время

с примитивной жестокостью понималось в католической традиции. Ценность такого скопчества не велика. Внутренняя, сокровенная девственность и чистота принимаемая как обет и приносимая в дар Богу, – вот о каком избрании говорит Учитель, призывая идти за Собой, за Своей Божественной Девственностью всех тех, «кому дано вместить слово сие».

Именно потому девственник апостол Иоанн был всех ближе к Учителю, во время Его земного служения, ибо его «любил Иисус», и он единственный на вечерах был допущен «возлежать у груди Иисуса» (Ин.13, 23).

О высоком призвании от Господа того, кто возжелал соблюдать девственность, пишет нам и другой избранник Божий, девственник апостол Павел: «кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает» (1Кор. 7, 37).

В традициях русского Православия всегда было заложено внутреннее стремление к достижению этого высокого идеала чистоты и целомудрия. И истинный дух Православного брака, высота обетов, даваемых мужем и женой пред Лицом Божиим, решительно не принимала культа безудержных чувственных наслаждений, так пышно расцветших в иных религиозных традициях. Таинство церковного Венчания, ясно нацеливая супругов не только на чадородие, но и на многочадие, при этом всячески пеклось о целомудрии и чистоте чувств супругов. Зачатие ребенка в благочестивой семье никогда не отдавалось на волю случая. К зачатию готовились постом и молитвою, в соитии береглись похотливых, нечистых чувств. Таким образом, будущее чадо всячески ограждалось от наследо-

вания родительских грехов и последующего проявления наследственных страстей.

После же сорока лет большинство русских православных семей, отдав свой долг чадородию, давали тайный обет Богу, храня себя в целомудренном воздержании, и «лишь в Господа богатели».

И более того, есть множество примеров православных пар, проживших по обоюдному обету в целомудрии всю свою совместную жизнь, и при этом с чрезвычайной нежностью относившихся друг к другу⁶⁸. Еще раз подчеркнем, что это особое избранничество Божие, и далеко не каждому по плечу этот путь, когда «имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор. 7, 29).

Мы не имеем, да и не можем иметь какого-либо документального свидетельства о принятии или не принятии столь высоких обетов священнической четой села Кереть. В то же время, последующее избранничество на столь беспримерный подвиг, раскрытию сути которого мы посвятим дальнейшие главы этой книги, убеждает нас в необычно высокой «планке» духовного уровня этой пары и свидетельствует о том, что наши предположения вполне реальны. Непременно должно было быть явлено некое особое дерзновение пред Господом со стороны Варлаама и его матушки. Ими была ясно показана, если можно так выразиться, высота «заявки» на Царствие Небесное, что и вызвало такую ярость князя тьмы, и последующее попущение Божие столь «крепкого» испытания веры им обоим.

⁶⁸ Так, например, известная супружеская пара не столь давних времен: «Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна, еще в юности дали обет целомудрия, и их соединение в супружестве было поистине, ангельским». Янушкявичюс Р., Янушкявичене О. Основы нравственности М., 2004. С. 314.

Ну а пока отец Василий с матушкой жили и служили Господу, пребывая в чистоте телесной и ангельской любви, возрастая в добродетели и приходя «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). И были они «живущие в любви и целомудрии, всем людям на успех и на пользу, диаволу же и бесам на рвение и на зависть»⁶⁹, не предполагая, что уже приблизился «день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» (Иов.1, 6). Мы можем только догадываться, какою злобою дышал на них к этому времени враг рода человеческого, коему извечно так ненавистны «неукоризненные и чистые, чада Божии непорочные» (Фил. 2, 15).

«И сказал Господь сатане: вот, все, что есть у него – в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня» (Книга Иова Многострадального.1, 12).

И вот тогда, «видя его диавол всяческими добродетелями украшена, свою же окаянную и немощную силу, яко паучину раздираемую, простер сеть свою во уловление праведнаго, якоже в древности на Адама».

СЕТЬ БЕСОВСКАЯ

«Лукавый змий, не терпяще зрети тебя всегда Богу предстояща и молитву о людях приносящаго, находит на твою супругу»⁷⁰. «Змий находит на супругу» – другими словами, происходит ужасное – мерзкий дух нечистый вселяется в матушку. Столь любимая жена отца Василия, его чистая голубица, верный друг и сомолитвенник не-

69 «Слово историческое...». Л. 302.

70 Канон прп. Варлааму. Л. 414.

ожиданно становится бесноватой и начинает вести себя неадекватно и соблазнительно.

Известное на Поморье песенное предание – «Старина о Варлаамии Керетском»⁷¹, так повествует о той внезапно разразившейся беде:

« – Иерею Варлаамие,
Где твоя молода жена?
– Она ушла в гости к тятеньке,
Ко родителю–маменьке.
– Нет, ерею Варлаамие,
Твоя жена за гульбой ушла
Она боса и пьяна,
Со корабельщики целуется...»

Священник, естественно, не верит в такую клевету, возводимую на матушку:

«Поп Варлаамий зачнет
Их колом огородним градить:
– Про мою госпожу
Так не смей говорить!
Она жена иереева,
Она краса несказанная!»

В «Старине» сохранились и дополнительные подробности того тяжкого искушения, случившегося в дни Пасхальных торжеств:

71 Шергин Б. В. Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967. С. 230.
(В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Шергин. – Прим. ред.)

«Поп Варлаамий о Паске
Обедню служил,
По собору свещу
Со цветами носил,
«Паска красная» пел.

Матушка, ранее всегда певшая на церковном клиросе,
почему-то не приходит к началу Пасхальной обедни:

« – Не видали ли, миряне,
Где девалась госпожа?
Она дома ночевала
И к обедне шла...»

Миряне, не менее священника смущенные всем происходящим, вынуждены сообщить своему батюшке невероятные подробности происходящего:

« – Госпожа твоя
за гульбой ушла...
Она теперь пьяна,
Боса и без пояса».

В предании весьма точно подмечаются характерные признаки беснования, проявляющиеся как реакция на приближение священнослужителя к одержимой:

«Поп Варлаамий
Со свещей и цветами
На пристань идет,
Он свою госпожу
Воплем крепким зовет:
– Без тебя дома миру нет!
Без тебя в церкви пеня нет!»

На призыв батюшки одолеть это нападение бесовское и вернуться домой, в матушке уже начинает отвечать бес:

« – Я одежды поповской боюсь,
Я твоей бороды не люблю...»

ПРЕОДОЛЕВАЯ ПОШЛОСТЬ

Как мы видим, приведенное народное предание, равным образом и последующие комментарии исследователей, всячески стремились свести суть произошедшей трагедии к до боли знакомой пошлой житейской истории об изменявшей жене и непомерно ревнивом муже. Именно с этой целью в песенную историю вводится новый персонаж – любовник скандинав Фарлаф (Олаф), приходящий на ладье в Колу по торговым делам:

«Ночью в город Фарлаф
На лодье прибежал
По твою госпожу
В Божью церковь послал»

Равно как добавляются и иные пикантные подробности, служащие для усиления романтического и более мирского акцента:

«Полюбила я молодчика кудрявенького
Я Олафа, я Фарлафа расхорошенького».
«Она боса и пьяна,
Со корабельщики целуется,
Со фарлафами валяется».

Свидетельством же того, что все эти вольные подробности были додуманы много позже, служит тот факт, что,

исходя из текста «Стáрины...», ее составители даже и не подозревали о том, что те давние трагические события разворачивались не в известном торговом месте Коле, куда и зааживали такие «фарлафы», а в дальнем поморском селе Кереть⁷².

И это несмотря на то, что церковные свидетельства вовсе не упоминают об «изменах и ревностях», настаивая на гораздо более жестоком и тяжком испытании, попущенным Господом Варлааму и его жене.

Старообрядческие редакции Жития также ни о каких изменах речи не ведут, в то же время полагая, что все произошло случайно и, по сути, обыденно. По их версии все дело состояло в том, что «случилось честной супруге пред Варлаамом в чем-то погрешить» и, как и положено в этом случае по «Домострою», жене надлежит быть мужем наказанной. Однако, «приступив же до нея наказати, смиренномудрому наказателю, завистию врага случилось в наказании том паче меры ее уязвити». В результате от «той язвы честныя супруга и ўмре»⁷³.

В определенной степени такому, а подчас и еще более вольному толкованию способствовало весьма невнятное изложение этого важнейшего момента «духовной брани», которую давно вел преподобный Варлаам Керетский с князем тьмы, в дошедшей до нас редакции Жития: *«Видев его диавол всяческими добродетелями украшена,... простер сеть свою во уловление праведнаго, якоже в древности на Адама, вложив бо его во убийство супружницы его»*. Что

72 Именно в Коле «немецкие торговые люди, которые приезжают в Кольский острог на кораблях» и меняют наши товары «на сукна, и на ефимки, и на медь, и на олово, и на питье». Писцовая книга Алая Михалкова 7116 [1608] года. Харузин Н. П. Русские лопари // Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Приложение 2. С. 428.

73 «Слово историческое...». Л. 302 об.

«вложил» лукавый, и каковы были козни его, доведшие священника, «всяческими добродетелями украшенного», до тяжкого греха «убийства супружницы его» – предоставлялось читателю домыслить самому.

И читатель домысливал, исходя из собственного «духовного» опыта. Таким образом, появились расхожие песни «о загулявшей матушке». Либо, «народные предания» об одураченном бесом незадачливом попе, как, например, в рассказе помора, записанном в XIX веке: «Варлаамий только от обедни с тихим сердцем возвращался – и застал у себя дьявола, будто тот выходит из горницы попадьи. Ну, тут было дело. Варлаам, допрежь сего, распалился, неповинную свою жену убил. Потом черта ловить стал, да не поймал. Как поймать – у того хвост трубой»⁷⁴. И последующие исследователи в XX веке бойко тиражировали подобные «жизненно убедительные» объяснения: «Когда Варлаам возвращался из церкви домой, ему навстречу попалась нищая старушка. Она сказала ему, что его жена подала ей милостыню и за это просила не проговориться, что та застала у нее любовника. Разгневанный Варлаам бросился домой и убил жену»⁷⁵. В этом же ряду можно встретить и весьма талантливые произведения, в которых авторы идут еще дальше в своих фантазиях, смело искажая суть произошедшего⁷⁶.

74 Данченко В. Н. Страна холода. СПб., М., 1877. С. 33.

75 Дмитриев А. А., Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРА, М.-Л., 1961. Т. XVII. С. 534.

76 Так, например, с большим сожалением можно упомянуть необычайно ярко написанное стихотворение Устинова В. А. «Старина о Варлаамии с Колы», где даже и не упоминается священнический сан Варлаама, что позволяет автору не сдерживать себя в вольной трактовке образа святого подвижника.

Потому особо важным для нас являются свидетельства самих современников об истинных причинах той ситуации, приведших к совершению Варлаамом тяжкого греха. Свидетельства, которые, например, изложены в раннеупомянутом нами «Каноне...»: *«Лукавый змий, не терпяще зрети тебя всегда Богу предстоящим и молитву о людях приносящим, находит на твою супругу, вадя на смешение странно»*. «Вадя» – по церковно-славянски значит, «клевета», «обвиняя» или же «увлекающая», «прельщая», «соблазняющая». *«На смешение странно»* – значит, соблазняющая отвратительные прелюбодейные поступки.

Вот что вытворял лукавый бес и что происходило с бедной матушкой, ставшей одержимой духом нечистым. То есть Господь попустил жуткому демону *«найти на супругу»*, войти в тело и душу жены Варлаама и сделать ее бесноватой. Злой дух устами матушки кощунствовал и насмеялся над священником, понуждая ее к бесстыдным и соблазнительным поступкам. И не было у батюшки никакой возможности прекратить это неожиданное жуткое наваждение, эту безжалостную месть бесовскую.

Точнее, как мы увидим позже, была оставлена ему лишь одна страшная возможность остановить это мучение, этот кошмар – поменять его на другую тяжкую и долгую муку. На невысказанный подвиг искупления.

«ГНЕВАЯСЬ НЕ СОГРЕШАЙТЕ» (ЕФ. 4, 26)

Нет никаких сомнений в том, что грех убийства жены Варлаам совершил, допустив непомерный гнев и ярость. Об этом со всей ясностью говорится и в «Каноне...»: *«Ты, узрев ее, с яростью на нее устремившись, поражаешь ее смерт-*

ною язвою и гробу предаешь» или же: «то содеяно тобой в ярости и невоздержании». Но, восстанавливая мысленно те чрезвычайные обстоятельства, в которых оказался Варлаам, мы не должны забывать, что речь идет о священнике весьма духовном, о подвижнике, исповедующем духовную аскезу «заволжской» монашеской школы.

В этой духовной зрелости подвижника неопровержимо убеждает нас не только вся упомянутая предшествующая жизнь Варлаама, но и последующее его избрничество Господом на непомерный подвиг и достойное совершение им этого великого дела своего искупления.

При этом было бы неверным говорить и о том, что Керетский поп Василий к моменту этого тяжелого испытания уже пришел в полную меру духовного совершенства, одолев врожденные, довольно страстные черты своего характера. Может быть, ему показалось уже, что он достиг каких-то высот в своем служении Христу, возможно, допустил самоуспокоенность в деле спасения души. Так или иначе, Господь попустил сатане взять силу над попом Василием, ловко спровоцировать его, сыграв на, казалось бы, уже побежденных страстях его горячего характера. И этот потаенный «*ярости и напрасньства* [гнева, вспыльчивости] *пламень*» жестоко опалил Варлаама, круто и безжалостно изменив привычное течение его жизни.

Во всяком случае, события развивались не по столь примитивному, ранее упомянутому «жизненно убедительному» сценарию, вроде: «Разгневанный Варлаам бросился домой и убил жену». Даже при всей внезапности случившейся духовной болезни матушки, Варлаам не мог не помнить и тех угроз бесовских, произнесенных на него на Абрам-мысе, и предупреждений, данных ему от отца

духовного. «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и **не давайте места диаволу**» (Еф. 4, 26), наставляет нас в Божественной мудрости святой апостол Павел. И, думается, Варлаам хорошо понимал суть происходящей духовной брани.

Беснование, одолевшее матушку, судя по всему, было крайне тяжелым и яростным, но для опытного священника подобные явления, конечно, «не в диковинку». Варлаам в этой ситуации должен был предпринять все необходимое, чтобы смирить силу бесовскую и попытаться помочь любимой жене.

Речь идет в первую очередь о благодатной силе церковных Таинств, которые всегда есть в распоряжении пастыря. Любые действия по врачеванию духовного повреждения начинаются непременно с Таинства Исповеди: «Да наставит заклинатель бесного, если тот умом и телом здравствует, да прилежно молится о себе Богу, и постится, и святым исповеданием себя очистит и оградит». Так предписывает чин «отчитки» бесноватого, то есть, как мы видим, первые шаги к исцелению возможны лишь при наличии доброй воли к ним самого болящего. Было ли такое волеизъявление со стороны болящей матушки? Похоже, что нет.

Разобранная нами ранее «Стáрина о Варлааме» сохранила нам свидетельство тех усилий, что предпринимал священник по смирению бесноватой, дабы изгнать из нее нечистого духа:

«Поп Варлаамий с плечей
Епитрахиль сымал,
И святой патрахилью жене
Белы руки вязал...»

Эти действия священника впоследствии были расценены некомпетентными в этих вопросах свидетелями как некое ритуальное приготовление к убийству «изменницы жены».

Свидетели же происходящему должны были быть непременно, поскольку это предполагает сам церковный чин «Последования молебного...»: «Если же заклинания над женою приключится творити, всегда с собой да имеет честныя люди к удержанию бесной, когда она бывает мучима от беса: и люди эти, если возможно, да будут ближние ее, и обычаев честных»⁷⁷. Эти-то свидетели и оставили нам подробности того, что произошло далее в Керетской церкви пред алтарем, там, где храмовая икона святого великомученика Георгия, пронзающего копьем мерзкого змея.

ТАЙНА КОПИЯ

Варлаам «привел жену в собор, поставил против алтаря и покаял жену последним покаянием»⁷⁸. Все упомянутое в «Стáрине...» вполне соответствует приводимому нами ранее чинопоследованию, разве что можно добавить про отверстые в этот момент Царские врата, напротив которых священник и бесный, «пав ниц на лице свое, со умилением и слезами чтут покаянный пятидесятый псалом».

То, что происходило далее, согласно тексту, приведенному в «Стáрине...», выглядит не иначе, как описание хладнокровного убийства изменницы жены, с элементами

77 Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 204.

78 Шергин. С. 231.

фантастической мелодрамы. «И, взяв с престола копие, он метнул копие в жену. Несчастная бежит по церкви, прячась за столпы. Но копие настигло ее...» Трудно винить очевидцев произошедшего, увидевших в действиях священника якобы заранее обдуманное убийство, тем более, что, скорее всего, они были родственниками несчастной убиенной. Все это нашло свое отражение в последующем творчестве народных сказителей и соавторов этих фантазий.

Так зачем же Варлаам взял в руки святое Копие, место которому на жертвеннике, вместе со всеми священными Сосудами, предназначенными для Таинства Евхаристии – принесения Бескровной Жертвы.

В Требниках, переизданных в 90–х годах прошедшего века, можно встретить довольно загадочный чин, занимающий всего одну страничку текста и состоящий из трех тропарей, но при этом имеющий весьма внушительное название: «Когда крест творит священник на страсть недуга со святым копием». Думается, что эта уцелевшая «страничка» – лишь слабый отголосок какого-то серьезного чина изгнания беса, применявшегося в глубокой древности, еще до составления нынешних молебствий из Требника митрополита Петра Могилы XVII века, и предполагавшего некое использование при этом святого Копия.

Потому и оказалось оно, Копие это, в руке Варлаама. Да только, видать, жутко страшен и силен был тот демон древний, что, не вынося святынь христианских, внезапно открылся Варлааму в несчастной матушке, с такой непомерной силой проступив сквозь любимые черты страдающей жены, во всем своем нестерпимо мерзком облици, что не устоял заклинатель и поразил Святым Копием древнего змия.

Дикий рев огласил церковь Божию, и смрадным дымом изошел дух нечистый из замершего на вздохе пронзенного тела страдальцы. Кротко успела взглянуть она на любимого батюшку, бросился к ней со слезами Варлаам. Да только затуманился уж ее взор и отлетела ко Господу чистая душа голубицы. И тут как ледяной ветер пронесся над Варлаамом, тошнота подкатила к сердцу, и в голове его возник знакомый мерзкий голос: «Ну что, Васюк, вспомнил меня, жалкий убийца глупой попадьи? Ты больше теперь не священник – ты душегубец, – так глумился над потрясенным Варлаамом коварный змий, – и нет тебе спасения – я победил тебя, помни теперь об этом всю свою жизнь».

«Можешь ли пронзить кожу его копием и главу его рыбацьею острогою? Клади на него руку твою и помни о борьбе...» (Книга Иова Многострадального. 40, 26; 27).

ГРЕХ

Долго не мог вместить Варлаам всю тяжесть произошедшей катастрофы. «Солнце да не зайдет во гневе вашем – и не давайте места диаволу» (Еф. 4, 26), предупреждает каждого христианина мудрый апостол. Не устоял Варлаам – дал место диаволу – и вот, зашло солнце его жизни. Душа отказывалась принимать реальность свершившегося кошмара, страшного греха, который в одиночасье разрушил всю его недавнюю счастливую жизнь.

«В гневе на жену свою употребивший секиру есть убийца» – звучала в его голове давним воспоминанием строчка канонических Правил Василия Великого. Тогда, еще в Новгороде, только рукоположенный во дьякона, все спрашивал он блаженного старца Феодорита о

том, отчего бы духоносному старцу Трифону, подвижнику Печенгскому, самому ни принять священный сан. «Кому как не Трифону окормлять монастырь, – недоумевал тогда Варлаам, – вот готовый игумен, и стать в нем, и дух. И зачем ему инок Иона в священстве?» «Трифону-то и ко Причастию двадцать лет допуска не было, а ты говоришь «священство», – вздыхал в ответ Феодорит, – тяжек грех убийства и, бывает, жестоко искушает он человека еще со времен Каина и Авеля. Так-то вот, отче Василие».

И помнится, долго тогда еще размышлял старец о грехе убийства: «Святые апостолы в древности порешили, что неволею убивший десять лет да не причастится Святых Таин. Волею же убивший и потом покаявшийся двадцать лет да будет без Причастия»⁷⁹.

«Поп Варлаамий во гроб
Госпожу как к венцу снаряжал.
Космы пьяные ей на челе
Благочестно сплетал:
– Спи, жена иереева,
Спи, краса несказанная!»

Так передает нам чувства Варлаама поморское сказание, о том же говорит и Житие: «он же по сотворению греха, уразумев, как позавидовал ему враг, плакася вельми...» «Сорок дней и сорок ночей Варлаамий ничего не ел и не пил, а только все плакал»⁸⁰.

Варлаам непрерывно служил заупокойные службы, справляя литию за литией. Сквозь подкатывающиеся сле-

79 Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра. 1996. С. 484.

80 Северная Россия / Живописная Россия. СПб. – М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

зы и непрерывное звучание псалмов поминальной Псалтири, вновь и вновь вглядывался он в любимый облик жены, прекрасный в этом своем новом, глубоком и непостижимом для живых покое. И в этих бледных, уже обострившихся чертах своей недавно еще верной спутницы и надежной помощницы, он постигал неумолимость того давнего, Божественного приговора, данного людям в Эдеме: «возвратишься ты в землю, из которой взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3,19). И невыносимая тяжесть содеянного, вся необоримая, познанная им только сейчас в полной мере страшная сила греха тоской и душевной мукой властно давила к земле и толкала к отчаянию.

ЛОЖЬ «БЕСПОПОВСТВА»

Здесь, на этом важнейшем моменте жизни преподобного Варлаама, мы ненадолго прервем наше повествование, поскольку подходим к чрезвычайно важной, принципиальной проблеме. Именно здесь проходит водораздел между духом истинного Православия и духом поразившего Русский Север беспоповского раскола.

Известное на сегодня Житие, а следом за ним и народные сказания, представляют поведение Варлаама сразу после совершенного убийства, мягко говоря, странно. Мы имеем ввиду тот эпизод «Повести...», где говорится, что будто Варлаам *«недостойна себя судив еже священно действовать, паче изволил страдать за грех, – еже с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати»*. Однако, согласитесь, что при такой трактовке событий Варлаам выглядит неким одиноким раскольником, ни признающим канонического единства ни с правящим архиереем, ни с от-

цом своим духовным, и не нуждающимся ни в чем благословении. И тогда, действительно, становится возможным совершенно недопустимым тоном излагать суть великого покаянного делания Варлаама, как, например: «он наказал себя за убийство жены тем, что с трупом ездил на лодке»⁸¹.

Такое очевидное пренебрежение важнейшими составляющими духовности наших северных подвижников, которые именуются каноничность и соборность, как раз и есть следствие духа раскола, поразившего Русскую Церковь в XVII веке и проникшего в поздние редакции Житий. Северный подвижник по воле таких редакторов предстает нам неким суровым одиночкой, живущим по своему разумению и хотению, вне Церкви и живого потока Церковного Предания.

Такая трактовка образа подвижника в рассматриваемой «Повести...» позволяет сделать нам некоторые предположения. Исследователи жития Варлаама Керетского знают о том, что существовала «Повесть о преподобнем Варлааме» иной редакции, автором которой считался известный старообрядческий беспоповский писатель XVIII века Трифон Петров⁸², живший в так называемом Выгорецком общежительстве Поморского согласия⁸³. В перечне произведений

81 Ключевский В. О. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1989. С. 341.

82 Трифон Петров (1670–1766) – главный и старший учитель в Выговском расколе («Поморское согласие», осн. в 1695 году). Сын священника из г. Олонца. Под влиянием матери уклонился в раскол. В 1740 году перекрещен по-раскольнически в Выге, с наречением имени Иван.

83 «Старообрядчество основало здесь, на Поморье, свой крупный хозяйственно-культурный и просветительно-идеологический центр – Выгорецкое общежительство Поморского согласия [устье реки Выг – ныне завершение Беломоро-Балтийского канала. – И. М.], в дальнейшем г. Данилов, и стало религией подавляющей части населения севера, наложившей сильный отпечаток на все стороны жизни, быта и культуры. Даже после разгрома в 1854 году Выгорецкого и Лексинского монастырей, всякий помор, даже не старообрядец, должен был по традиции хоть раз побывать в Данилове». Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – нач. XX века». Л., 1983. С. 94–95.

«лжеучителя Трифона Петрова», наряду с такими сочинениями, как «слова похвальные о самосожженцах, о причащении без священников», упоминается и «преподобного Варлаама Керетского житие, новосочиненное им, с чудесами его»⁸⁴.

Практически никто из исследователей, за малым исключением, этого «новосочиненного» жития так и не видел. Нам довелось обнаружить местонахождение рукописи⁸⁵ под названием «Слово историческо (так!) о житии преподобного Варлаама, иже вскрай Соловецкого моря, в месте нарицаемом Кереть, просиявшего. Списано в лето мироздания 7241[1733 год]», в которой, видимо, и надо признать ту самую «новосочиненную» редакцию жития.

С большим сожалением необходимо отметить, что имеющее столь обнадеживающее название («Слово историческо...») и внушительный объем (четырнадцать страниц мелкого рукописного текста), сочинение это на самом деле мало что добавило к нашим сведениям о Варлааме.

Можно сказать, Слово это посвящено не столько житию Варлаама, сколько прославлению таланта самого автора – книжника Трифона Петрова, несомненно, человека одаренного. Невольно временами поражаешься, как сумел автор вокруг известного и столь краткого текста «Повести о Варлааме...» так обильно накрутить «плетения словес», практически ни о чем. Вот, например, как писатель рассказывает о кончине Варлаама, о том, что тот «с миром ко Господу отошел». «И тако священнаго трудника

84 Братское слово. Журнал, посвященный истории раскола. М., 1888. № 7. С. 488.

85 Особо благодарим заведующую отделом древнерусской литературы Института русской литературы РАН, доктора филологических наук Поньрко Наталью Владимировну, указавшую нам местонахождение этого текста: РГБ, рукописный фонд, собрание Егорова, № 1571. Поньрко Н. В. Трифон Петров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 2004. Ч. 4. Дополнения. С. 48.

священная жизнь священным от жизни сея отхождением в священнейшую будущую жизнь священнейшим прехождением священствовася, и тако блаженнаго покойника блаженный покой блаженным успением телеси во блаженнейшее упокоение души преблаженнейше устаменися. И тако предивный Варлаам предивнейшим в Небеснаго града, предивнейшим недра восприятием...»⁸⁶ и так далее.

Как указывает автор, поводом для написания этого «Слова исторического...» явилось неоднократное обращение к Трифону «некоего мужа, любящаго преподобнаго» и «имеющаго лишь вкратце написанное Житие Варлаама Керетьскаго», с просьбой «изложить пространнее» эту историю. Упомянутый почитатель памяти Варлаама кроме текста «Повести вкратце написанной...», видимо, что-то еще на словах поведал Трифону Петрову из того, что знал из народных преданий о Керетском подвижнике.

Так в «Слове...» появилось чудо, бывшее с «Прокопием Ивановым, града Олонца, веси Выгорецкия, жителем». Этот Прокопий, будучи «в приморских местах для купечества и приехавши в весь, глаголемую Кереть, и слыша от жителей той веси о преподобнем Варлааме, яко угодник есть Божий, восхотел видети гроб святаго и да поклониться». Однако придя ко гробу со святыми мощами «по некоему навету лукаваго усомнился гробу преподобнаго поклониться, тако же и образу его». По дороге из храма Прокопий почувствовал боль в «десной его ноге», да столь сильную, что едва «до подворья, идеже обитал, довлещися возможе». Отправиться в свой дальнейший путь из-за болезни он уже не смог и оставался на месте том в течение четырех дней, «бо-

86 «Слово историческое...». Л. 305 об.

лезная и недоумевая», что же теперь ему делать. Нога тем временем совсем распухла и стала черной, «как головня». И тут «пришло ему во ум» понимание, что все случившееся с ним есть наказание от Господа за леность и непочитание великого угодника Божия Варлаама.

С трудом сумел Прокопий добратся «вновь в молитвенный храм ко преподобному Варлааму, и гробу блаженнаго поклонился и всеусердно припадая на долог час, и образу святаго такоже помолился, и тако изыде из храма молитвеннаго, и тут ощутил себя ногою здрава».

Когда же пришел «на подворие разулся, и ногу свою с удивлением осязал и очами своими видел ее от черноты и болезни очистившуюся, и оттоле здрав был». И продолжил путь свой, «благодаря Бога и преподобнаго Варлаама чудотворца, ибо молитвами его сподобился такового посещения»⁸⁷.

Кроме описания этого чуда, иных существенных добавлений к фактам, изложенным в «Повести вкратце написанной...» в этой редакции Жития найти не удалось. Некоторые уточнения и нюансы, замеченные нами в тексте этого «Слова...», мы уже использовали в наших рассуждениях, и будем ссылаться на них и далее.

Автор этого «Слова...» «в заключительных строках, обращается к святому с просьбой о заступничестве, в чем отразилось гонимое положение старообрядцев»⁸⁸: «Да милует нас, бедных козни терпящих, и разори и испепели лукавно учащих, стани, стани за ны»⁸⁹. Как можно заме-

87 «Слово историческое...». Л. 307, 307 об.

88 Поньрко Н. В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия. Автореферат канд. дис. Л., 1979. С. 16

89 «Слово историческое...» Л. 308 об.

тить, в этом «историческом» «Слове...» абсолютно весь текст известной нам «Повести...», даже при суровом беспоповском ригоризме, оказался вполне приемлемым для «главного и старшего учителя Выговского раскола Трифона Петрова».

Скорее всего, это объясняется тем, что **все** известные на сегодня сохранившиеся рукописные списки «Повести вкратце изложенной...» как раз и несут в себе дух той самой «редакции Трифона Петрова». В данном случае мы имеем в виду не самого Трифона, а вообще всю духовную традицию беспоповства.

Как известно, мнение специалистов таково, что самый ранний из дошедших до нас списков «Повести о преподобном Варлааме Керецком» относится ко второй половине – концу XVII века⁹⁰, и уже тогда он имеет оговорку: «Вкратце изложено».

При этом очевидным является и то, что соловецкий иеромонах Сергей (Шелонин) должен был иметь под руками совершенно иную редакцию «Повести...», вовсе не «вкратце изложенной», обширные сведения из которой и легли в основу написанного им примерно в первой половине XVII века «Канона преподобному Варлааму, новому чудотворцу Керетцкому»⁹¹. И в этом «Каноне...» подвиг Варлаама предстает совершенно в ином свете. Варлаам выглядит вовсе не самочинником и раскольником, а истинным православным пастырем, сознающим свое не-

90 «В собрании Богданова П. Д., ГПБ, Q, XVII. 187.». Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. Л., 1970. С. 179.

91 В исследованиях, посвященных так называемому «Хожению Ивана Новгородца», автор Бадигин К. С. приводит цитату из некоего «Древнего жития Варлаама Керетского», где говорится о том, что предки Варлаама «хожаше в варяги, доспеваша им суда на ту их потребу морскую, и тому судовому художеству дружелюбно учиша».

разрывное духовное единство со всей Церковью и строго блюдушим каноничность своих поступков.

На сегодня научный анализ сохранившихся списков Жития позволяет говорить о существовании «двух авторов – авторе первоначального вида жития и авторе жития с чудесами»⁹². Можно с большой вероятностью предположить, что автором этого «первоначального жития, написанного в книжно-риторических традициях», как раз и был Сергей (Шелонин), известный агиограф и создатель упоминаемого нами «Канона...»⁹³.

Поздние «редакторы» Жития времен раскола взяли за основу раннее, правдивое и подробное Житие Варлаама и, не долго думая, просто сократили его, тем самым исказив образ Подвижника по своему «беспоповскому» вкусу. Позже эта краткая редакция была дополнена свидетельствами о чудесах.

Дальнейшая же судьба того подлинного изначального Жития, использованного в творчестве Сергия (Шелонина), или даже им самим написанного, нам не известна.

СИЛА ЕДИНОЙ ДУХОВНОСТИ

Тяжелый дух «беспоповства» можно почувствовать и в житиях иных подвижников Крайнего Севера. Так, например, в Житии преподобного Трифона Печенгского факт освящения построенной им монастырской Свято-Троицкой церкви в 1533 году сводится к чистой случайности и

92 Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера, как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 242.

93 Надо полагать, Сергей (Шелонин) воспользовался еще более ранними записями жития Варлаама, о существовании которых, предполагают исследователи: «Житие по всей вероятности было написано в конце XVI века». Яхонтов И. Жития севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 155.

«дару прозорливости» Преподобного, явленного через «нечаемо обретенного в Коле иеромонаха», который и взялся освятить храм. «После трех лет прииде Преподобный в волостку Колу. И там, Божиим строением, нечаемо, обрете иероинока Илию»⁹⁴. Абсурдность предложенной трактовки нисколько не смущает автора. Хотя общеизвестно, что «освящение храма есть действие не иерейское, но самого архиерея»⁹⁵, и лишь по обстоятельствам особой удаленности или иным причинам архиерей может поручить освящение «избранному на сие от архиерея искусному священнику через антиминос».

Так что, «случайно оказавшийся в Коле иеромонах» церковь освятить не может, поскольку не имеет подписанного правящим архиереем антиминоса⁹⁶. Конечно, если вообще речь идет об истинном священнодействии и о настоящем иеромонахе, а не просто о каком-нибудь ряженном «из шаталовой пустыни» и беспоповских инсинуациях вместо Таинств.

Так что Божий Промысл – «*Божие строение*» – состоит не в случайном «*обретении иероинока*», а в особом попечении Господа о просвещении этой «*полночной страны*», явленный через благодать и мудрость святителя Макария Новгородского, приславшего свое благословение на «освящение храма через антиминос».

Таким образом, вовсе не «случайный иероинок», а знаменитый миссионер и книжник, автор многих служб и канонов, настоятель владычного домового храма Рождества

94 Житие прп. Трифона. С. 112.

95 Дополнительный требник. М., 1997. С. 241.

96 Антиминс – шелковый плат с частицей святых мощей, имеющий установленные священные изображения и соответствующие надписи, в том числе и сделанные непосредственно Правящим Архиереем епархии.

Христова иеромонах Илия, прибывший в Колу от владыки Макария в конце 1532 года, имел все полномочия и облагоустроил всю информацию о предстоящих ему освящениях церквей в Коле и на Печенге.

Это было золотое время православной духовности на Кольском Севере. Единое молитвенное пространство этого края, основанное еще великими Соловецкими угодниками, а далее и трудами преподобных Феодорита и Трифона, неукоснительно пребывало в живоносном русле церковной соборности и каноничности. Во все времена, пока существует Православная Церковь Христова, эти основополагающие ее признаки подвергаются и будут подвергаться серьезной «проверке на прочность».

Так было и в середине XVI века, после «Стоглава», когда завершился период выдвижения аргументов и споров о различных моделях спасения и подходов к организации монастырской жизни. После того, как официальная Церковь сделала окончательный выбор в пользу «осибянских» принципов отношений с самодержавной властью и «стяжательной» модели устройства монастырской жизни, наши великие северные старцы Феодорит и Трифон, как и большинство иных «заволжцев», приняли это как волю Божию и со смирением подчинились ей, не помышляя о дальнейшем противостоянии и расколе. И в этом раскрывается одна из важнейших отличительных черт Православия. Это способность за своими желаниями, взглядами, мнениями разглядеть свершающуюся по нашим грехам волю Божию и в неумолимой силе вселенской апостасии предчувствовать властную поступь «Грядущаго со славою судити живых и мертвых».

Тогда, в середине XVI века, духоносная мысль христианских пастырей еще *«возвещала не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого»* (1 Кор. 2, 13), именно потому и не склонились они к погибельному пути гордыни и самомнения. Столетие спустя, к середине XVII века, этот соблазн оказался уже непреодолимым, и «старцы» иного духа ввергли Русскую Церковь в страшную трагедию раскола.

Преподобный Варлаам, как духовное чадо Феодорита и сомолитвенник Трифона, конечно, в полной мере пребывал в живом потоке Церковного Предания, этой верной благодати Истины, неукоснительно соблюдая в своей жизни дух и букву Традиции. Совершив тяжкий грех и повредив полноту священнической благодати, данной ему в епископском рукоположении, Варлаам, прежде всего, должен был идти на покаяние к своему духовному отцу, а вовсе не совершать описанных в «Повести...» невероятных самочинных действий и, тем более, не скрываться от ответа в морских просторах. К счастью, как ясно говорится в упомянутом «Каноне...», так он и поступил. Керетский подвижник вел себя духовно зрело и достойно: *«Убийство убо совершив и земле тело предав, отходиши во град Колу к тамошнему иерею»*. «Тамошний иерей», как мы помним, есть строитель монастыря, иеромонах Феодорит. Так что именно к своему отцу духовному и поспешил Варлаам из Керети.

Важно подчеркнуть и упомянутое в «Каноне...» «предание тела земле», то есть убиенная матушка была отпета и захоронена Варлаамом по христианскому обряду, о чем даже и не упоминается в «Повести...». Таким образом, она не оказалась отнесенной Варлаамом и его

современниками к так называемым «заложным мертвецам»⁹⁷, что еще раз свидетельствует о высоте духовных качеств этого пастыря.

И, придя в Колу, припал он к ногам своего старца, *«вествуя об убийстве и прося прощения, слезами землю омакая, о содеянном им в ярости и невоздержании»*.

97 «Все умершие насильственной смертью, по широко распространенному в то время предрассудку, попадали в зависимость от демонических сил, превращаясь в отверженных, «заложных» покойников... Из-за запрета хоронить останки таких мертвецов, а также поминать их души за богослужением, они обрекались за гробом на вечные страдания». Булычев А. А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 39.

ГЛАВА IV

ГРЕХ

НЕБЫВАЛАЯ ЕПИТИМИЯ

Что мог сказать Варлааму блаженный Феодорит Кольский, выслушав горькую исповедь своего духовного сына? Какой Промысл Господень в сем крепком испытании, попущенном Варлааму, сумел прозреть этот духоносный старец. Что покроеет тяжесть содеянного и есть ли такая епитимия⁹⁸, что уврачуует разрушительную силу греха убийства супруги?

Надо было быть действительно великим старцем, чтобы иметь дерзновение пред Господом назначить ту небывалую епитимию, которая потрясет сознание современников и, пройдя сквозь века, оставит потомкам непревзойденный пример того, как сила покаяния побеждает силу греха.

«Ну что, чадо, восхотел ты своей рукой немощной поразить змия древнего, на которого даже «Михаил Архангел, не смел произнестъ укоризненного суда» (Иуд.1, 9) – прервал, наконец, свое долгое размышление старец, обращаясь к припавшему к его стопам Варлааму, – и вот посрамил он тебя, через твой гнев и не смирение».

98 Епитимия – (греч. ἐπιτίμια – наказание). Означает добровольное исполнение покающимся христианином назначенных духовником тех или иных дел благочестия (усиленного поста, молитвы, паломничества) или иного «врачевания духовного».

Старец помолчал, прислушиваясь к велениям сердца, и продолжил: «Однако все ж язву копием ты врагу нанес, а не супружнице твоей. Так что нет в тебе греха против души ее, не убивал ты ее в сердце своем. А вот против тела ее грех на тебе тяжек лежит – разрушил ты сей сосуд хрупкий, разорил храм Духа Святого. И теперь в храме сем по твоей вине – иной дух воцарился, дух тления и смерти. Супружница твоя, «плоть твоя единая», всегда тебе верной помощницей и молитвенницей была, так ведь?» При этих словах Варлаам лишь простонал в ответ и впервые поднял на старца свои вытекшие слезами глаза, внимая приговору и ожидая самого главного. «Вот, думаю, и сейчас, в этой горести твоей, пусть она тебя не оставляет и разделит с тобой тяжесть епитимии, как то благословлено женам еще со времен святого Нифонта⁹⁹», – при этом Феодорит накрыл несчастного покаяльника своею епитрахилью и, крепко обхватив главу Варлаама, произнес: «Помни, чадо, страшная сила сокрыта в словах: «жена не властна над своим телом, но муж» (1 Кор. 7, 4), ибо «тайна сия велика есть» (Еф. 5, 32). Так что бери ее себе в помощницы и иди в море, искупай свою вину перед Господом, гляди на дело рук твоих и кайся, пока время тело в прах не обратит», – объявил грешнику Божию волю старец. «А грех твой в победу, – завершил он мысленно, но вслух лишь добавил, – а Святителю в Москву, за благословением, я сам отпишу, да игумена Алексия на Соловках успокою, уже епистолию прислал мне о деле твоём – переживает

⁹⁹ «Достоит ли жене мужу своему помочь терпеть епитимьи?» – таким был один из вопросов к святителю Новгородскому Нифонту (XIII век) из знаменитого «Вопрошания Кирика». На что был получен ответ: «Достоино весьма и друг ко другу и брат ко брату, добро есть так же и супругам». Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 322.

сильно Авва»¹⁰⁰. После чего он поднял Варлаама с колен и, возложив теперь уже его руки себе на шею, помолился неслышно о чем-то, лишь ему одному ведомом.

Обнял крепко: «Все! Ступай, вымаливай, “да исправит Господь стопы твои”. Помни: ты не один, “и волос с головы вашей не пропадет, – терпением вашим спасайте души ваши”» (Лк. 21,19).

РАДОСТИ «МЕРТВОГО»

«Об убийстве убо мертвого такое запрещение приняв течаща, радуясь», – в этих словах раскрывает нам «Канон...» суть тех переживаний, которые испытал Варлаам, услышав этот тяжкий и странный приговор. С потерей своей матушки, а вслед за тем и дара священнической благодати, Варлаам испытал глубочайший духовный кризис. Ему показалось, что жизнь закончилась, и он будто бы умер вместе со своей любимой женой, и уже никакое наказание не могло его утрашить.

«Канон...» же уточняет впечатляющие детали той данной Варлааму епитимии: *«Повинился иерею о содеянном, и дает он тебе иго легкое – мертвого носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать, и такое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать».*

100 Мы не исследуем отдельно правовой вопрос совершенного преступления – «невольного смертоубийства», но кратко скажем, что по судебникам XV – XVI веков государственная власть признавала неподсудность духовенства и церковных людей светскому суду, кроме тяжких уголовных преступлений. Кроме этого обстоятельства, у Соловецкого монастыря, к которому была приписана волость Кереть, уже имелась неподсудная грамота Ивана III, подтвержденная и дополненная Василием III. Таким образом, решающее значение имело объяснение, которое мог дать Феодорит, недавний еще духовник митрополита Макария, самому, теперь уже Московскому Владыке. Святитель Макарий с 1542 года по сути был приставлен для воспитания к весьма юному царю Ивану IV.

Тогда, в Коле, это упоминание Феодорита о далекой, будущей Пасхе Варлаам воспринял с недоумением и досадой. Ему показались совершенно ненужными и странными такие подробные уточнения епитимии в отношении несения поста. Он даже тогда впервые почувствовал недоверие и какую-то неприязнь к своему духовному отцу: «Неужели старик не понимает, что означает такое хождение по нашим морям. О какой еще Пасхе он говорит. Не понадобится мне пища – не успею проголодаться».

Глубинная суть слов блаженного Старца оказались для Варлаама до поры сокрытой. Приняв весть о таком страшном наказании, Варлаам, тем не менее, воспринял ее с каким-то облегчением, как преступник, долго томившийся в ожидании решения суда. И *«такое запрещение он принял, радуясь»*, ибо справедливо увидел в них по сути смертный себе приговор. Приговор *«об убийстве убо [по сути, уже] мертвого»*, ибо таковым «мертвым» он себя уже считал. Он предвидел грядущее завершение своих тяжких душевных мук, поскольку хорошо понимал, как скоро закончится это его плавание в суровом северном море. Как *«уже мертвый»*, он не расслышал слов жизни в этом приговоре.

С пустым сердцем, но исполненный мрачной решимости, появился Варлаам в Керети, и вскоре потрясенные жители села увидели его несущим гроб-колоду с телом матушки, которое он выкопал из могилы. *«И сие откопав, в судно вложив во гробе, сам же во второй гроб устремился»*. *«Второй гроб»* – именно так для себя воспринимал Варлаам тот поморский карбас, в который уложил он свою страшную ношу. Земно поклонившись сбежавшимся к морю жителям села, оттолкнул он свой «гроб» от родного

берега. Он принимал волю Божию, какой бы она не была, чая¹⁰¹ грядущего своего упокоения в морской пучине.

МУДРОСТЬ СТАРЦА

Мысль Феодорита была совсем иной. Он глубоко сознавал всю силу своей власти как духовного отца, равно как и тяжесть его ответственности перед Господом за спасение душ своих духовных чад. Феодорит чувствовал, что его духовническая власть над усопшим чадом не прерывается со смертью последнего. Переход матушки в иное, загробное состояние не отменяет духовных законов Евангелия, которые ясно говорят нам, что не зависимо от того «живем ли, или умираем, – мы всегда Господни» (Рим. 14, 8).

По той же причине есть и мистическая возможность задержать закон разделения жизни и смерти, в том случае если единство жизни возникло не самочинием, а через подлинно духовное соединение с Самим Источником Жизни, то есть во Христе Иисусе. «Мы члены тела Христа, мы от плоти Его и от костей Его. **Посему ... человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую**» (Еф. 5, 30; 31).

Единство мужа и жены состоит не в примитивно понимаемой плотской потребности соединения, а в попытке обрести утраченное нами в Эдемском грехопадении, восстановить то уникальное единство двух существ, вовсе не случайно названных: «Адам и жена его».

Изначальный замысел Божий о женщине как о творении не самостоятельном, а предназначенном для воспол-

101 «Чаять – ожидать, предполагать, бояться». Дьяченко. Словарь. С. 813.

нения полноты бытия человеческого существа, ясно изложен в начальных главах Писания. «И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей», другими словами, «это создание состоит из меня самого, и до такой степени принадлежит мне, как мои плоть и кость». Потому Адам и не дал личного имени своей помощнице, как он поступал ранее в отношении всех иных «образованных от земли» творений Божиих. Наш праотец справедливо уразумел в ином способе творения этой «души живой», а именно «из ребра, взятого у человека», иной замысел о ее предназначении.

Наречение имен тварям Божиим и есть факт явления в мир определенных ипостасей, как формы и способа бытия – «как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2, 20). Адам же в отношении этого «помощника, подобного ему», ограничивается лишь характеристикой созданного существа: «она будет называться женою: ибо взята от мужа» (Быт. 2, 23). И, кроме того, определяет назначение ее: отныне каждый человек должен «прилепиться к жене своей, и будут **одна плоть**» (Быт. 2, 24).

Таким образом, мы видим, что замысел Господа о человеке воплотился в полной мере лишь с присоединением к Адаму «жены», то есть когда человек стал «парой», «двоицей». Все, что создал Творец, все было «хорошо весьма», и лишь один единственный раз за все время творения Господь употребил слово «нехорошо». Это случилось тогда, когда Он раскрывал тайну предназначения человека быть постоянно во внутреннем общении со своей второй половиной. «Нехорошо человеку быть одному» (Быт. 2, 18). Че-

ловек задуман был Господом как «двоица»¹⁰². Но при этом «человек-двоица» пребывал и в непрерывном общении с Богом. То есть, как писал святитель Григорий Богослов, раскрывая тайну троичности: «Двоица преодолена. Троица замыкается в совершенстве»¹⁰³. Создав «человека-двоицу», Господь полагал начало приобщения людей к непостижимой тайне внутритроичного общения Божественных Лиц Святой Троицы. В таком случае предполагавшееся в дальнейшем исполнение Божественного повеления «плодиться и размножаться» должно было воплощать известный богословский принцип действия Лиц Святой Троицы: «От Отца, через Сына, в Святом Духе». Таким образом, можно дерзнуть предположить по аналогии, что рождение нового человека в мир по Божию замыслу должно было бы происходить «От отца, через мать, в Святом Духе».

Именно так, единым человеческим существом, и пребывали наши прародители вплоть до изгнания их из рая, и назывались они тогда не иначе, как «Адам и жена его». И лишь катастрофа грехопадения разделила их надвое. «Через грех раздвоился человек и от Бога отпал»¹⁰⁴. И только тогда «нарек Адам имя жене своей: Ева».

Возможность нового обретения того утраченного райского единства первого человека в «двоице», появилась у падшего человечества лишь с приходом в мир Спасителя. Именно соединение «во Христе Иисусе», «ибо все мы

102 Понимание этого факта характерно для православного мироощущения: «Взятая от Адама, она [жена] тянется на свое место, чтобы создать одного целого человека». Никон (Воробьев), игумен. Нам оставлено покаяние. Письма. М., 1997. С. 219.

103 Цит. по Давыденков Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. Ч.1 и 2. ПСТБИ. М., 1997. С. 143.

104 Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Предсмертный дневник. 1908, май-ноябрь. М., – СПб., – Кронштадт. 2006. С. 84.

одним Духом крестились в одно тело» (1 Кор. 11, 13), дает осознать христианину, что все «мы члены тела Христа, мы от плоти Его и от костей Его». Это новое состояние человека как раз и позволяет осуществить еще в этой жизни совершенно непостижимое, сподобиться увидеть явление «тайны», которая «велика есть», чуда, при котором «человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую» (Еф. 5, 30; 31). «Оставит человек отца своего и мать» и начнется строительство единого тела, «плоти единой», как «храма живущего в нас Святого Духа» (1Кор. 6, 19).

Возможно, Феодорит полагал, что равноангельское духовное житие и то глубокое единство во Христе, достигнутое Варлаамом и его женой, которое он мог наблюдать в этой удивительной паре при их земной жизни, позволит им преодолеть разделяющую силу смерти и продолжить свой совместный подвиг во искупление попущенного им от Господа греха убийства.

Принимая покаяние Варлаама, Феодорит назначал ему столь беспримерно тяжкую епитимию с расчетом на помощь, которую окажет ему его верная жена. Усопшая матушка брала на себя часть тяжести епитимии, данной Варлааму, поскольку не захороненная ее плоть, по мысли Феодорита, не давая упокоения душе, вынуждала душу оставаться рядом со своим телом и, страдая вместе с Варлаамом, укреплять и поддерживать его.

В ДЕСНИЦЕ БОЖИЕЙ

Был прекрасный летний день, когда начал Варлаам этот свой небывалый покаянный путь. Дул легкий попутный «шалоник», и Варлаам привычно открыл парус. Холщевая

парусина, хлопнув, забрала ветер. Карбас дернулся, набирая ход, Варлаам сел за кормило, беря круче к ветру...

Но тут вдруг что-то решительно изменилось. Наступила странная тишина, в парусе пошла рябь, и он безжизненно повис. С моря навстречу Варлааму надвигалось серое марево тумана. Только что бывший попутным, ветер переменялся на встречный, и неожиданный «полуночник» обдал кормщика липкой водяной моросью. Еще не понимая, что происходит, Варлаам умело перекинул шкоты паруса, собираясь «пуститьсь в рей», идти дальше «покосами», маневрируя против ветра, но из этого ничего тоже не вышло. Полотно паруса упрямо тянуло ладью к берегу. Варлаам оглянулся – родное село было еще рядом, и там стояла все та же чудная летняя погода. Жители села, его недавние прихожане, все так же молча стояли на берегу. Малые ребятишки жались к материнским юбкам, ежась от странного холода и серого тумана, накатывающего с моря по мере приближения к берегу Варлаамовой ладьи.

Этот холодный туман неожиданной догадкой вдруг пронизал душу Варлаама. Он внезапно осознал, что все его мысли о смертном приговоре, о скорой расплате – лишь его постыдная слабость, жалкие всхлипы под бесовскую дудочку. Он вдруг увидел перед собой нечто иное, великое, неумолимое и беспредельное, куда властно вела его десница Божия, куда благословил его великий старец Феодорит Кольский.

Варлаам тяжело задышал, и лицо его посуровело. Он резко сдернул бесполезный парус, завалил древко мачты и шагнул в нос корабля. Там, обхватив гроб, с натугой поднял его и перекинул с носа в корму, на шканцы карбаса. Затем, перекрестившись, с силой вцепился в гроб-колоду и, выдирая крепкие кованые гвозди, со стоном сорвал он крышку гроба.

Не в силах глянуть внутрь, он ожидал принять страшный дар тлеющей плоти – тот хорошо известный каждому священнику тяжкий дух – васильковый запах смерти. Но никакого запаха не было. Тогда с колотящимся сердцем откинул Варлаам покрывало с лица усопшей. Тишина и безмятежность покоились под покрывалом. Тление не коснулось лика его любимой жены. Верная матушка так же верно ждала начала покаянного пути своего батюшки. Некоторое время он молча сидел, постигая сердцем суть происходящего и, не отрываясь, глядел на любимое лицо.

«Не устал Варлаамий
На жену глядеть.
Не умолк Варлаамий
Колыбельну петь:
– Спи, жена иерева,
Спи, краса несказанная!»

Странные звуки, стоны и причитания заставили его оторвать свой замороженный взгляд. Карбас дрейфовал уже совсем недалеко от берега. Сквозь рваную пелену тумана он разглядел плачущих и голосащих по нему поморок и мужиков, отводящих взгляды в сторону.

Варлаам решительно выдернул весла из-под скамьи и вогнал их в уключины-кочеты. «Господи, благослови раба Твоего», – наконец произнес он, осеняясь крестным знаменем и, застонав, с небывалой силой рванул древко весел. Карбас тяжело дрогнул, выравниваясь против ветра и, влекомый мощными толчками весел в такт ударов сердца Варлаама, двинулся на север, в открытое море.

«Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...» (Пс. 50, 1), – зазвучала молитва Варлаама, эта древняя песнь покаянных Давидовых псалмов.

«Скричала гагара
За синим морем.
Набежал туман
И скрыл уходящую лодью».¹⁰⁵

ПРОТИВ ВЕТРА

Так начался великий покаянный путь преподобного Варлаама с Керети. И путь его был *«не яко у прочих чело- веков, ожидающих паруснаго плавания, но плавал он против зельнаго обуревания [сильного, бурного волнения], и весла из рук своих не выпуская, но труждаясь весьма, псалмы Давидовы поя, – то ему и пищей было»*.

Так что романтический образ идущего под парусом Варлаама из народных песен, в которых:

«Век за веком
Не устал Варлаамий
У руля сидеть...»,

не соответствует тяжести реального подвига, который нес преподобный Варлаам. Ибо такова была воля Божия – никогда не иметь ему на своем пути попутного ветра и всегда грести против крепкой встречной волны.

105 Шергин. С. 232.

Надо сказать, что в памяти жителей самого села Кереть эта подробность подвига земляка хорошо сохранилась в поморской поговорке. Когда кто в непогоду собирался из дому, то говорили: «Куда пошел, – как Варлаам против ветра».

Позже, когда Господь прославит Варлаама даром чудотворения, ему будет дана сила властвовать над ветрами. И поморы, жизнь которых напрямую зависела от воздушной стихии, все свои молитвенные упования будут возлагать именно на него.

«Смотри – неладное что выйдет тебе: поветерья что ли долго не будет, в бурю ли страх обуяет тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко, – молитву свою Варлаамию Керетскому посылай, – так напутствовали старики молодых поморов перед выходом в море, – Затем он в наших странах и обитель себе земную восприял. Молись ты ему – пособляет»¹⁰⁶. И молодые поморки, вглядываясь в морскую даль и высматривая возвращение своих мужей, вздыхали и, «моля ветра», непременно причитали: «Да помолиться, нешто, женки, Варлаамию-то Керетскому: дает ведь поветрие-то, посылает!»¹⁰⁷

Приближение «Варлаамовой лоды» неизбежно сопровождалось резким ухудшением погоды, появлением странного тумана и мороси. Неумолимая суровость этого Божьего определения надолго сохранилась в памяти всех последующих поколений северных мореплавателей. Даже не в столь давние времена, в XIX веке, когда с моря на берег начинало веять холодом и накатывал туман, можно было услышать от стариков-поморов: «Ну вот, Варлаамьева лодья подошла»¹⁰⁸.

106 Максимов. С. 250.

107 Максимов. С. 217.

108 Шергин. С. 232.

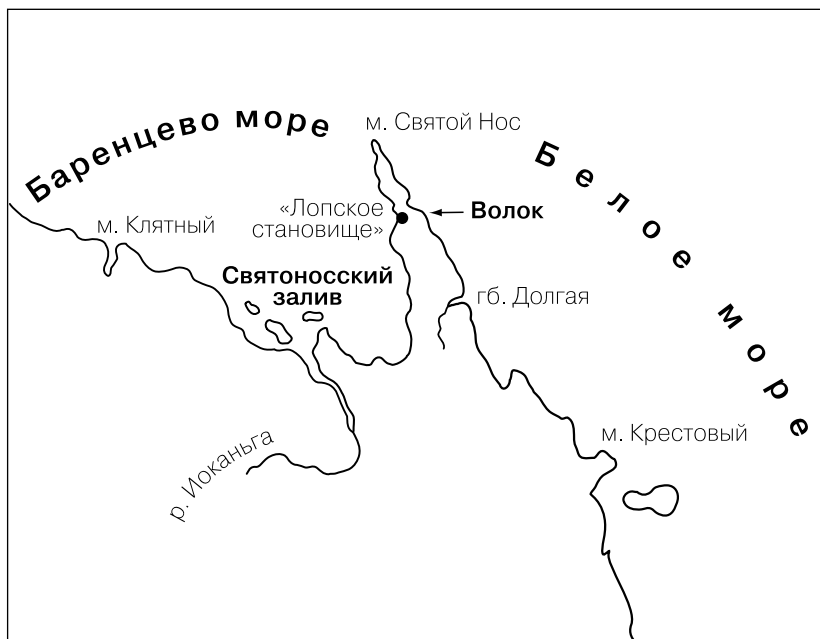
Самая непогода, эпицентр этого странного «циклона», всегда находился над «Варлаамьевой лодьей». В своем плавании, следуя древним торговым морским путем, «ходом в норвежский конец», Варлаам неизбежно встречался с многочисленными судами рыбаков, промышленников и купцов. Можно представить то жуткое впечатление, что оставалось в душе моряков от встречи в тумане с этим одиноким гребцом и с его страшным грузом. Молча возникал Варлаам из непогоды, упорно выгребая против встречной волны, и вскоре вновь скрывался его карбас в густой мгле и мороси, унося за собой эту странную непогоду, но оставляя глубокий след в душе каждого моряка.

«И никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико» (Книга Иова Многострадального. 2, 13).

Когда с моря к берегам Норвегии идет туман и погода портится, рыбаки Варангер-фиорда приговаривают: «Русский поп жену привез», хотя ныне даже не представляют, с чего пошла такая поговорка и в чем ее смысл.

ОТ КЕРЕТИ ДО СВЯТОГО НОСА

Путь Варлаама проходил от села Кереть вокруг всего Кольского полуострова, далее по Кольскому заливу и до селения Кола. Там, видимо, он получал какое-то пропитание на обратный путь, что посылалось ему из монастыря Феодоритом, и вновь начинал он грести в сторону Керети. «Повесть...», доверяя поздним народным легендам, уверенно полагает, что все описываемые события происходили в Коле и именно оттуда, согласно «Повести...»,

Карта-схема берегов Баренцева и Белого морей в районе мыса Святой Нос.

начинается покаянный путь Варлаама: *«от Колы около Святого Носа даже и до Керети»*. Это обстоятельство еще раз ясно свидетельствует о весьма поздней редакции дошедшей до нас «Повести...», а также о том, что вовсе не житель Керети был ее автором¹⁰⁹.

Начиная движение от берегов родного села, от Керетского рейда на Карельском берегу, Варлаам должен был, прежде всего, совершить тяжелый и долгий переход по совершенно открытому морскому пространству. Он сразу же

¹⁰⁹ «По всей вероятности, автор был монах, живший в Керети в качестве сельского священника и приказчика Соловецкого монастыря». Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 342.

выходил в открытое Студеное (Белое) море. Птолемей, составляя свою знаменитую карту, эту часть Ледовитого океана назвал Спокойным морем. Наверное, после перехода по Баренцеву морю, Белое море действительно может показаться «спокойным». На самом деле, из-за своей относительной мелководности волна здесь гораздо коварнее, так как короче, и, следовательно, круче. Не обладая столь ужасающей океанской высотой, как на северных просторах за Святым Носом, эти короткие, крутые волны много страшнее для небольшого судна, чем высокие и длинные водяные горы океана. Учитывая же, что отдельные волны-«зеленухи» в этом «спокойном» море достигают высоты шести метров, задача пересечь такое море – вовсе не из легких.

Варлаам на веслах должен был поперек пересечь Белое море, стремясь достичь противоположного Терского берега, где бы его карбас хоть как-то был прикрыт от страшных северо-западных ветров. Однако любая смена ветра на иной румб превращала Терский берег в источник величайшей опасности.

Этот берег Кольского полуострова большей частью очень мелководен и каменист. Он совершенно лишен каких-либо естественных укрытий на случай, если будет необходимо переждать шторм. Мелководье же и камни, в сочетании с очень широкой полосой прибоя, практически не оставляют шанса приблизиться к берегу и вытщить на отмель карбас.

Можно было бы попробовать зайти и укрыться в устьях рек Варзуги или Чаваньги. Но в первую реку, если и перескочишь через песчаный вал при входе (или по морскому – бар), то на якорь стать можно только «на яме», где глубина до 3 м, но и здесь неспокойно. Если же ветер

«летник» (S) или «шелоник» (SW), то тут такая толчея волн поднимется, что карбас о донный грунт разобьет. В Чаваньгу же зайти можно, но опять же, если камней не нанесло на входе в реку при последнем половодье.

Двигаясь далее, к северу, вдоль Терского берега, по мере приближения к Святому Носу изменяются очертания берегов, нарастают неприступные и безжизненные громады скал, пожалуй, единственное из того, что способно противостать и взять на себя немыслимую мощь титанических ударов ледяных валов Северного Ледовитого океана.

Здесь все чаще можно увидеть явления тумана, мглы или, как говорят поморы – «мари», которая, как известно, неизменно сопровождала Варламову лодью. Это, в свою очередь, верный признак появления марева или миражей самых причудливых видов. «Случалось, например, видеть одновременно три изображения одного и того же судна»¹¹⁰.

«В Северной части и в Горле Белого моря плавание затруднительно», – так скупно характеризует условия судоходства в этом районе современная лоция. И далее поясняет, что эта «затруднительность плавания» обусловлена «штормовыми ветрами, крупным волнением, туманами, льдами и течениями, а также большим числом навигационных опасностей, лежащих как вблизи, так и вдали от берегов». «В любое время могут появиться внезапные продолжительные туманы, особенно в районе мысов Большой Городецкий и Орлов-Терский Толстый». «Здесь очень темно, и стоят большие туманы», – находим мы запись в дневнике

110 Лоция Белого моря. Управление Гидрографической службы ВМФ. М., 1964. С. 12.

английского мореплавателя, сделанную в июле месяце 1557 года. Вскоре англичане потеряли корабли своей эскадры, поскольку «здесь стоит большой туман и сумрак»¹¹¹.

Святой или Терский Нос – по сути, исполинский, гранитный полуостров на восемь с лишним миль углубившийся в толщу океана к северу, естественным барьером разделивший Белое и Баренцево моря, Терский и Мурманский (Норманнский) берега. В те незапамятные времена, когда этот мыс был назван «Святым», слово это имело совсем другой смысл, нежели тот, что несет оно ныне со времен пришествия в мир Спасителя¹¹². У древних саамов, когда этот мыс еще был островом, он всегда связывался с великим лопарским женским божеством – «матерью бога». И впоследствии, став мысом, он наследовал эту принадлежность и назывался Няргай – «мыс матери бога». Потому не случайно и самый опасный подводный камень рядом с мысом имел название языческой богини Дианы¹¹³.

Святой Нос – болевая точка, предельная вершина, «Сцилла и Харибда» на Пути Варлаама, и об этом сакральном месте Крайнего Севера мы расскажем отдельно чуть позже.

ОТ СВЯТОГО НОСА ДО КОЛЫ

За Святым Носом простиралось бескрайнее Мурманское море (ныне известное как Баренцево), «море Мра-

111 Дженкинсон, Антоний. Путешествие из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 74.

112 По мнению ученых филологов, проследивших санскритские корни этого слова, в древности его значение было – сильный, крепкий, мощный. См. Дьяченко. Словарь. С. 584.

113 «Диана – римская богиня, которая в Европе рассматривается как предводительница ведьм». Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002. С. 128.

ка»¹¹⁴ или тот самый «Ледоватый море-окиян», что омывает берега «мрачной Похъелы», владения страшной лопарской богини Лоухи.

Отсюда начинается Норманнский берег, «путь в Норвегу». Среди голых, величественных скал этого берега можно найти и укрытые от ветров заливы и шхеры, есть и острова, на рейде которых можно переждать жестокую непогоду. Но все это, так сказать, теоретически, и в том случае, если сможешь сюда подобраться и если твою утлую посудину не разнесет раньше в щепки океанская волна, что с яростным грохотом вновь и вновь бросается на отвесный гранит этих берегов. И, конечно, если ты и в самом деле ищешь этого укрытия, а не мужественно штормуешь в открытом море, отстаивая у стихии право продолжать идти своим маршрутом.

Этот Норманнский безжизненный берег кажется бесконечным, это самый долгий отрезок на всем пути к Кольскому заливу, и нависающие над тобой гранитные теснины невольно ассоциируются с дантовскими преддвериями ада. В легендах народов мира об этих местах часто упоминается, что именно здесь, под вечными льдами земли, горит «огонь неугасающий»¹¹⁵. «Видели мы в этих странах высочайшие горы, подобные Этне, постоянно извергающие пламя, и что в самой Норвегии многие горы разрушились от постоянного горения. Некоторые ... утверждают, что там находится чистилищный огонь»¹¹⁶.

114 Именно так в ранних изданиях карты Птолемея упоминается это море. См. карту Севера Европы Клавдия Клавуса 1427 года. Об этом. Вальдман К. Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVII веков // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 89.

115 См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Т. 7. С. 541–542.

116 Середонин С. М. Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 138.

Много с чем придется встретиться на своем пути мореплавателю, идущему вдоль Мурманского берега. Все эти многочисленные губы, мысы и острова имеют свои суровые истории и тайны, как, например, Нокуев остров, укрываясь за которым, в устье реки Дроздовки, через десять лет после плавания Варлаама, в зиму 1554 года найдет свою кончину английская экспедиция адмирала Хью Уиллоуби¹¹⁷.

Пройдет много дней и ночей, прежде чем возникнут на горизонте спасительные очертания острова Кильдин. Это значит, что скоро, наконец, можно будет передохнуть на хорошо защищенном от ветров рейде этого острова, известном всем мореходам с древности под названием Кильдин-Могильный. Вот только вряд ли кто во времена Варлаама решился бы ночь провести на берегу этого острова. Это место с древних времен было предназначено для захоронения самых могущественных магов, наиболее выдающихся лопарских колдунов – нойдов. Как и положено, хоронили их на острове, «за водой». Так что не мало седых волос появлялось к утру у того смельчака, что отваживался посидеть ночью у костра на берегу, где невдалеке виднелись могильные холмы-гурии.

Чтобы продолжить путь, сразу необходимо приготовиться к серьезному испытанию – впереди узкий и изогнутый пролив между островом и материком. Хорошо, если

117 О том, что гибель экипажей двух кораблей произошла именно в губе Дроздовке, а не у «реки Арзиной» (Варзиной), как исторически считалось, см. Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный океан...». 1948. С. 36.; Державин В. А. Гибель адмирала Уиллоуби // Мир Севера. № 3. 1998. С. 62.

удастся ловко проскочить эту знаменитую Кильдинскую Салму и не оказаться закрученным водоворотом течения и брошенным на камни. Если удалось, значит, впереди всего лишь сутки пути до входа в Кольский залив. Потом еще два-три дня останется на плавание по самому заливу, пока, наконец, в вершине Южного его колена, третьего и последнего, не откроются отважному мореплавателю маковки Никольской и Благовещенской церковей волости Кола, а рядом и Каменный остров с долгожданной Свято-Троицкой обителью на нем.

Пожалуй, лишь на этом последнем отрезке всего маршрута, при движении по Среднему и Южному коленам Кольского залива, можно говорить об обеспеченности мореплавателя надежными местами стоянок и укрытий от непогоды.

Впрочем, мы рассуждаем с позиции максимального обеспечения безопасности мореплавания, то есть смотрим на эту задачу глазами простого смертного, инстинктивно изыскивающего любую возможность уклониться от встречи с мощью и яростью морской стихии Севера. Для Варлаама это естественное направление человеческих мыслей и чувств было решительно отсечено, поскольку иначе он бы не выдержал. Его задачей не было любой ценой сохранить свою жизнь. Его целью было пройти свой Путь.

«Господь ведает мой путь; пусть как золото плавит меня и я чист! Стопа моя держалась Его стези, и путь Его соблюл я, не отклоняясь». (Иов. 23, 10;11)¹¹⁸.

118 Аверинцев С. С. Переводы. Книга Иова. Изд. «Дух и Литера» 2004. С. 347.

ПУТЬ ВАРЛААМА

«Во дни трудяся по морю, и весла из рук своих не выпускаше, в ночи же без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха».

Краткость дошедшей до нас «Повести...» такова, что даже относительно продолжительности хождений Варлаама автор ее ограничивается лишь общим замечанием: *«довольно время потрудился»*. Вновь возблагодарим Господа, вернувшего нам утраченные творения старца Сергия (Шелонина), а с ними и драгоценные подробности беспримерного Варламова подвига: *«Мужеством души в веру вооружился, бурю и дождь и всякую воздушную нужду терпя, усердно хранил заповедь отца своего духовного... шествуя летом [«летом» – то есть, в течение года]¹¹⁹ дванадцать путей по окояну морю, по непроходным местам»¹²⁰*. То есть двенадцать раз в течение года должен был Варлаам пройти свой путь. Расстояние же между Керетью и Колой, или один путь Варлаама, составлял порядка тысячи километров¹²¹.

Можем ли мы представить, как проходил этот свой путь Варлаам и есть ли мера, которой можно измерить всю непомерность скорбей, выпадавших ему на этом пути, всю неподъемность такого подвига и, по сути, невыполнимость поставленной задачи?

119 «Лето» – год и время вообще». Дьяченко. Словарь. С. 291.

120 Канон прп. Варлааму. Л. 414 об.

121 «Путь из Колы в Кереть – морской каботажный путь вокруг всего Кольского полуострова – около 1000 километров». Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера, как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 236. Прим. 11. «Путь – расстояние между начальным и конечным пунктом движения». Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21 (Прочный–Раскидати). С. 64.

Карта-схема маршрута движения «Варлаамьевой лодьи».
 Двенадцать раз в течение года должен был Варлаам пройти этот свой путь. В течение одного месяца, и летом и зимой, на веслах он должен был совершить «один путь» между Керетью и Колой, и преодолеть расстояние, составляющее порядка тысячи километров.

Есть ли у нас, современных «теплохладных» христиан, моральное право даже приближаться к этой сакральной области бытия, где разворачивается величие смертельной схватки немощной человеческой плоти кающегося грешника, противостоявшего яркой ненависти самого князя тьмы?

Должны ли мы, сегодняшние, прикоснуться к непостижимой тайне муки восхождения подвижника на Голгофу, которая оказывается Фавором Преображения, и присутствовать на Таинстве возведения «блудного, грешного и окаянного» простого смертного в равноангельский чин великого Угодника Божия и Чудотворца? И укором звучат столь справедливые ныне обличительные строки современника Варлаама, тоже духовного чада Феодорита – князя Андрея Курбского: *«Зри сюда, полуверный, умягченный и разбесстыженный различными наслаждениями лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные»*¹²².

И тогда невольно задумываешься о смирении и страхе Божиим книжников древности, приступавших к написанию жития святого, которым любое возвращение к реальным жизненным перипетиям прославленного Церковью подвижника виделось непозволительным дерзновением, а задача вернуть историю жизни Преподобного в ее земное измерение, – и непосильно сложной, да и не нужной. Житие, как словесная икона, должно писаться по прорисьям и уподобляться каноническому прообразу соответствующего подвижника, признан-

122 Курбский. С. 347.

ному идеальным. А как описать жизнь святого, подвиг которого не имеет аналогов в истории Православной святости?

Потому лишь святительское благословение дает нам силы и право пойти дальше за Варлаамом и попытаться постичь непостижимое – тайну его Пути.

«Ужасы устремились на меня как ветер, и счастье мое унеслось, как облако. Дни скорби объяли меня. Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя...» (Иов. 30, 15; 17).

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

Итак, *«двенадцать путей по окияну морю, по непроходным местам»*. Мы выше кратко охарактеризовали маршрут этих *«путей»* и *«непроходных мест»*. Но к перечисленным нами и известным всем северным мореплавателям опасностям местного прибрежного плавания, следует прибавить еще одно совершенно исключительное обстоятельство. Варлаам совершал свое *«шествование»* **круглый год**. И Промысл Божий о нем оказался таким, что даже зимний лед, сковывающий на долгие месяцы Кандалакшский залив Белого моря, не стал помехой для такого круглогодичного «пути Варлаама», поскольку «граница образования зимой **неподвижных** льдов в Белом море проходит по линии селения Кереть (Карельский берег) – селения Умба (Терский берег)»¹²³. То есть путь Варлааму был «открыт» круглый год.

Какова была эта «открытость» пути, можно себе представить, если учесть, что на самом деле с ноября

123 Морозов Н. Руководство для плавания во льдах Белого моря. Пг., 1921. С. 33.

месяца начинается активное образование льда **по всей акватории** Белого моря. Этот лед не может стать неподвижным лишь потому, что постоянно взламывается приливо-отливными изменениями уровня моря и штормовым волнением и, таким образом, становится дрейфующим. Способность передвигаться по морю среди дрейфующих льдов, совершенно особая область искусства поморского мореплавания. Чтобы не замереть намертво впаянным в ледяную массу или не оказаться затертым ледяными горами торосов и суметь отыскать чистую воду среди льдов, нужно быть очень опытным помором. И, более того, нужно, по сути, слиться с морем, душой постичь законы его сокровенной жизни, почувствовать его дыхание, приливы, отливы и иные невидимые глубинные процессы. Это что касается плавания во льдах Белого моря.

Но как можно представить плавание в полярную ночь в незамерзающем, «дышащем» Северном Ледовитом океане? Во времена парусного флота рекомендации Морских лоций в этом вопросе отличались сугубой категоричностью: «возможное время для плавания возле этих берегов – с начала мая до исхода октября»¹²⁴.

В иные месяцы, в осенне-зимний период, а особенно с наступлением полярной ночи, когда погода здесь практически всегда штормовая и отличается лишь силой шторма, какое-либо каботажное [прибрежное] плавание малых судов по заявленному маршруту в кро-

124 Рейнеке М. Ф. Географическое описание северного берега России. СПб., 1850. С. 52. В наше время период навигации даже для крупных теплоходов, таких как «Клавдия Еланская», идущих, по сути, маршрутом Варлаама, ограничено с конца мая по конец сентября.

мешной тьме ночи представляется решительно невозможным.

«Зачем я не уничтожен прежде этой тьмы, и зачем Он не сокрыл этого мрака от лица моего!» (Иов. 23, 17).

Что пережил Варлаам в этих своих зимних *«шествованиях»* – мы можем только догадываться. И все же дерзнем попытаться мысленно разделить с ним этот путь по Северному Ледовитому океану в полярную ночь, хотя бы в одном малом эпизоде из нескончаемой череды дней его покаянных скитаний.

Жуткие ледяные валы, вздымающиеся в бесконечной тьме полярной ночи. Все наполнено страшными ударами сталкивающихся водяных масс вперемешку с ураганным ветром, насыщенным летящей пеной и ледяным крошевом. Неумолимая ярость стихии увлекает тебя до самых небес, мгновение ты повисаешь в небытии – и вновь ужасающее стремительное падение в неизвестность, в неведомую черную бездну. Каждый раз ты прощаешься с жизнью, но вновь выныривает твой кораблик, и опять надо бороться, отгоняя постыдные мысли о том, что, наверное, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. И лишь отчаянная молитва, лишь вопль ко Господу: «О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!» (Пс.117, 25).

В бешеной пляске волн твое жалкое суденышко мотает, кидает и треплет. Сквозь шквал соленых брызг и острого льда ты тщетно пытаешься разглядеть в темноте очередной нависающий над тобой «девятый вал», дабы успеть выгрести, попытаться развернуть твою лодку носом на волну – «держаться карбас на гребень». Но все

равно сорванная ветром кипящая ее вершина накрывает судно, окатывая тебя с ног до головы.

Выныривая, ты видишь, как все крепче оковывает твою посудину смертельная тяжесть обледенения, и все меньше высота ее борта, и все больше прибывает воды, и что нет уж у тебя сил ее вычерпывать. Всесокрушающая ярость стихии, титаническая мощь и необоримый, неослабевающий ни на секунду напор и вселенский масштаб происходящего парализует твою волю, отнимает надежду на спасение, лишает остатков сил, чтобы выдержать, устоять, вытерпеть...

И тогда вдруг возникает перед тобой светлая фигура твоей любимой. Она опускается пред тобой, отчаявшимся, на колени и с состраданием и нежностью глядит тебе прямо в глаза. Ее легкая рука чуть касается твоего лица: «Ну что ты, не бойся, мы все преодолеем – я с тобою. Давай помолимся Господу вместе, помнишь, как прежде». И долго еще звучит в тебе ее родной голос и крепнет в смятенной душе спасительная сила молитвы: «Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих, очисти беззаконие мое...»

Так что мы можем только догадываться, через что прошел Варлаам, искупая свой грех и исполняя данную ему епитимию. «Страдания мои тяжелее стонов моих». (Иов. 23, 2) В свете всего вышесказанного, мелодраматические изыски «Легенды о Варлааме», где «сидит он у руля и не спускает глаз с лица жены, красота которой не померкла»¹²⁵, не имеют ничего общего с реальной тяжес-

125 Шергин. С. 232.

тью пройденного им покаянного пути и непостижимой величиной совершенного им подвига. «Наказуя, строго наказал меня Господь; смерти же не предал меня. Не умру, но жив буду и возвещу дела Господни» (Пс. 117, 18; 17).

«МЕРТВОЕ ТЕЛО»

Время несения епитимии Варлаамом было определено условием: *«дондеже оное мертвое тело тлению предастся»*, или другими словами, пока тело не истлеет в прах.

«И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей; только душу его сбереги. И отошел сатана от лица Господня» (Иов 2, 6; 7).

Не все время пути Варлаама проходило в кошмаре штормового моря и сквозь непроглядность полярной ночи. Полярный день – это короткое лето – умирало ярость океана, море становилось ласковым, и теплый ветер мог тогда донести с берега к Варлаамовой лодье живительный запах нагретой солнцем тундры.

Однако надо хорошо понимать, что в подвиге Варлаама присутствовал еще один мучительный и страшный компонент. С того самого момента, как он сделал первый гребок веслами, начав свой покаянный путь – тело жены начало разлагаться. Пока он мог грести, неизменный встречный ветер, дующий ему в спину, ограждал Варлаама от этого жуткого испытания.

Но стоило только ему оставить весла, как лодью Варлаама накрывало облако страшного смрада. Казалось, он был везде, ядовитые пары его как будто наполняли мозг, проникая в само сознание страдальца. Пожалуй, это даже

был не запах, это было, скорее, состояние. Состояние постоянного кошмара, изнурительного наваждения, к которому невозможно привыкнуть. Варлаам не мог ни есть, ни спать.

Сама Смерть смрадно дышала в лицо Варлаама, вперив в него бесконечную пустоту своих глазниц. Господь попускал развернуться князю тьмы, – «вот он в руке твоей» (Иов. 2, 6), – и тот полной чашей отмерял страданий Варлааму. «Преисподняя дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: «ты отец мой», червю: «ты мать моя и сестра моя» (Иов. 17, 13;14).

И так *«во дни трудаяся по морю, ночью без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха»*, он вскоре понял, что это смрадное наваждение порождено бесом и неизбежно слабеет от молитвы, от пения псалмов.

Потому-то покаянные *«псалмы Давидовы ему и пищей были»*, да и *«ночью без сна пребывал он, моля Бога со слезами»*.

«Оружие его – пение, молитва же – стена, непорочная слеза – умывание, душевныя скверны омывающая. Память же смертную сожительницей себе стяжал, преподобне, ум очистив, Бога узреть сподобился»¹²⁶.

Автор «Канона...» особо касается этого испытания, посланного Варлааму, и находит здесь явное сходство с подвигами святых отцов глубокой древности.

Как известно из древних патериков, подвижники первых веков христианства нередко добровольно терпели скорби от мертвых тел, тем самым «угашая пламень» плотских страстей и посрамляя восстающих на них демонов.

126 Канон прп. Варлааму. С. 419, 419 об.

«Уподобляясь древним скитским отцам, «привитая [обитая] по горам и по вертепам [пещерам], яко птица» (Пс. 10, 1), носиши за плечами мертвое тело¹²⁷, терпя смрад и всякую скорбь от мертвого телесе, якоже Никифор великий Патриарх»¹²⁸.

Это упоминание некоего события из жизни святителя Никифора Исповедника, Патриарха Константинопольского (ок. 750–828 годов), который так же терпел «смрад и всякую скорбь от мертвого телесе, от разбойника, умершего в вертепе», несколько озадачивает. Современные редакции Жития святителя Никифора такого факта не упоминают¹²⁹. Известно, что святитель, до своего призвания на Патриаршую кафедру в Константинополь, был именитым царским сановником. Однако он предпочел удалиться от мирских почестей и суеты в дальние и пустынные места на берега Босфора Фракийского, где пребывал в уединении и священнобезмолвии. Возможно, именно в это время с будущим Патриархом произошли упомянутые в Каноне события. Либо, уже будучи изгнанным с кафедры нечестивым императором Львом в ссыл-

127 Автор полагает, что гроб с телом находился «за плечами», т. е. в носовой части карбаса. Однако предположение о нахождении тела в корме представляется более достоверным. Гребец в одиночном плавании всегда располагается ближе к носу, и места для гроба в носу не хватит. И для повышения остойчивости корабля размещение груза в корме предпочтительнее.

128 Канон прп. Варлааму. С. 414 об.

129 Нами была проделана работа с целью обнаружить источник житийных сведений о патриархе Никифоре, на которые мог бы опираться Сергей (Шелонин). Но агиографические материалы того времени, посвященные Патриарху Никифору, которые нам удалось просмотреть, параллели интересующему нас сюжету не содержат. Речь идет об известных в книжности Древней Руси двух кратких проложных текстах, посвященных этому константинопольскому святителю, которые позднее вошли в Великие Минеи Четыи митрополита Макария. Это тексты памяти святого (читается под 2 июня) и Сказания о перенесении мощей (читается 13 марта). Также и две службы Патриарху Никифору, приуроченные к тем же датам, не содержат интересующего нас сюжета о страданиях святителя от тела «разбойника, умершего в вертепе», упомянутых Сергием (Шелониным).

ку на остров Проконнис, святителю каким-то образом выпало это искушение – претерпевать «*смерд и всякую скорбь от разбойника, умершего в вертепе*»¹³⁰.

И далее, в конце третьей песни «Канона...», делается очень важная для нас оговорка: «*Но он [Никифор] только три месяца*» претерпевал, «*ты же три года, пока мертвое тело не изгнито до конца*».

ТРИ ГОДА

Итак, теперь мы достоверно знаем, сколь долго продолжалось это морское странствование Варлаама, и что значило для него по времени исполнение условия епитимии: «*пока мертвое тело не изгни до конца*». Срок этот – три года.

По двенадцать «путей» каждый год. Шесть раз от Керети до Колы и шесть от Колы до Керети. Двенадцать раз в год или, другими словами, ежемесячно одолевал Варлаам тысячу сухопутных километров пути или пятьсот сорок морских миль.

Восемнадцать миль или тридцать три километра каждый день на веслах, в любое время года, при любой погоде и всегда против ветра.

Пост, который нес Варлаам, как можно понять, был строжайшей его степени, к тому, что на церковном языке называется «сухоядением»¹³¹. И лишь раз в году, прихо-

130 Было высказано предположение, что автор Канона ошибся и вместо имени «*Никифор великий патриарх*», следовало упомянуть имя святителя Мефодия, Патриарха Константинопольского († 847 г.) в житии которого имеется схожая ситуация. Святитель во времена гонений действительно был заключен в гробной пещере с двумя разбойниками, однако о каких либо мучениях «*от мертвого телесе*» в житии не упоминается.

131 «Сухоядение – употребление сухой и грубой пищи». Дьяченко. Словарь. С. 693. В поморской практике в дальнем плавании бывало, могли «сесть на сухомес», то есть питались замешанным на воде с солью толокном. Толокно – это мука из овса, но не молотая, а толченая.

дя на Пасху в Колу, к пирсу Свято-Троицкого монастыря, Варлаам сподоблялся причащения Богоявленской водой¹³² и мог разговестись рыбой.

Рыбаки и промышленники, встречавшие этого одинокого скитальца в море, справедливо полагали, что земному человеку подвиг такой не под силу, принимая уже его лодку за некое видение. И действительно, земной человеческой плоти есть пределы, но, в то же время, как говорит тайновидец апостол Павел: «есть тела небесные и тела земные: иная слава небесных, иная земных» (1Кор. 15, 40).

По преданию, такой тяжкий, постоянный труд – в течение трех лет *«весла из рук своих не выпускаше»*, привел Варлаама к горбатости.

132 «Покаяльники, то есть несущие тяжелую епитимию, вместо Святых Тайн приобщались на Пасху Богоявленской воды». Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 301.

ГЛАВА V

ВЕНЕЦ

«ОКОЛО СВЯТАГО НОСА»

Немало морского люда могло *«видеть труды праведного, единого по морю в карбасе ездяща с мертвым телом»*. Но Житие отдельно отмечает одну важную деталь этого плавания, понятную лишь только мореплавателям Севера. Варлаама можно было видеть плавающим в одиночку по морю *«около Святаго Носа даже»*. В то время для северных мореходов это был совершенно немислимый риск. Потому и полагали тогда, что *«Варлаамиева лодья»* не более чем видение, ибо простому смертному такое хождение по морю *«около Святаго Носа»* было бы просто не под силу.

Плавание в районе мыса Святой Нос издревле было опасно тем, что здесь сталкиваются течения двух морей, в результате чего образуются так называемые «морские сувои». «Сию быстроту водную называют поморцы Святоносским Сувоем»¹³³. Речь идет о серьезном волнении на море, о весьма крупных волнах¹³⁴, подчиненных произвольному закону возникновения и не имеющих определенного направления развития. Это обстоятельство не позволяет мореплавателю поставить судно в безопасное положение относительно волнения, а именно носом к волне. Хаотичное, непредсказуемое возникновение круп-

133 Фомин А. Описание Белого моря. СПб., 1797. С. 42.

134 «Высота волн в сулое бывает до 18 футов (5, 5 метров)». Лоция Мурманского берега. Л., 1925. С. 513.

ных волн грозит застать корабль в момент его нахождения в положении «лагом к волне», то есть бортом к ней. Это чрезвычайно опасно, поскольку может привести к опрокидыванию судна. «Необыкновенное оное волнение начинает судно с боку на бок качать и напоследок оное заливают и потопляет. Сила ветра в данном случае не действует»¹³⁵. «Сувой представляет какой-то неизобразимый хаос воды, волн, шума, пены, брызг и тумана, для описания которых трудно найти выражения»¹³⁶.

Первые сообщения о необычайной опасности плавания в районе Святого Носа мы находим в известном сочинении путешественника и дипломата XVI века Сигизмунда Герберштейна¹³⁷, который приводит рассказ русского посланника Григория Истома¹³⁸ о своем путешествии из России в Данию через Крайний Север.

По словам Истома, не было большей опасности за все время пути, чем та, с которой пришлось столкнуться ему и его товарищам у Святого Носа, представляющего собой огромную скалу с пещерой и гигантскими водоворотами. Вода в течение 6 часов поглощается в них, а в течение следующих 6 часов с шумом извергается из них.

135 Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год. // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873 год.

136 Соловцов К. Святой Нос. Очерки Архангельской губернии // Архангельские Губернские ведомости. № 43. 1861.

137 Сигизмунд Герберштейн – родом хорват, дважды (в 1517 и 1526 годах) совершал путешествие в Московию как посол германского императора. Составил и издал в 1549 году классическое сочинение о тогдашней России с приложением географической карты.

138 Григорий Истома – посол Великого князя Московского Иоанна III Васильевича к «Гансу, королю Дании» в 1496 году. По причине напряженных отношений со Швецией, более безопасным был признан путь через Северный Ледовитый океан. Выйдя из устья Двины в Белом море на четырех барках, посольство, следуя вдоль северных берегов, сумело достичь «месности Дронт (нынешний Тронхейм), **докуда государь Московии взыскивает дань**» (!). И далее продолжили путь на санях до Гафнии (нынешнего Копенгагена).

Одни называют это место «пупом земли», другие – «Харибдой». «Когда пучина стала внезапно и сильно притягивать к себе корабль, на котором мы плыли, – рассказывал Григорий, – то нам едва удалось спастись, лишь налегши всеми силами на весла».

В тоже время, можно представить всю сложность хождение Варлаама через эти места именно под веслами, исходя из следующего сообщения: «Грести здесь и подавно нельзя, потому что волнение оное переломает все весла; если же иногда и спасаются, то лишь когда попадают при начало сего сувоя, когда волны не столь сильно действуют, как то бывает во время четвертей месяца. Тогда течением выносит в море к северу, по сей струе [то есть далеко в открытое море]. Во время новолуния и полнолуния сей сувой гораздо сильнее действует, нежели в иное время»¹³⁹.

В древней «Мореходной книге» беломорских поморов о плавании вокруг Святого Носа пишется: «В голомя [в открытом море¹⁴⁰] держит сувой большой. На погоды [в ненастье¹⁴¹] малыми судами не ходят. В голомени [мористее, дальше в море], верстах в десяти сувой меньше»¹⁴².

Причину возникновения этого явления специалисты объясняют следующим образом: «На западную сторону узкой 10-и мильной косы Святого Носа напирает в северно-западном направлении поток приливного течения. Не имея выхода, в этом закоулке Святоносского залива накапливаются огромные массы воды, образующие обратное течение вдоль берега Святого Носа.

139 Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год. // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873 год.

140 Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 38.

141 Липец Р. Рыбачские песни и рассказы. М., 1950. С. 206.

142 Морозов Н. Мореходная книга или лоция Беломорских поморов. СПб., 1908. С. 26.

На конце мыса это встречное течение сталкивается с общим потоком приливного течения, что образует сильные водовороты и волнение, называемое сувоем или сулоем, которое заметно на расстоянии до десяти верст»¹⁴³.

Эти хаотично развивающиеся волны опасны даже для крупных судов. В наше время, когда в районе Святоносского залива была образована крупная Военно–Морская база – Гремиха, вскрылись новые стороны коварства этих мест – столкновение разнотемпературных течений. Распределяясь в толще воды по различным глубинам, эти мощные потоки течений двигаются в принципиально различных направлениях и создают чрезвычайно сложную в навигационном отношении картину.

Проходя в пределах подводного каньона, расположенного вдоль Святого Носа, даже современные мощные океанские субмарины испытывают значительные напряжения корпуса и сильную вибрацию¹⁴⁴. Не удивительно, что во времена Варлаама мореходы предпочитали проходить Святой Нос, пересекая его по суше, волоком «от Волоковой губы до Лопского становища». Но тут их ждала другая беда. Именно в бухтах этого мыса водились особые черви – «корабельные сверлила» (*Teredinidae*), личинки которых цеплялись за днища судов и незаметно протачивали даже самую крепкую корабельную древесину¹⁴⁵.

143 Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. С. 222. То есть более 10 километров.

144 «Один из путешественников ставил на берег котелок с водой. Несмотря на то, что Св. Нос представляет собой цельную скалу, он так колебался, что вода в котелке расплескивалась». Данченко В. Н. Страна холода. СПб., М., 1877. С. 32. Упомянутый автором путешественник – это кольский лесничий К. А. Соловцов, написавший цикл очерков о жизни на Кольском Севере.

145 В ряде публикаций на эту тему можно встретить ошибочные утверждения о том, что «вредоносные черви» водились именно на оконечности Святого Носа. Использование «волока», таким образом, связывают «не боязнь сувова, а червья на оконечности Св. Носа». Северная Россия / Живописная Россия. СПб. М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154. Ошибочность такого утверждения очевидна по многим позициям. Хотя бы, например, что по условиям жизни и размножения этого вида моллюсков требуется спокойное мелководье.

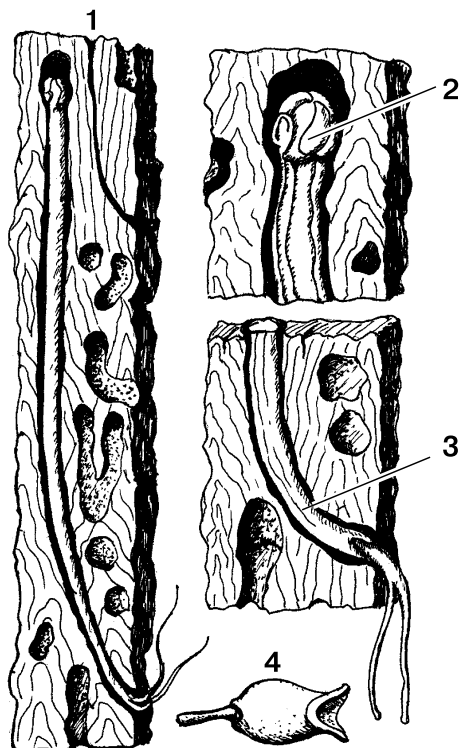
«ВРЕДОНОСНЫЕ ЧЕРВИ»

Коварство этих «сверлил» состояло в том, что, единожды проникнув в дерево корабельной обшивки, червь этот больше наружу не выходил и никаким иным образом себя не проявлял. Живя в деревянном наборе корпуса корабля, он постепенно и внешне незаметно превращал древесину в труху. Так продолжалось до наступления ближайшего достаточно серьезного шторма, когда совершенно неожиданно для экипажа вываливалась часть корпуса судна. Следствием такого повреждения, естественно, являлось резкое поступление большого количества заборной воды, что приводило к катастрофической потере устойчивости, и, как правило, завершалось быстрой гибелью корабля.

В среде моряков этих тварей обычно называют «морской червь» или «корабельный червь», и хотя входят они в семейство «морских древооточцев» (Teredinidae), тем не менее, относятся они к типу моллюсков (Mollusca). Створки «раковины» этого «двустворчатого моллюска» расположены на головной части продолговатого — тела «червя». Именно они — прочные известковые створки и служат рабочим наконечником для этих «корабельных сверлил»¹⁴⁶, превращающих в труху остовы поморских судов, и «могущих за одну навигацию вывести из строя судно»¹⁴⁷. Поэтому так и потрясло современников то великое чудо избавления берегов вокруг Святого Носа от «множества

146 Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 153.

147 Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1958. Т. 14. С. 239.

«Вредоносные черви» или «корабельные сверлила» (Teredinidae)

Относятся к типу моллюсков. Личинки этих тварей цеплялись за днища судов и незаметно протачивали даже самую крепкую корабельную древесину. Коварство этих «сверлил» состояло в том, что, единожды проникнув в дерево корабельной обшивки, червь этот больше наружу не выходил и никаким иным образом себя не проявлял. Живя в деревянном наборе корпуса корабля, он постепенно, и внешне незаметно, превращал древесину в труху.

- 1 – «Морской червь» древоотеец *Teredo* в срезе изъеденной им корабельной древесины. Видны ходы иных «червей», которые никогда не пересекаются.
- 2 – головная часть «червя» (увеличено). Видны «рабочие наконечники», известковые створки, с помощью которых «сверлится» древесина.
- 3 – хвостовая часть «червя» (увеличено). Из отверстия в корпусе судна выглядывают, так называемые, «сифоны» – органы дыхания.
- 4 – плавающая личинка «червя» или «палетка» (сильно увеличено).

червья, иже остовы кораблей вертети навыкших»¹⁴⁸, что не только восстановило доброе имя «белого попа Василия», но и прославило «чернеца Варлаама», как великого угодника Божия.

Современные ученые полагают, что упомянутые «черви» – «морские древоточцы», относятся к роду *Norvagia* (Норвежские), традиционным местом обитания которых признается Юго–Западная часть Баренцева моря. Такие уникально крупные «черви», достигающие в длину до пятидесяти сантиметров, – редкость даже для тропических морей. Говоря о питании этих моллюсков, ученые подчеркивают интересную их особенность. Несмотря на имеющуюся способность перерабатывать древесные опилки, эти твари, как и все моллюски, сохранили способность питания методом фильтрации. Существовая вне древесной среды, они питаются мелкими планктонными организмами¹⁴⁹.

Сегодня, в век новых технологий, проблема борьбы с корабельными древоточцами актуальна лишь в ВМС России. Это связано с тем, что корпуса противоминных кораблей с целью уменьшения их электромагнитных полей, на которые реагируют современные морские мины, часто изготавливают из клееной древесины. Но и сегодня, благодаря молитвам Варлаама, на Северном флоте опасности поражения таких деревянных корпусов «корабельными сверлилами» нет. По оценкам военных специалистов, эта проблема ныне существует лишь на Тихоокеанском, Черноморском и Балтийском флотах.

148 Канон прп. Варлааму. С. 415.

149 Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 154.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Закончилась, наконец, третья полярная ночь. Время тьмы и жестоких штормов под испытующим взглядом смерти, ледяным дыханием которой ревет и вздымается грозное северное море. Наступила долгожданная передышка полярного лета, а это уже значило, что исполняется последними днями третий год морских мытарств Варлаама, срок скитаний которого был определен Феодоритом в словах: *«дондеже изгниет тело умершее»*.

Близилось летнее солнцестояние, вершина короткого северного лета. Чуть-чуть склонится солнечный диск в полночь — и вновь сияет незаходящим светом полярный день. Нагретая солнцем тундра источает дурманящую, «душмяную» смесь ароматов. Подхваченные ветром со скал, смешиваются они с крепким духом проквашенных на солнце водорослей и уносятся далеко в море, принося немалое утешение всякой душе христианской, «сущей в море далече».

Варлаам уже завершил свой тридцать шестой покаянный путь из Колы до Керети. К самому селению он всегда старался не приближаться, дабы не слишком пугать своих односельчан сыростью и туманом, упорно кружившим вокруг его кораблеца. И так во всякий его приход старики да бабы высыпали на крыльцо каждого дома выглядывать из-под руки «причину» накотившего с моря тумана. Да детишки начинали галдеть, гурьбой скатываясь к берегу, поглазеть на диковинного пришельца. Из рыбацких же на рейде керетчан редко кто решался пройти вблизи «Варлаамьевой лодьи». Разве что по оплошности,

в туманную погоду, не признав загодя его карбас. Да и те, едва кивнув издали, отводили взгляд, спеша отойти подальше.

В этот свой приход Варлаам впервые подошел к Керети незамеченным. Облако привычной мари, на этот раз как-то вяло ползущее вслед за карбасом, с приближением Керетских берегов стало вообще выдыхаться, все больше отставая от него.

Когда же Варлаам вошел в Керетские пределы, то вся эта надолго приписанная к его плаванью непогода и вовсе потянулась на север и вскоре растаяла за горизонтом открытого моря. Постояв на рейде родного села, в устье реки Кереть, он, как повелось, зашел в Чупскую губу, где на одном из островков всегда набирал в дорогу ключевой воды, а если удавалось, то и какой-нибудь лесной снеди.

Начав свой очередной, уже тридцать седьмой путь от Керети, в сторону Святого Носа, Варлаам неожиданно осознал, что произошла еще одна благодатная и радостная перемена. Не стало изнурительного, непрерывного встречного ветра. Более того, ветер все чаще был попутным. Можно было подумать и о парусе, том самом лучшем, прямом парусе – фоке, что на языке поморов справедливо зовется «благодатью». Но он по-прежнему шел на веслах, боясь даже допустить мысль о том, что Господь являет ему очевидные признаки исполнения епитимии и возможного прощения. Не дерзая торопить события, Варлаам все таки не мог уже запретить своему сердцу предчувствовать грядущий радостный день.

Тем временем впереди по курсу уже «всплывали» всегда заставлявшие сильнее колотиться сердце каждого помора зловещие очертания мыса Святой Нос.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Но в этот раз на редкость не сложно перевалил Варламов карбас за коварную «пахту» на оконечности знаменитого мыса. Войдя в неприветливые воды Святоносского залива, он впервые за эти годы углубился в него, пройдя пару миль вдоль полуострова. Сейчас здесь было затишье и, бросив на отмели небольшой бухточке якорь, Варлаам осмотрелся.

Место это называли Лопским становищем, хотя лопарей здесь уж давно никто не видал. В ложбине, между высокими, темно-красного гранита скалами был хорошо виден путь знаменитого «волока». У песчаного берега, тщательно очищенного от валунов и завалов выкинутого морем выбеленного топляка, валялись многочисленные бревна – катки. На века пропитанные тюленьим жиром – ворванью, они заметно отличались от прочей древесины, выкинутой на приливной береговой черте. Протоптаный и укатанный за столетия бесчисленными артелями рыбаков и промышленников, этот «путь-волока» позволял перетаскивать через злополучный мыс поморские суда и тем самым избегать страшных сувоев Святоносского траверза.

Варлаам обычно не заходил в эти недобрые места. Не было такой необходимости – он шел только морем и не мог позволить себе «волока». Да и просто отстояться здесь, перевести дух, укрывшись мысом от жестокого «северка» или «стока»¹⁵⁰ тоже было рискованно. Течение, бы-

150 «Северко» и «Сток» – поморское название направлений ветра: северного и восточного.

вало, так крутило карбасы, что встать на якорь или причалить к берегу редко кому удавалось.

И, конечно же, иное мрачное обстоятельство заставляло рыбаков как можно скорее покидать эти берега. Места эти, как известно, *«непроходимы от множества червья»*. И червь этот морской шутить не будет, а здесь его полная власть. Вблизи берега, в тихих заводях, забитых затонувшей древесиной, личинок его плодится просто тьма, едва не кишмя кишит. Прицепится к днищу – пиши, пропало.

Сейчас же Варлаам вовсе не испытывал страха, стоя в этой зловещей бухте. Совершенно по-иному, спокойно и глубоко дышали в нем и мысли, и чувства. *«Чувственные страсти победив воздержания браздами, чудодейственный Варлааме, чистотою душевною Божественно вооружился, стяжав бесстрастие и целомудрие, имиже к Богу паче приблизился»*¹⁵¹, именно так, тонко и точно раскрывается в «Каноне...» суть нового состояния нашего Керетского подвижника.

Мысленно оглядывая эти прошедшие три года «хождений», Варлаам чувствовал, какая решительная, всеобъемлющая перемена произошла с ним. Тем невыносимым трехлетним испытанием безжалостно и по живому Господь перекроил все его существо. Тело его – этот извечный тиран человека, было жестоко усмирено и внешне, пожалуй, изуродовано нынешней своей согбенностью, заскорузлостью, задубелостью. Зная теперь свое место, это новое тело более не диктовало свою волю и пришло в гармонию с душой. *«Естество плотское повинув [подчинив] духу, постом и воздержанием, душу же Божественными*

151 Канон прп. Варлааму. С. 416 об.

дарованиями просветив, невещественные дарования Духа Святого приял»¹⁵².

Это было преображение прежнего «ветхого» «*homo sapiens*», достигшего удивительной гармонии души и тела, при которой «жизнь Иисусова открывается в смертной плоти нашей» (2 Кор. 4, 10), и рождается «*homo Dei*» – человек Божий. Эта «новая тварь во Христе» (2 Кор. 5, 17), новый человек, жил теперь во всецелом послушании своему Творцу. Мир и тишина наполняли отныне этот «храм живущего в нем Святого Духа» (1 Кор. 6, 19). «*Землею быв, земного достойно отступил, небесное обрета наслаждение»¹⁵³.*

Человек способен «упразднить тело греховное, дабы не быть рабом греху, не повиноваться ему в похотях его» (Рим. 6, 6; 12). Обрета это благодатное согласие со своим обновленным телом, человек начинает преодолевать и свой конфликт со всем творением Божиим, поскольку «человек связан своим телом со всею плотию мира, и связь эта так тесна, что судьба человека и судьба всей твари неразрывна»¹⁵⁴.

И если подвижник достигает этого «искупления тела», то и «вся тварь, которая совокупно стенает и мучается донныне» и «с надеждой ожидает откровения сынов Божиих», «освобождена будет от рабства тления в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 19; 22). То есть, другими словами, такому человеку возвращается утраченное в Эдеме достоинство быть любящим отцом и повелителем для всего творения Божия.

152 Канон прп. Варлааму. С. 418 об.

153 Канон прп. Варлааму. С. 418.

154 Флоровский Георгий, протоиерей. Цит. по: Давыденко Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. ПСТБИ. М., 1997. С. 74.

Потому и Варлаам, подумав о зловредных червях, прозрачные личинки которых в избылии сновали на мелководе под его кораблем, не испытал ни опасения за целостность своего карбаса, ни иных неприязненных чувств к этой твари. «Человек, искаживший «образ и подобие Божие» (Быт. 1, 26) – вот причина всех бед на земле, – подумал Варлаам, проникая взглядом в толщу воды, – и эти «сверлила», эта морская «тварь подчинилась злой суете не добровольно, но по воле покорившего ее» (Рим. 8, 20), по воле падшего человека, повредившего ее смертной силой своей греховности».

«Так что, кто я, чтобы негодовать на этих червей, я грешнейший из всех, – размышлял Варлаам, припоминая слова одного из тех покаянных псалмов, что распевал он, скитаясь в волнах: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: “он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему”» (Пс. 21, 7–9).

«Да будет так, – Варлаам перекрестился, возлагая все свое упование на Господа, – если угоден я Творцу моему, то Он спасет меня и избавит от этого червя морского, как спасал во всех моих злоключениях этих лет».

«ВЕНЕЦ ПОБЕДНЫЙ»

В этом исследовании мы сознательно воздержимся от подробностей художественного описания того великого чуда заклания «множества зловредного червья» у Святого Носа, когда Варлаам, «встав на молитву и руке воздев на небо, услышан бысть». Когда разнесся над мрачным

заливом голос святого Старца: «Именем Господа нашего Иисуса Христа, всякую власть имеющего на небеси и на земли, повелеваю вам, черви морские, *«отбежнати от сих непроходимых мест у Святого Носу, и отойти туда, где тьма и мрак глубоко непрестанно бывают».*

Итак, как воспевается в «Каноне...» – *«Люди возрадовались радостью неизглаженной»*, ибо страшные «корабельные сверлила» Святоносского залива бесследно пропали. *«И абие черви без вести сотворишася»*. Мореплаватели Севера получили *«путь морской строен и благопоспешен, и благополучен»*, и корабли поморские, как поется в «Каноне...», от того дня *«с песней возвращаются, целы и невредимы, тебя, своего заступника воспевающе и Христа величающе»*¹⁵⁵.

И по настоящее время моряки Кольского Севера ничего не знают об этих «зловредных червях», хотя характерные отверстия в древних остовах кораблей, еще лежащих на берегах Кольского полуострова, по мнению ученых, свидетельствуют об их явном наличии в прошлом.

Самое же примечательное, и что особо подчеркивается в Каноне, это то, что Варлаам не уничтожил этих червей, а именно заклял, «от чего они потеряли свою силу». Поскольку, как тварь Божия *«естеством своим непобедимы черви были, но Варлаамовой молитвы к Богу послушались»*. Именем Христовым было дано им повеление: *«отбежнати и отойти в непроходимые места от Святого Носу, идеже тьма и мрак непрестанно бывают»*.

Как мы уже упоминали ранее, описывая природные особенности этих «червей», несмотря на имеющуюся у

155 Канон прп. Варлааму. С. 415 об.

них способность перерабатывать древесные опилки, твари эти, как и все моллюски, сохранили также и возможность питания методом фильтрации.

Другими словами, существуя вне древесной среды, они могут питаться мелкими планктонными организмами¹⁵⁶. В этой связи не безынтересно будет обратить внимание на то, как в «Каноне...» подчеркивается этот факт приобретенного, а не естественного способа питания этих моллюсков путем «сверления» древесины кораблей. *«Видел еси окиянскую пучину нечисту и человеками непроходиму от множества червия, иже остовы вертети кораблей естеством навыкших»*. То есть естество этих существ, их изначальные природные свойства претерпели последующие изменения, и в результате они *«навыкли»*, приобрели этот вредоносный навык – «вертеть» остовы кораблей. Таким образом, здесь мы вновь видим указание на то, что Господь в акте Творения не сотворил зла.

Единственной причиной приобретения вредоносных свойств той или иной тварью Божией, червем ли, бактерией или вирусом, выступает человеческая греховность. Наблюдаемое в настоящее время нарастание этого смертоносного процесса деградации благодатных природных свойств живой природы определяется дальнейшим возрастанием греха в мире.

В то же время Святой Дух и преизобилующая благодать, изливающаяся на земную тварь по молитвам каждого святого угодника Божия, принявшего *«от Вседержителя Бога венец победный»*, способны нейтрализовать греховный дух мира, уврачевать последствия его воздействия

¹⁵⁶ Подробно об этом см. Зацепин В. И., Филатова З. А. Класс Двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 95–155.

и исцелить повредившуюся природу Божиего творения. Это понимали и современники преподобного Варлаамия: *«Если бы не ты предстал [пред Господом] и помог, никогда бы от стольких грызущих червией не избавились»*¹⁵⁷.

Так что, как свидетельствуют ученые зоологи,¹⁵⁸ – живет в наших морях эта тварь Божия по имени *Nototeredo Norvagica*, да только по заклинательным молитвам Варлаама с Керети вреда корабелам и по сей день чинить не смеет. «Многие за правду сказывают, что и поныне оные необыкновенные черви есть, и что их видали, и что они с костяным белым носком»¹⁵⁹.

Чудо это удостоверило Варлаама в том, что скитания его завершены – Господь простил его и он *«многих чудес приял благодать»*. *«Мужеством души и верой вооружился, бурю и дождь и всякую воздушную нужду терпя, потщался еси сохранить заповедь отца своего духовного, и того ради приял от Вседержителя Бога венцу победный на страсти, и на бесы исцеление»*¹⁶⁰.

К РАДОСТИ

Вот и исполнилось тяжкое время духовного врачевания, время небывалого подвига во славу Господа и в посрамление князя тьмы. Пора было нашему скитальцу увидеться с отцом своим духовным и поделиться небывалой радостью – радостью победы жизни над смертью. И,

157 Канон прп. Варлааму. С. 415 об.

158 «В Баренцевом море по косвенным данным моллюски *Teredo* зоологически представлены». Божич П. К. Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939. С. 6.

159 Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год. // Архангельские Губернские ведомости. № 31. 1873 год.

160 Канон прп. Варлааму. С. 415 об.

возблагодарив Господа, исцелившего от язвы греха по молитвам великого старца Феодорита Кольского, одному из этой удивительной команды карбаса пора было принять от своего духовника благословение на долгожданное принятие Святых Христовых Тайн, другому же – благословение на вечное упокоение в поморской земле.

В духовной радости направил Василий свою ладью под парусом от Святого Носа на запад, к устью «великой реки Колы»¹⁶¹. Ветер был свежий и теперь уж попутный: «*море на плечах своих тебя носяще*». В нетерпении прошли дни пути, и вскоре причалил он к Каменному острову, где стоял Свято-Троицкий монастырь, основанный восемь лет назад преподобным Феодоритом.

Однако столь чаемая встреча с духовным отцом не состоялась. Основателя и строителя монастыря старца Феодорита в обители уже не оказалось.

¹⁶¹ Кольский залив в древности считался устьем впадающей в него реки Колы. Река Кола в те времена была чрезвычайно бурной и многоводной.

ГЛАВА VI

«НЕСЛЫХАННЫЕ МЯТЕЖИ...»

БУНТ В КОЛЕ

События, произошедшие в Коле весной 1548 года, незадолго до завершения Варлаамом своих морских мытарств, безусловно, глубоко символичны и, несомненно, стали ключевыми, определяющими дальнейшую судьбу многих их участников как в жизни земной, так и небесной.

Год этих событий, как мы указывали в книге, посвященной Феодориту Кольскому, можно определить достаточно точно – это голодный 1548 год. В этом году «князь века сего» дал решительный бой святому старцу Феодориту.

Каждый подвижник, дерзнувший посягнуть на эти полуночные земли, на которых испокон веку безраздельно властвовали силы зла и тьмы, неизбежно должен быть всегда готов вступить в бой и выстоять в испытании. «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).

Надо сказать, что если проповеднические труды Феодорита до этого времени были не столь драматичными, то на долю семидесятилетнего подвижника выпала, видимо, неожиданная для него беда, тяжкое душевное горе, когда вся братия его монастыря, все лелеемые им духовные чада, подстрекаемые и соблазненные бесами, восстали на своего игумена и учинили бунт. И, более того, избив святого старца, «выкинули» его из обители. А в дальнейшем

насиленно изгнали его «от страны той», «от тех пустынь поневоле во вселенную»¹⁶².

Вот насколько нетерпима силам тьмы была благодать и святость, обильно изливавшаяся на эту землю, прежде «дикую и непроходную», трудами блаженного старца Феодорита.

Но как же древний змий так ловко сумел ввести в искушение всю братию? Как же случилось такое падение, такой грех, такая беда на пути спасения для иноков монастыря? Вот что об этом рассказывает сам Феодорит и что пишет Курбский: «Нетерпимо было древнему супостату человеческого рода завистливыми очами своими видеть столь возрастаемое здесь благочестие. И разъедаемый ненавистью враг начинает действовать. Он наущает новоначальных монахов из братии монастыря и шепчет невидимо в уши и глаголет им в сердце: «Тяжел и неподъемен вам путь, которым ведет вас игумен. Никто из человек не может вытерпеть этот его Устав. Как это можно без имений жить и только своими руками хлеб добывать?» И «сложившиеся с диаволом», такие монахи «в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлачают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего». Это то, что касается непосредственных исполнителей воли невидимого режиссера этой трагедии.

Относительно же оценки этих событий в историческом, общецерковном плане надо признать – налицо проблема, обострившаяся к XVI веку, – это все то же разделение в церковной жизни между исповеданием духа подвижничества и истинного монашества и «духом мира века сего».

162 Курбский. С. 332.

И вот так внезапно на Коле наступили времена, когда монахи уже не представляли себе иноческой жизни без владения селами, землями, людьми, без торговых операций, оброков, поборов и сдач в аренду.

Именно с такими предложениями по организации хозяйства монастыря «нового типа» буйная «феодоритовская» братия отправилась к преподобному Трифону на Печенгу. Таким образом, и на Печенге наступили трудные времена. Нападение бесовское, так внезапно охватившее братию и столь яростно обрушившееся на Феодорита, наводит еще на одно соображение сокровенного, мистического плана. Видимо, силен был тот демон древний, с которым вступил в смертельную схватку преподобный Варлаам. Страшный дух мрачной Похьелы – этой «страны ужасов и злого чародейства»¹⁶³, в полной мере упивался своей победой над ненавистным Керетским попом и не без оснований полагал эту победу окончательной.

Но случилось неожиданное: святой подвижник Феодорит-пустынный возложил руку Варлаама на свою шею и взвалил на себя тяжесть случившегося: «На моей вые согрешение твое, чадо. И да не истяжет тебя о сем Христос Бог». В древнерусских чинах исповеди можно встретить этот выразительный момент передачи грехов кающегося духовнику: «И руце того исповедающегося на свою выю положить и всем грехом великим себя повинна сотвори-ти»¹⁶⁴. Небывалое дерзновение пред Богом явил великий старец Феодорит в той страшной епитимии.

163 Даже такие неустрашимые воины и отчаянные мореплаватели, как викинги, которых в Испании, например, называли «языческими чудовищами», о землях, населенных лопарями, отзывались не иначе как – «Иотунгейме», что означает «страна ужасов и злого чародейства». Фиркс, фон И. Суда викингов. Л., 1982. С. 5.

164 Требник XIV века собрания Гильфердинга № 21, л. 5 сл. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 75.

Именно его мощная молитвенная поддержка, оказанная духовному сыну в немыслимой брани с «врагом рода человеческого», вновь жестоко посрамила демона, коварство и зломудрие которого обратилось в «горящие угли на голову его» (Притч. 25, 22), и новый великий угодник и чудотворец явился людям, дивно прославив «Пречестное и Великолепое Имя – Отца и Сына и Святаго Духа».

И тогда, «сложившись со дьяволом, монахи оные вознеистовавша на старца святого...»¹⁶⁵

ВЕТЕР С СОЛОВКОВ

Размышляя над печальными событиями тех лет, нельзя недооценивать и влияние доминирующего в это время на Крайнем Севере Соловецкого монастыря. Как раз накануне, осенью 1547 года, этот монастырь получает от царя Иоанна Грозного «Жалованную тарханно–проезжую, несудимую и заповедную грамоту» на беспошлинную торговлю, провоз, неподсудность и прочие тому подобные льготы.

Конечно, об этом стало известно и в Свято-Троицком монастыре на Коле. Можно представить себе те неизбежные вопросы, которые братия стала задавать Феодориту: «Почему им можно, а нам нельзя?» Чем все это закончилось в следующем году, мы теперь знаем. Аналогичные события осенью того же 1548 года происходят и в Соловецком монастыре. Торжественно благословенный на игуменство, святой Филипп (Колычев) «неожиданно» оставляет игуменство и скрывается в пустыню. Надо сказать, что уже с 1542 по 1548 год Соло-

¹⁶⁵ Курбский. С. 333.

вещким монастырем управляют два игумена – Алексей (Юренев) и Филипп (Колычев), неоднократно сменяя друг друга. «Алексей с Филиппом игуменство держали переменяясь»¹⁶⁶.

По заключению историков, проведенный «анализ исторической ситуации, сложившейся в Соловецком монастыре в 40–х годах, показывает, что в среде братии происходит острая борьба между апологетами различных направлений развития обители»¹⁶⁷.

Поздняя редакция жития святителя Филиппа, составленного на Соловках после «наведения порядка», обходит молчанием неприятную страницу монастырской жизни и ограничивается оговоркой об «украшенности игумена от юности смирением».

Одно из ранних житий Святителя, писанное Сергием (Шелониным), сохранило подлинные слова Филиппа, которые раскрывают нам истинную причину его отказа от игуменства: «Нуждою мя братия на старейшинство возводите, не прежде ли еще рек я вам, яко ваши нравы моим нравам не согласуются»¹⁶⁸.

Это Житие, или «Похвальное слово митрополиту Филиппу»¹⁶⁹, сохраняющее первоначальную, еще «Тулуповскую» редакцию, имелось в монастырской библиотеке в единственном экземпляре. В XVII веке оно исчезло после «Соловецкого сидения» и миссии архимандрита

166 РНБ, Соловецкое собрание рукописной книги, № 1120/1129.

167 Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 10.

168 См. Саложникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонины // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 370.

169 Этот список Жития Сергиевой редакции вместе с иными рукописями так же был вывезен с Соловков в 1676 году, как результат наведения порядка после известного «Соловецкого сидения». Он тоже был обнаружен в рукописном собрании Псковского музея-заповедника. «Похвальное слово митрополиту Филиппу». Фонд Никандровой пустыни, № 292.

Макария¹⁷⁰. Касаясь упомянутой истории с избранием Филиппа на игуменство, историки справедливо замечают, что «в этом эпизоде мы имеем зародыш того конфликта, который проявился 20 лет спустя, во время суда над митрополитом Филиппом, когда группа соловецких чернецов свидетельствовала против своего бывшего игумена».¹⁷¹ Таким образом, можно говорить все о том же глубоком, принципиальном различии духа монашеской жизни, о самых началах, самых пределах спасительного делания. Весьма показательным является тот факт, что даже двадцатилетний срок игуменства Филиппа, столь благополучный и цветущий пышным «стяжанием», не уврачевал внутреннее духовное противостояние в среде братии. Разделение так и не было преодолено, поскольку по-прежнему «ваши нравы моим нравам не согласуются», ибо «столкнулись два религиозных замысла, два религиозных идеала»¹⁷².

История жизни святителя Филиппа, надо сказать, удивительно напоминает жизненный путь Феодорита. В житии Святителя мы видим то же послушание у старца с ранней юности в монастыре, позднее, – удаление в пустыню, где «провел не мала лета», замечательные внутренние качества, богатые дарования и при том неизменное «искание смиренной нищеты». И неизбежная схватка с «духом мира», «брань с князем века сего», увенчавшаяся венцом мученика.

170 Наместник Тихвинского монастыря архимандрит Макарий был прислан на Соловки в 1676 году, для наведения порядка в монастыре после подавления известного Соловецкого бунта («Соловецкого сидения»). Макарий внимательно просмотрел монастырскую библиотеку. Сборник Канонов северным святым письма архимандрита Сергия (Шелонина) очевидным образом затрагивал ряд болезненных моментов в истории Русской Церкви, имевших место в не столь отдаленный период, которые отражались в отдельных «нежелательных» подробностях житий северных святых XVI века. В 1680 году архимандрит вернулся в свой монастырь, увозя с собой этот рукописный Сборник, в который, как мы упоминали ранее, входил и Канон Варлааму Керетскому.

171 Федотов Г. П. Святый Филипп митрополит Московский. М., 1991. С.34.

172 Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 17.

ФЕОДОР ИТ

Изгнанник и страстотерпец¹⁷³ Феодорит находился в Кандалакше, где укрылся от мести бесовской в монастыре «в Кандалошской губе на усть реки Нивы, над морем на наволоке»¹⁷⁴.

Весной 1548 года, уйдя «*по неволе во вселенную*», он сначала, конечно же, прибыл в Москву и поведал митрополиту Макарию все, что приключилось с его монастырем на Коле. Несомненно, должен был состояться серьезный разговор, много о чем нужно было поразмышлять и владыке Макарию, выслушав Феодорита о ситуации на самых дальних рубежах России. Позиции старчества заволжской, «нестяжательской» школы в это время были весьма сильны, и государство вновь всерьез размышляло о судьбе церковных владений и монастырских земель. Ситуация складывалась серьезная – колоссальные пространства, около трети всех земель Российских через грамоты, пожертвования, завещания, вклады и тому подобное перешло в церковное владение.

При этом не секретом было и то, что церковная и мирская власть вплотную столкнулась с крайним духовным неблагополучием, которое неумолимо продолжало нарастать в новых, общежительных монастырях, развращаемых богатыми владениями и имениями. Святитель Макарий, пользуясь всецелым доверием и любовью со стороны двадцатилетнего царя Иоанна IV, наиболее активно и плодотворно действовал в интересах обновления Церкви.

173 «Страстотерпцы» – те, которые претерпели страдания во имя Господа по коварству и клевете ближних своих – единоверцев». Дьяченко. Словарь. С. 671.

174 Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459. «Незащищенное селение с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами» (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63).

Выдающиеся по своему значению Соборы, подготовленные Святителем вместе с Царем, церковным соборным разумом должны были дать ответы на те непростые вопросы, что неумолимо встали перед Русской Церковью, самоотверженно пытающейся достичь желанной «симфонии» с государством.

Ну а пока Феодорит отпросился вновь на Север, к своим любимым лопарям, дабы приступить к окормлению Кандалакшского (Кокуева) Рождества-Богородичного монастыря. *«И бывает два года игуменом в одном малом монастыре в Новгородской земле»*¹⁷⁵.

ДРАГОЦЕННЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Еще раз с печалью отмечая факт утраты полноценного текста жития преподобного Варлаама, мы с особой благодарностью принимаем те свидетельства, что сохранил нам автор «Канона» Сергей (Шелонин). Мы уже отмечали неформальное, «не праздное» его отношение к своим «рукописаниям» и удивительно уважительное отношение к будущему читателю. Каждая строка текста «Канона» наполнена важной информацией, и эти драгоценные подробности глубоко прочувствованы и осмыслены автором.

Так, например, касаясь факта исполнения условия данной Варлааму епитимии: *«мертвого носить во гробе, дондеже изгниет тело умершее»*, автор, на наш взгляд, делает важное замечание: *«мертвое тело изгни до конца, и так паки земле предаде»*. То есть в течение всех Варлаамовых хождений тело постепенно предавалось земле (истечением, испарением и т. п.) и то, что осталось – земле уже

175 Курбский. С. 333.

не принадлежало и тление не имело над ним силы, ибо это уже стало мощами. И далее, отец Сергей завершает: «и тем *исцеления дар от Господа сподобился принять*», ставя в очевидную взаимосвязь оба результата того мучительного, трехлетнего пути: и обретения мощей супруги, и получения дара чудотворения. Используя слово «мощи», мы не беремся утверждать факт святости останков почившей матушки, и имеем ввиду лишь повседневное значение слова «мощи», как «кости, твердые части тела»¹⁷⁶ и непременно в этих обстоятельствах мумификацию тела усопшей¹⁷⁷.

Еще раз вспомним строки: *«Мужеством души в веру вооружился, бурю и дождь, и всякую воздушную нужду терпя, потщался [усердно действуя, постарался] сохранить заповедь отца своего духовного». «Сохранить»* – в смысле исполнить бережно, досконально. Высота подвига Варлаама состояла именно в таком доскональном, **ДОСЛОВНОМ** понимании и исполнении того, что устами Феодорита повелел ему совершить Господь. *«Вооружившись в веру»*, также и по Апостолу: «облекшись во всеоружие Божие» (Еф. 6, 11), Варлаам явил нам такой образец силы христианского духа, что заставляет потрясаться каждого, ужасаясь собственной немощи и полной неготовности даже мысленно примерить на себя совершенный им подвиг. Мы, как и во времена земного служения Спасителя, когда «ужаснулись ученики от слов Его» (Мк. 10, 24), также понимаем, что Господь зовет нас к таким высотам

176 Дьяченко. Словарь. С. 318.

177 По этому вопросу мы консультировались со специалистами Российского центра судебно-медицинской экспертизы. По мнению доктора медицинских наук, профессора Звягинцева В. Н., моделирование условий морских странствований Варлаама убеждает нас в неизбежной мумификации тела его почившей жены.

веры, которые не под силу смертному, а потому смиренно чаем слов утешения от Него: «человекам это не возможно, но не Богу; ибо Богу все возможно» (Мк. 10, 27).

Это неповрежденное, бережное исполнение *«заповеди отца своего духовного»* и явилось основанием особого благоволения Божия к Варлааму, и его избранничества в лике великих чудотворцев. *«Того ради, принял от Вседержителя Бога венец победный на страсти, и на бесы исцеления ... Чудес дар прием, исцеляешь страсти всякие».*

Говоря о *«венце победном на страсти, и на бесы исцеления»*, надо понимать, что в глубоком, мистическом плане подвиг Варлаама являлся продолжением того давнего его противостояния князю тьмы в лице заклятого им на Абрам-мысе древнего демона. И так же, как во времена Иова Многострадального, подвигом веры Варлаама Господь посрамил того, кто от века «царь над всеми сынами гордости» (Иов. 41, 26).

«Волнений множество не влажно проходя, бесплотные враги струями слез твоих крепко погрузил еси, Богомудрый Варлааме преподобный, и чудес дар приял». В таких поэтических сравнениях отец Сергей (Шелонин) вновь возвращается к мысли о сущности подвига Варлаама как схватки с *«бесплотными врагами»*. Бесконечное хождение среди *«волнений множества»*, при котором он, силой своего упования на Господа, сумел пройти *«не влажно»*, то есть не будучи одоленным влагой морской стихии, символизируют путь каждого христианина среди волнений и страстей мира сего. В то же время, сила покаяния Варлаама, плач и *«струи слез»*, как раз, надежно потопили, *«крепко погрузили»* тех самых *«бесплотных врагов»* его.

ВСТРЕЧА НА НИВЕ

Варлаам, конечно, искал встречи со своим духовным отцом, поскольку все явленные Господом знамения прощения и ясные указания об исполнении данной епитимии требовали, тем не менее, снятия ее тем духовником, который ее и назначил.

И долгожданная встреча с Феодоритом произошла летом 1548 года в Кандалакшском монастыре, куда добрался Варлаам по морю, вновь проделав свой знаменитый путь из Колы в Белое море. О чем теперь мог быть разговор духовника с Варлаамом, после стольких испытаний и судьбоносных событий? Конечно, о дальнейшей его судьбе, о новом его пути служения Господу. Наиважнейший вопрос, стоявший перед Феодоритом и пред смиренно ждущим ответа Варлаамом, состоял в том, возможно ли сохранение за ним священного сана.

Большинство известных прорисей и тексты иконописных подлинников, описывая внешние признаки образа преподобного Варлаама, упоминают и о его достоинстве священника: «Сед, плешив, брада курчевата, аки Антоний Сийский, **риза поповска**, со Евангелием»¹⁷⁸. Также надо сказать, что подчас в старых святцах рядом с именем Варлаама можно встретить указание священного сана – «иеромонах», что перекочевало и в нынешний Церковный календарь. Насколько обоснованным может быть такое утверждение о сохранившемся священном сани Варлаама, несмотря на имевший место грех убийства?

Надо полагать, что решение было принято, исходя из рекомендаций тех духовнических посланий и поучений

178 ИРЛИ, колл. Перетца, № 524; БАН, Строгановское собрание, № 66. Цит. по Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2. С. 66.

того времени, которые признавались наиболее авторитетными в Русской Церкви. Речь идет в первую очередь о «Пяти посланиях преподобного Иосифа Волоколамского о епитимиях к детям духовным»¹⁷⁹, где в частности проводилась одна очень важная мысль. По мнению Волоцкого игумена, пострижение в монашество упраздняло необходимость каких-либо прещений, епитимий и прочих мер покаянной дисциплины. «А кто пострижется в чернецы, ино тому с тех мест впредь опитемии нет», – говорит Иосиф в первом Послании. «Волоколамский игумен стоит на почве древнерусских правил, говорящих о прощении человека ради ангельского образа, в чем, возможно, сказалось заимствованное им с Востока представление о монашеском постриге как о втором крещении»¹⁸⁰.

Думается, что здесь, скорее всего, сказалось еще одно понимание глубинной сути монашеского пострига. И, кроме того, разрешение известного недоумения, почему постриг не является церковным Таинством. Он не был выделен в отдельное Таинство, поскольку напрямую относится к Таинству Покаяния и представляет собой высшую его степень.

Таким образом, в случае пострига и с учетом исполненной епитимии Варлаам мог остаться в священном сане. Постриг в то время мог совершать каждый духовник из монахов, что особо оговаривалось в молитве при поставлении: «Подобает же тебе и иноки постригати малого образа и великого»¹⁸¹.

179 «С середины XVI века сочинения Иосифа Волоцкого начинают рассматриваться как официальная литература не только господствующей церковью, но и государственной властью». Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.-Л., 1960. С. 509.

180 Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 280.

181 Номоканон, сиречь законопривильник. Киев, 1624. С. 160. О том же говорится в 8-м слове Вопрошания Кирика.

Потому ничто, казалось бы, не мешало Феодориту совершить столь необходимый теперь постриг. Однако, думается, что постриг этот произошел несколько позднее.

Известие о том, что монахи Свято-Троицкого монастыря ушли из Колы в Печенгу к Трифону, дабы строить там «монастырь нового типа», глубокой скорбью и тревогой отозвалось в сердце Феодорита. Он хорошо понимал, какое испытание выпало ныне его ученику и духовному чаду. Зная непростой характер Печенгского старца и нынешний настрой «буйной Кольской братии», можно было представить, во что, в конце концов, все может там вылиться.

И тогда Феодорит предлагает Варлааму отправиться на Печенгу к Трифону, дабы поддержать его и помочь мирно разрешить новую ситуацию с созданием монастыря в устье реки. Феодорит хорошо чувствует особые дары благодати, что стяжал Варлаам, и очень рассчитывает на дарованную ему ныне молитвенную силу на «нечистые духи» и на исцеление от власти тяжких страстей.

Ну, а чтобы не было искушения у Кольской братии, что в монастырь пришел постриженник так нелюбимого ими ныне Феодорита, постриг можно принять и там, у иеромонаха Ионы, который очень хорошо знает «попа Василия». И, таким образом, новопостриженный инок будет там воспринят не пришельцем, а самым настоящим печенгским монахом. Об этом решении Варлаама уйти на Печенгу нам опять сообщает «Канон...»: *«Видел созидаему святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном--ги».*

По ходу дела еще раз отметим, насколько этот наш внимательный разбор всех обстоятельств пострига Варлаама, выбора его дальнейшей жизни, каноничности со-

вершаемых им действий глубоко безразличен для упомянутой беспоповской редакции Жития. Согласно «законоучителю Трифону Петрову», священник Василий сам себя запрещает, сам решает, где ему жить, чем заниматься, да заодно он и сам себя постригает в монахи: «осуди себя, недостойна быти священствовати, не изволил во град Колу возвратитися, ни в весь Керетьскую на отечество свое ийти, но пророчески поучая, себе глаголя: «Се удалихся, бегая, и водворюся в пустыню». И тако поучаяся, возложил на себя иноческий образ, священно священным священствовался иночеством, и белое нося, вместо того чернец стал искусен»¹⁸². Ну, в общем, как говорится, «сам себе командир и начальник штаба».

Но, прежде чем взять курс в Немецкую сторону, на Печенгу, Варлаам должен был совершить необычайно важное для него дело – упокоить в земле святые останки своей любимой. Сразу оговоримся, что не сохранилось каких-либо достоверных указаний на то, где именно находился островок, избранный Варлаамом для захоронения останков своей супруги. Упоминается лишь, что место это было «в Чупской губе».

ОСТРОВОК В ЧУПСКОЙ ГУБЕ

Островок с названием Олений, в устье Чупской губы, не столь далеко от родного села, Варлаам приметил еще во дни своих покаянных скитаний. На этом острове он набирал воды, а то и какой-нибудь лесной снеди перед очередным своим «путем» на Колу.

¹⁸² «Слово историческое...» Л. 303 об.

Сейчас он причалил сюда с особым чувством светлой грусти. Ему предстояло расстаться с останками своей неразлучной матушки, со своей драгоценной ношей, столь же наболевшей, сколь и сладостной ныне.

Однако прибытие Варлаама на остров с гробом-колодой, как с символом его победы над «полками бесовскими», вызвало здесь, в Чупе, небывалое восстание сил тьмы. По слову Канона, когда он «*в пустыню, в Чуиу с собою*» принес «*мертваго, яко жива*», то испытал действие «*нестерпимых стрел вражьих*».

Силы тьмы, испокон веку жившие в этих лопарских пустынях, начинают восставать на пришельца и не желают покидать насиженные места. «*И там молитвою на врага вооружаешься, сокрушая врага постом и терпением*». И, как можно понять, исход борьбы был еще вовсе не очевиден, пока явным образом не пришла помощь от Господа: «*дондеже приял, преподобный, помощь от Вышняго*».

Следствием этих не известных нам в подробностях событий, произошедших в Чупской губе, явились некие благодатные перемены в Варлааме: «*обновляешься, преподобне, яко орел, измылся и очистился в пустыни от всех страстных* [здесь «страсть» в значении мучение, страдание, борьба] *деяний*» и стяжание им особых духовных сил. Варлаам, молящий Господа об исцелении от яда тех «*нестерпимых стрел вражьих*», уподобляется в «Каноне...» «*олению быстротекущему ко источникам вод*», дабы, припав к ним, «*очищаться от змеиного яда*».

Надо думать, эта непростая схватка в Чупской пустыни у могильного креста своей супруги, эти молитвы, терпение и пост и некое очевидное и спасительное Божие вмешательство, явленное здесь Варлааму, окажут сильнейшее

воздействие на судьбу подвижника¹⁸³. Все это явится определяющим в его дальнейшем и окончательном выборе именно *пустыни*, как места, где он останется подвизаться в течение пятидесяти лет до самой смерти.

Но пока Варлаам вновь был благословлен на 1200 километров пути к *«созидаемой святым Трифоном обители в Печенге, за окянном-морем»*. И вскоре он взял курс на выход из Кандалакшского залива, и далее вдоль Терского берега через все Белое море, мимо мыса Святой Нос, вокруг Кольского полуострова по Баренцеву морю, «в низ, в Норвегу», мимо Кольского залива, через Мотовский залив к губе Большой Волоковой (там как-то, с Божией помощью, волоком, через перешеек полуострова Рыбачий), а тут и воды Варяжского залива, там, где вход в Печенгскую губу, а там и сам суровый Печенгский старец Трифон, которого он, Варлаам, непременно обнимет.

ЗАКАТ

Наступала холодная осень 1548 года. С этой осенью на Печенгу пришло и горестное предчувствие того, что заканчивается золотое время «новоначального Печенгского монастыря», – того первого Трифоновского монастыря, что существовал в верховьях реки Печенги с января 1533 года, то есть с момента освящения первой Свято-Троицкой церкви на Кольском Севере. В абсолютном большинстве братия этого монастыря состояла из новообращенных лопарей, легко усваивающих духовные истины и молитвенно–аскетический уклад жизни, установленный

183 «Он хоронит останки жены «в каменной вараке [горка, возвышенность – и. М.], сам же остается тут для пустынного подвига». Шергин. С. 230.

их учителем, преподобным Трифоном. «И множество от них монашеское житие возлюбили»¹⁸⁴.

В этой «новоначальной» обители Божественные службы справлял иеромонах Иона – верный ученик и неизменный «сопостник» преподобного Трифона в течение всей его долгой жизни. «От преподобного навыче искусного монашества»¹⁸⁵ – так донесла нам память людская предание пути духовного восхождения бывшего белого попа Иоанна. Священник Иоанн, как мы помним, был предшественником Варлаама в его служении в Никольском приходе волости Колы. Передав приходское служение Варлааму, тогда еще отцу Василию, он ушел на Печенгу к Трифону, где принял постриг с именем Иона. Оказавшись в монастырской атмосфере аскетике и мистических созерцаний, под руководством Печенгского старца отец Иона обрел бесценный дар «старцев-заволжцев» – практику умной молитвы, унаследованную ими от афонских монахов-исихастов, или «священнобезмолвствующих».

О неукоснительной приверженности самого Трифона этой традиции и о исихастском укладе его духовной жизни имеется ясное свидетельство в Житии преподобного. Как известно, «исихия» в переводе с греческого означает – тишина, молчание. Именно для приобщения к «священнобезмолвию», для молитвенного Богообщения была построена Трифоном Успенская пустынь в стороне от монастыря. «У церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил я на Богомыслие и молчание»¹⁸⁶. Так же и «Канон...» упоминает, что преподобный

184 Курбский. С. 332.

185 Никодим, архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 227.

186 Житие прп. Трифона. С. 114.

обладал даром внутреннего молитвенного делания: «Ты же сие терпя, отходиши во внутреннюю пустыню»¹⁸⁷.

Пятнадцать лет процветал этот лопарский монастырь на Печенге, там, где в нее впадает река Мана. Он просуществовал до 1549 года, то есть пока сюда, в этот монастырь, не пришла неожиданная беда в лице буйной братии Кольского монастыря. В конечном итоге, уже в отсутствие Трифона, его любимое детище закончит существование в связи с началом строительства ниже по течению реки Печенги, в ее устье, нового монастыря с иным укладом монастырской жизни.

МЯТЕЖНЫЕ ДНИ НА ПЕЧЕНГЕ

«Феодоритовские» «нечеловеколюбивые мнихи», переместившиеся к осени 1548 года из Колы на Печенгу, принесли с собой в Печенгские края и иной настрой, иной дух монастырской жизни. Сытая жизнь «от имений» и забвение «устава отцов-основателей», поразившие к 50-м годам XVI века большинство монастырей в Подмосковье, действовали разлагающе на братию новых северных монастырей¹⁸⁸.

Искусившаяся иными «порядками» общежительных «вотчинных» монастырей и изгнавшая своего наставника, «нестяжателя» Феодорита, кольская братия, неожиданно появившаяся в монастыре Трифона к 1549 году, принесла с собой и свои неуврачеванные проблемы. Князь А. Курбский касается их, когда упоминает, что непосредственным

187 Канон прп. Трифону. Л. 94.

188 «Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствии разорили его любострастные» (Письмо Иоанна IV игумену Косме//Акты истории. Т. 1. № 204. С. 377).

поводом к бунту явилось введение Феодоритом в монастыре правила из устава Зосимы и Савватия Соловецких: «...не токмо женам, а ни скота единого отнюдь женского полу не иметь тамо»¹⁸⁹.

Кроме того, совершенно очевидно, что Кольские монахи соблазнились теми значительными имениями, которые за 16 лет существования Трифонова монастыря были пожертвованы «*новопросвященными народами лопарскими*». Эти щедрые пожертвования во многом были обусловлены спецификой «лопарской обители», при которой все дарения оставались у своей же лопарской братии, поскольку «монашествующие были только из новопросвященных лопарей»¹⁹⁰.

Другой же наиважнейшей особенностью «монастыря новонаначального» явился особый дух христианской любви, установившийся как в самом монастыре, так и между Трифоном и всем лопарским племенем. Это было связано в первую очередь с тем опытом исихазма, который привнес в жизнь лопарской братии Трифон, с благодатной традицией творения непрестанной молитвы Иисусовой и опытом непосредственного Богообщения. Именно здесь сокрыты живые истоки пронесенной через столетия, необъяснимой для многих привязанности лопарей к Трифону и почитания всего, что связано с его именем.

189 Курбский. С. 333. Таким было «завещание Св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно студийскому уставу)». Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 37. «Со времен Зосимы скотные дворы находились на Муксолмском острове». Крушельницкая Е. В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 262. «В России этот гнусный порок – скотское соитие, считают шуткой. Он стал обыкновением, препровождением времени и достославным рыцарством». Shaum. Tragoedia Demetrio Moskovitica. Чтения Московского общества ист. и древ. М., 1847. № 3. С. 3.

190 Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь... СПб., 1908. С. 9.

Очевидно и то, что мятежный, «немирный» дух Кольской братии, согрешившей против своего духовного отца и окормителя, не соответствовал молитвенно-созерцательному духу Свято-Троицкой обители, что сложился в монастыре на реке Мане. Новая «лихая» братия, да еще и «сложившаяся со дьяволом», имела свои взгляды и планы по развитию монастыря на Печенге, что никак не вписывалось в те духовные цели и задачи, над воплощением которых успешно трудился лопарский монастырь преподобного Трифона.

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО ТРИФОНА

До недавнего времени мы могли только догадываться, сколь тяжкое искушение выпало тогда на долю преподобного Трифона и какие страсти кипели в тот год на Печенге вслед за Колой. Первоначальное правдивое Житие преподобного Трифона, возможно, написанное Сергием (Шелониным) и положенное в основу его «Канона», в этом эпизоде также было позднее отредактировано. Неизвестно, имел ли к этой правке отношение ранее упомянутый архимандрит Макарий, но, очевидно, что это было сделано в духе его «северной миссии». Потому нынешнее содержание Жития оказывается не соответствующим ныне обнаруженному «Канону преподобному Трифону, Печенгскому чудотворцу» Сергия (Шелонина). В Житии уход преподобного с Печенги на целых восемь лет объясняется тем, что количество «*братии умножилось*» и Трифон ушел собирать милостыню. «Канон...» раскрывает истинную причину ухода самого строителя монастыря из своего монастыря:

«Лукавые люди тебе спону [препятствие, сопротивление] бесовским советом учинить хотевша, или же тебя смерти предати, ты же яко Моисей, манною питати их не престаеши, пока всех сих в благоразумие не привел»¹⁹¹.

«Лукавые люди» – то есть люди злые и коварные, но в данном случае это еще и люди «лукавого». Эта характеристика перекликается с оценкой той ситуации, которую ранее давал Феодорит, по Курбскому: «сложившиеся с дьяволом монахи те вознеиствовали»¹⁹². Пришедшая к Трифону буйная братия попыталась навязать Трифону свое, новое видение монастырского строительства и жизни монашеской.

Но надо хорошо понимать, кто такой Трифон Печенгский. Поступить с ним, как с Феодоритом, то есть избить и выкинуть из монастыря, вряд ли бы кто отважился. Трифон – это не Феодорит – ярость и неукротимая сила «Трифона во гневе», эта притча во языцех была всем памятна еще со времен его атаманского прошлого. Исполинская сила этого сурового отшельника отмечается в Житии, что вовсе не характерно для агиографической традиции. *«Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок... За три поприща на рамах своих бревна и все потребное на церковное строение носил».* Что такое носить пяти–шестиметровое бревно на плечах за пять километров – в комментариях не нуждается. Такое бревно одному просто и поднять-то невозможно.

И если, проповедуя тщедушным лопарям, этот богатырь-воин, которого они *«за власы таскали, и о землю*

191 Канон прп. Трифону. С. 95 об.

192 Курбский. С. 333.

метали, и били, и пихали», во многом подкупил их именно своим смирением и терпеливым незлобием, то в данном случае он ни уходить, ни смиряться не собирался. Поэтому выход оставался для пришельцев один – убить Трифона. И, возможно, не было бы у нас славной истории Трифоновского монастыря XVI века, если бы в это время на Печенгу не пришел преподобный Варлаам Керетский.

И, что удивительно, в памяти народной на Кольском Севере сохранилось предание об этом приходе преподобного Варлаама в Печенгский монастырь. Так, еще в 1900 году весьма авторитетный этнограф и исследователь Лапландии XIX века Н. Дергачев, упоминая в одной из своих статей монастырь на Печенге XVI века, замечает: «В это время здесь жил святой Варлаам Керетский...»¹⁹³, хотя никак не оговаривает источник столь уникальной информации.

193 Дергачев Н. Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 65.

ГЛАВА VII

ТРИФОН И ВАРЛААМ

ВАРЛААМОВО ПРОРОЧЕСТВО

Повествуя о тревожных временах, пришедших на Печенгские берега осенью 1548 года, «Канон преподобному Трифону...» ясно говорит о смертельной опасности, которой подвергся Трифон с приходом «новых русских» монахов: *«Лукавые люди тебе спону [препятствие, сопротивление] бесовским советом учинить захотели, или же тебя смерти предать»*. О том, что речь идет именно о братии, а не о каких-то случайных разбойниках, ясно говорят заключительные строки этого тропаря: *«ты же яко Моисей, манною питать их не престаешь, пока всех сих и в благоразумие не привел»*¹⁹⁴. Понятно, что «в благоразумие привести» возможно, лишь противопоставляя злу – добро, ненависти – любовь, бунту – смирение. И, действительно, по Житию Трифон, покинувший Печенгу на восемь лет, так же, как Моисей, не оставил в гневе и обиде свой народ и, «пребывая нищим и просителем, от града во град, и от веси в весь странствуя, все, что испрашивал милостыни, в монастырь свой на пропитание братии посылал»¹⁹⁵.

Ранее мы упоминали строки Канона, подтверждающие, что Варлаам в то тревожное время действительно пришел

194 Канон прп. Трифону. С. 95 об.

195 Житие прп. Трифона. С. 111.

в обитель Трифона на Печенге: *«Видел созидаему святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном-морем, и туда устремился видеть того труды и подвиги»*. Однако Канон сообщает и о том, что Варлаам после своего прибытия довольно скоро, как говорится, «дал свою оценку всему, что он там увидел». *«И пребыв некоторое время, пророчески тому о составлении [о составе] обители прорек»*, то есть возвестил пророчество о собравшейся у Трифона братии. *«О, Трифане, сподобился еси обитель воздвигнути и братию собрать, но будут люди и села зло неукратимы, яко дикие звери, твоей ярости и острожелчию [гневливости] подобящиеся»*.

Надо понять, что суть сказанного Варлаамом есть не просто констатация факта увиденного им тяжкого духовного неблагополучия, поразившего собравшуюся к 1549 году на Печенге братию. Варлаамом произнесено пророчество, Духом Святым возведено некое Божественное установление, которое определит всю дальнейшую судьбу этого Трифоновского детища. Вся эта *«неукротимость»* братии, ее *«ярость и гневливость»*, по слову Варлаама, есть наказание Трифону от Господа, тяжкий крест в воспоминание и искупление им своих диких страстей и страшных грехов разбойной юности. Потому братия ведет себя *«яко дикие звери»*, потому так страшно *«неукротимы»*, что *«твоей, [Трифон], ярости и острожелчию уподобляются»*.

Варлаамово пророчество в полной мере исполнилось в судьбе Печенгского монастыря¹⁹⁶. Трифон вынужден был

196 Мы сейчас не касаемся печальной истории обители в XVII веке, когда она размещалась в Коле, и когда «буйных печенгских монахов» безуспешно пытался усмирить сначала патриарх Никон, а затем и Архангельский Владыка Афанасий. Об этом см. Митрофан (Баданин), иеромонах. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003. С. 257–266.

принять Божию волю, изреченную Варлаамом и, смирившись, покинуть ставшие родными Печенгские берега. Спустя восемь лет он вернется сюда с новым игуменом – Гурием, на имя которого будет дарована монастырю Жалованная грамота, что откроет обители путь к небывалому процветанию, равно как и к грядущей ее «от острия меча» гибели.

Прозревая Духом эту предстоящую скорбь, Варлаам поддерживает Трифона и показывает ему духовную причину происходящего, а, следовательно, и пути одоления этой беды. Тем не менее, понимание внутреннего механизма происходящего на Печенге не может снять остроту ситуации, потому Варлаам не желает более оставаться здесь. *«Оставляеши Трифаново селение и возвращаешися паки к Керети – все тому [то есть Трифону] изрек».*

КРЕСТ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА

То, насколько велико было значение пророчества, что произнес над Печенгским монастырем великий святой Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский, вряд ли нужно дополнительно подчеркивать.

Равным образом и то, что Трифон, вернувшись через восемь лет, сознательно примет этот возвещенный Варлаамом тяжкий крест духовного окормления столь непросто-го монастыря и до конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить гибели душ иноческих. Об этом ясно говорится и в «Каноне преподобному Трифону...»: *«Аще и питаемые тобой роптать не перестают, но ты сих зверство на кротость в благо-разумие привел, молитвами непрестанными, и пением, и бдением, дондеже их Христу чистыми представил».*

Этот тропарь «Канона» раскрывает нам все величие едва ли не самого главного жизненного подвига преподобного Трифона Печенгского. Несмотря на упомянутые «ярость» и «неукротимость» братии, с которыми вплотную довелось столкнуться Печенгскому старцу, ему удалось благодатной силой своей великой святости преобразовать «*сих зверство на кротость*» и привести в «*благоразумие*». Путь, которым вел братию Трифон, весьма непрост, но он единственно возможный в той ситуации, и «Канон» нам тот путь ясно раскрывает – «*молитвами непрестанными, и пением, и бдением*».

... Так начиналось великое с малого,
Богу – во славу. В науку – наследникам.
Трифон шагал и, молясь, перемалывал
В сердце гордыни остатки последние.

И по следам, Преподобным оставленным,
Иноки шли со слезой покаяния.
И выпекалось в их душах раскаянных,
Словно просфоры в печи, послушание¹⁹⁷.

Так совершилось чудо, ибо «невозможное человекам, возможно Богу» (Лк. 18, 27). И когда наступил тот страшный декабрь 1589 года, абсолютное большинство братии явили истинное, даже до смерти, послушание своему игумену и наследовали райские обители, по молитвам Трифона, который «*их Христу чистыми представил*». Полная мера понимания этого великого чуда, совершенного в XVI веке Печенгским старцем, раскрылась нам лишь недавно, когда осенью 2003 года, благословением Святейшего Пат-

197 Кольчев Николай. Мурманский поэт. Стихотворение «Жернова. Сказ о послушании».

риарха Московского и всея Руси Алексия II «братия Печенгского монастыря, убиенная вместе с игуменом Гурием, [была] прославлена в лике преподобномучеников»¹⁹⁸.

«Молитвами непрестанными, и пением, и бдением», что совершались по настоянию Трифона в Успенской церкви, построенной рядом с его отходной пустыней у Трифонова ручья в 1571 году¹⁹⁹, братия обретала покаянный молитвенный настрой и спасительное чувство устремленности сердца от мира дольного к миру горнему. Службы в этом храме не прервались и после блаженной кончины Трифона в 1583 году. Надо понимать, что знаменитое грозное пророчество святого старца о судьбе монастыря, вознесенное им при своей кончине, самым непосредственным образом благодатно повлияло на перемены в духовной атмосфере обители. Предстояние Трифона в течение шести лет у престола Божия, после своей кончины позволило ему вымолить спасение для своих своенравных чад, а игумену Гурию – подвигнуть монастырскую братию к принятию мученических венцов при нападении шведского отряда на обитель в декабре 1589 года.

Еще раз удивимся, сколь точен в своих оценках автор «Канона» соловецкий монах Сергей (Шелонин). Должно было пройти триста пятьдесят лет, прежде чем мы осознали величие подвига преподобного Трифона, возродившего к жизни вечной души своих своевольных чад. И, что-

198 Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15. 10. 2003 года на имя Епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

199 Мы не знаем, что завещал своим духовным чадам отходящий ко Господу в августе 1571 года великий старец Феодорит Кольский, но мы знаем точно, что именно осенью 1571 года в Печенгском монастыре была срочно воздвигнута Успенская церковь. О том, что «срочно» – свидетельствует современник, наблюдавший в монастыре «около 200 монастырских работников, и все они были заняты постройкой церкви». «Сообщение» Симона ван Салингена цит. по: Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 303.

бы убедились мы в несомненной верности слов тропаря «Канона», повествующих о том, что свою братию, принявшую лютую смерть от разбойного меча, Трифон «Христу чистыми представил».

ОЧИЩЕНИЕ МОРЕМ

Итак, Варлаам, возвестив в пророчестве волю Божию, поведал Трифону и о своем желании покинуть Печенгу. Но мы знаем из Жития, что в это время и Трифон, «добрый преподобный отец, взяв с собою некоторых от братьев, отыдоша во страны Великого Нова града»²⁰⁰.

Однако прямых указаний о том, что они вместе покинули Печенгскую губу, в «Канонах» мы не обретаем. В то же время в «Каноне преподобному Варлааму» есть один довольно примечательный стих, повествующий не только о духовной помощи, оказанной Трифону Варлаамом, но и о совместном их морском плавании в «пустыне моря».

«Естеством добродетелей, любви сопрягся [соединился] отцу Трифану в духовных ему исправлениях [исправлениях или подвигах], в пусте море [в пустыни моря] с ним оземствуясь [пребывая в ссылке, изгнании], с причастное души [унаследованное душой] очищающе». Другими словами, смысл этого тропаря можно изложить следующим образом. Любовь – есть естество добродетели, ее сущность. Варлаам в такой добродетельной любви соединился с отцом Трифоном, и придя ему на помощь, принял участие в духовном его изменении, исправлении, подвиге. Оказавшись с ним в открытом пустынном море, силой той любви помог

200 Житие прп. Трифона. С. 111.

Трифону очиститься от всего, что еще было унаследовано в душе от прошлой жизни.

Вряд ли в судьбе двух великих святых мог быть иной повод для столь важного, совместного морского плавания, чем то вынужденное прощание с Печенгой весной 1549 года. И, конечно, такое тесное молитвенное общение, неизбежное во время их совместного нахождения в карбасе и путешествия из Печенги в Кандалакшу в течение, как минимум, двадцати дней, явилось для Трифона чудесной и благодатной возможностью укрепиться и возрасти в духе.

В нынешней редакции Жития преподобного Трифона, к сожалению, мы ясно видим очевидную утрату понимания всей непомерной величины подвига, совершенного Печенгским подвижником с 1549 по 1589 год. Сорок лет потребовалось Трифону для того, чтобы *«молитвами непрестанными, и пением, и бдением»*, этих *«лукавых людей, хотевших»* его *«смерти предати»*, которые были *«зле неукратимы, яко дикие звери»*, суметь в час страшного испытания *«Христу чистыми представить»*. Трифон Печенгский (равно, как и Варлаам и Феодорит), 450 лет назад созидали для нас, ныне живущих на Крайнем Севере, тот самый Собор Кольских Святых, что предстоит теперь у Престола Божия и молится за всех православных христиан Мурманской епархии в сии последние времена.

В Житии факт смиренного и мученического исповедания веры учениками Трифона в декабре 1589 года оценивается совсем в ином духе, в сугубо «земном» аспекте, и вовсе не воспринимается как свершившееся исполнение Божественного пророчества святого отца-начальника Печенгской обители.

Автор сетует «горек плач сотворши», что «острием меча умроша» 116 «монахов и бельцов», но тут же утешает читателя, что те, кто в этот момент были «во отшествеи и службах, молитвами преподобного все спаслись». Думается, что все как раз наоборот, – «молитвами преподобного спаслись» те «51 человек иероиноков, иеродиаконов, иноков, да 65 человек слуг и служебников работных», что «острием меча умроша». Те же, что не сподобились венца мученического, и обосновались «близь града, за рекою Колою» в Ново-Печенгском монастыре, судя по сохранившимся историческим свидетельствам, вряд ли могут служить нам благочестивым примером честного служения Господу и исполнения заветов преподобного Трифона.

МОРСКОЙ ПУТЬ СВЯТОСТИ

Итак, два великих Северных старца шли морем вокрут всего Кольского Севера, огибая громадную территорию Великой Лапландии, что лишь спустя четыреста пятьдесят лет станет называться Мурманской епархией Московского Патриархата. Варлаам и Трифон прошли всё ее морское побережье, соединив морем крайние ее точки: Печенгский и Кандалакшский монастыри. Как мы уже упоминали, согласно Житию, вместе с Трифоном из монастыря ушли «некоторые от братий». Кроме Варлаама, надо полагать, это были его неизменный спутник и сопослужник иеромонах Иона и, возможно, послушник Герман.

Напомним, эти святые Кольского Севера держат путь к своему учителю и духовному отцу – великому Феодориту Кольскому. Этот удивительный морской поход очевидным образом в своей первопричине имеет некую глубокую

мистическую основу. И, несомненно, центральной фигурой здесь выступает Варлаам Керетский, исполнивший благословение преподобного Феодорита. Совершение им беспримерного трехлетнего подвига сделало возможным в дальнейшем и реально повлиять на ситуацию в Печенгском монастыре, и совершить это, имеющее глубокое духовное значение, путешествие вокруг Кольского Севера.

«Канон Варлааму...» доносит до нас подробности этого путешествия, которому морская стихия всячески содействовала: *«Море убо на плещу [на плече] своєю тебе носяще из Печенги, влеком [увлекая] корабли своими струями, от ядовитых червей тобой очищенными»*. Но наиболее значимым событием, произошедшим в ходе этого плавания и имеющим исключительное значение для истории древнего Кольского края, явилось продолжение той духовной брани, что столь нешуточно вел здесь Варлаам с силами князя тьмы. *«Видя по тоням телеса мертвых, восстающих бесовским действием, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши»*. В свой последний морской «путь», что совершил за три года Варлаам, он совершает еще один удивительный подвиг. Силою Господа Иисуса Христа он запрещает отныне восставать мертвецам, тем, что издревле наводили страх на рыбаков-поморов, промышляющих на этих многочисленных тонях вдоль побережья Кольского полуострова.

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

«Всю Поморскую страну лопская тьма омрачала, все поморския люди в темноте воздуха густого лопской прелести пребывали»²⁰¹.

201 «Слово историческое...» Л. 299.

Каждый, кто изучал лопарские предания и хоть немного знаком с духовной ситуацией на Крайнем Севере, в Лапландии, знает, сколь остро стоял у коренного населения края вопрос с упокоением усопших. Несть числа бесчисленным рассказам о ночных визитах умерших односельчан. И тем страшнее была угроза, серьезнее опасность, исходящая от такого «покойника» (а точнее – «неупокоенника»), чем большим колдовским искусством владел при жизни усопший.

Ситуация в Лапландии крайне усложнялась тем, что, в отличие от иных малых языческих народностей, имеющих лишь родовое, потомственное жречество в лице деревенского шамана, лопари **все** являлись колдунами (нойдами). Можно сказать, что лопарь – это колдун по определению, и это хорошо знали не только на Руси, но и во всей средневековой Европе²⁰². Лопарь не состоялся как житель Лапландии, если он не стал нойдой. Нойды непременно получали «духов помощников» в наследство от предков своей семьи, и повседневно и буднично общались с духами нечистыми, или бесами.

Подчас наиболее умелыми («знающими») нойдами были лопарские женщины. «На Севере везде боятся лапландских женщин, как ведьм, в распоряжении которых состоит сам злой дух, обязанный повиноваться их воле»²⁰³. «Колдуна в гроб кладут ничком: если этого не соблюсти, он будет вставать из могилы и пугать людей: «придет, станет таскать и своих и чужих»²⁰⁴. В лопарских преданиях

202 «Ни один народ не занимается столько волшебством и чародейством, как лопари». С. М. Середонин. Сочинения Дж. Флетчера. СПб., 1891. С. 140.

203 Диксон В. Швейцарцы. Приложение в 6-и главах / Свободная Россия. СПб., 1872. С. 355.

204 Козьмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 338.

сохранилось немало рассказов, повествующих о нойдах-покойниках, восстающих из могил, нападающих на живых людей и могущих даже убить человека²⁰⁵.

У лопарей, а в еще большей степени у их предков, – народа, населявшего Крайний Север многие тысячелетия назад, была разработана целая система магических приемов противодействия ночным приходам покойников – этим жутким последствиям поголовной приверженности служению силам тьмы. Издревле наиболее действенной мерой по недопущению этих явлений, кроме создания лабиринтов («вавилонов»), было захоронение таких покойников «за водой»²⁰⁶. Водная преграда, в отличие от сухопутной пустыни, считалась непреодолимым препятствием на пути восставшего усопшего колдуна, равно как и иных духов нечистых. Ведь не случайно Господь указывал, что «когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя» (Лк. 11, 25).

Так, например, для пранаселения Кольского полуострова, остатком которого ныне признаются сколт-саамы (восточные, «русские» лопари), таким древним величайшим некрополем «за водой» служил Соловецкий архипелаг²⁰⁷. «Археологи не нашли на Соловецких островах ни одного поселения, несмотря на обилие культовых памят-

205 См. об этом. Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890. С. 233–234.

206 Об этих приемах захоронения колдуна-нойды «за водой» (за рекой, на островах), и неперменного выкладывания каменного лабиринта над ним, хорошо известно и нынешним лопарям Кольского полуострова, например, поселков Ревды и Ловозера.

207 «На одном лишь Заяцком острове Соловецкого архипелага имеется 19 лабиринтов... всего зафиксировано около 800 мегалитических сооружений». Скворцов А. П. Сколько памятников на Соловках // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 290.

ников. Из 45 лабиринтов, известных на Севере Европы, 29 находятся на Соловецких островах»²⁰⁸.

Что касается этих каменных «ловушек» – лабиринтов, то они служили для «запутывания» неупокоенных душ служителей «князя тьмы»²⁰⁹. Общеизвестная близость воды, водной преграды хотя бы с одной стороны таких «вавилонов», способствует лучшему выполнению задачи этих каменных «ловушек».

Эта тема неизбежно грозит вовлечь нас в необходимость глубокого осмысления древнейшей истории Крайнего Севера и культуры магических цивилизаций. Поскольку, конечно же, Соловецкий некрополь, созданный в III тысячелетии до Р. Х. и активно использовавшийся вплоть до I тысячелетия до Р. Х., предполагает существование на Крайнем Севере Европы достаточно могущественной и дееспособной древней человеческой культуры. Однако этим замечанием мы до времени ограничимся.

В памяти лопарского народа многочисленные истории столкновений человека с явлениями «нечистой силы» со временем наложились на не менее частые случаи разбойных вторжений в Лапландию соседних народов («чуди»²¹⁰). Таким образом, в лопарских преданиях, а в дальнейшем и в поморской духовной культуре все, враждебное человеку, противостоящее добру и несущее опасность, получило название – «чуди».

208 Лукьянченко Т. В. Вопросы этногенеза этнической истории саамов // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 212.

209 «Каменные лабиринты соловецких святилищ – символы потустороннего мира, в которых запутываются души умерших. Здесь же в жертву приносились животные и птицы». Мартынов А. Я. О некоторых проблемах соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 272.

210 «Cude – враг». Островский Д. Н. Путеводитель по Северу России. СПб., 1898. С. 86.

У поморов еще в конце XIX века можно было услышать древнюю молитву-заклятие против сил зла, которую произносили лицом на Север, крестя воздушное пространство: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, чудь некрещеная, **схоронись в камень**, размечись по низовью, не от меня грешного, а от Креста Христова: не я крещу – Господь крестит; не я гоню – Господь гонит. Молитвенники Соловецкие Зосима и Савватий – наши заступники, и Трифон Печенгский – предстатель и заступник, и Варлаам Керетский – наша надежда: во веки веков. Аминь»²¹¹.

О ВЫСОКОМ БОГОСЛОВИИ

Можно предвидеть скептическую реакцию отдельных читателей, которые в наш век торжества человеческого разума и триумфа научно-технического прогресса, сочтут все эти рассказы о восстающих покойниках и заклетах наивными порождениями темных Соловецких монахов XVII века. Не желая таким скептикам самим как-нибудь вплотную столкнуться с подобными враждебными явлениями из мира потустороннего, дабы не повредился их «просвещенный» ум, вновь обратимся к тексту «Канона».

«Видя по тоням телеса мертвых, восстающих бесовским действием, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши». То есть преподобный Варлаам и его спутники по ходу своего плавания останавливались по рыбацким тоням²¹², где Именем Господним совершали специальное «Последование молитвенное над местом

211 Немирович -Данченко В. И. Страна холода. СПб., М., 1887. С. 203.

212 Тоня – место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

очародеянным, и оплазняемым [подвергающимся воздействию злых духов] от злых мечтов [от чарований, наваждений]»²¹³.

«Да взыграют весело со мною и острова и берега, иже попечением чуднаго плователя, лодьей святаго Варлаама освятились, и теперь уже не страшилищами лопскими шумяще, но крестными вооружены знаменьями, и молитвенными осенениями даруя мир и спасение всем там обитающим, и мимо грядущим благовествующее»²¹⁴.

Наши подвижники соборным служением, установкой поклонных крестов и силою Господа нашего Иисуса Христа укрощали, наконец, тяжкую власть «князя тьмы», испокон веку безраздельно правящего на этих северных берегах. Повелевали «отбегнуть и отступить от мест сих всем лукавым дьявольским чародеяниям и волшебным действиям», и да «запретит вам, силам бесовским, перст Божий» творить сии «ночные страхования», дабы не тревожить *«тела мертвых»* и *«уснуть всем сим до Христова второго пришествия»*. И далее автор «Канона» добавляет важное пояснение: *«да не бессмертно пребудет злое, якоже рече иже богословию тезоименитый Григорие»*.

«Богословию тезоименитый Григорие» – это великий «вселенский учитель и святитель» Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, один из «Трех Святителей» Православной Церкви и яркий представитель богословия Александрийской школы. Величайшей заслугой святых отцов этой школы явилось переложение библейско-церковной догмы на ясный язык современных им философских понятий. Это позволило отстоять строгую

213 Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. С. 193.

214 «Слово историческое...» Л. 308.

точность формулировок православного вероисповедания в борьбе с многочисленными еретическими уклонениями того времени.

Святитель Григорий Богослов, равно как и его друг, святитель Григорий Нисский, особое внимание уделял проблеме существования зла в эсхатологической перспективе²¹⁵. Именно этой стороны их богословия и касается архимандрит Сергей (Шелонин) в приведенной строке «Канона».

Уясняя смысл этого упоминания, можно подумать, что автор приводит нам ту часть богословского наследия отцов-каппадокийцев²¹⁶, которая как раз была взята под сомнение всей Церковной Полнотой. Речь идет о так называемом апокатастасисе (ἀποκατάσις), или всеобщем восстановлении и уничтожении зла после Страшного Суда. «Любовь Божия пошлет грешной твари спасительные страдания в очистительном огне. По истечении весьма долгого времени этими страданиями будут очищены все грешники и сам инициатор греха – дьявол»²¹⁷.

Но в действительности Сергей (Шелонин) апеллирует к иному аспекту богословия отцов-каппадокийцев, кратко выраженному святителем Григорием Богословом в его известном изречении: «То спасается, что соединяется с Богом»²¹⁸.

215 Эсхатология – учение о последних вещах: о конце мира, о воскресении мертвых, о Страшном суде.

216 «Отцы-каппадокийцы» – Вселенские богословы свтв. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский получили такое наименование по месту своего рождения и служения в Каппадокии (область на территории нынешней Турции).

217 Попов И. В. Труды по патрологии. Святые отцы II–IV века. Сергиев Посад, 2004. Т. 1. С. 216. «Апокатастасис по существу противоречит концепции свободы. Согласно православной точки зрения, поскольку существует свобода, постольку неизбежен и ад для тех, кто не хочет идти на небеса». Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001. С. 206.

218 Цит. по Флоровский Георгий, протоиерей. Воскресение жизни / Догмат и История. М., 1998. С. 240.

Милосердный Господь предоставляет каждому возможность этой спасительной встречи, дабы познать Истинного Бога. Одним из величайших деяний Христа, претерпевшего Крестную смерть, явилась проповедь Евангелия в аду душам тех, кто почил до явления в мир Спасителя и даже в глубокой древности. Это известное событие Великой Субботы – Сошествие Господа во ад, в ветхозаветный «Шеол», где, по свидетельству апостола, Христос «находящимся в темнице духам, сошед, проповедовал, некогда непокорным» (1 Пет. 3, 19; 20).

В упомянутом тропаре «Канона» речь идет о судьбе непокоенных, в той самой «темнице», в «мире загробном», мятежных душ магов и чародеев, обитавших на этих берегах с незапамятных времен и до сих времен вынужденных неприкаянно маяться в этих неприветливых местах по воле некогда столь любезных им «друзей» – бесов.

И мы не можем сказать, что Господь несправедлив, оставая такие души без упокоения, ибо в этой ситуации реализуется свободная воля человека, который теперь, покинув свое брренное тело, в полной мере может «насладиться» всей «радостью» общения с этими жуткими «друзьями». Когда душа такого недавнего «повелителя духов» оказывается в полной их власти, они быстро объясняют, кто теперь хозяин и в чем состоит весь непомерный ужас этой власти.

Все дело в том, что, пребывая в течение земной жизни в своем материальном теле, человек находится в нем как бы в «скафандре» и не испытывает непосредственного воздействия этих мерзких существ, и потому столь легкомысленно, смело входит с ними в «дружеские» отношения. С их услужливой помощью такой наивный гордец

быстро приобретает новые духовные силы, раздувается от собственной значимости, от тех возможностей, что дают ему эти коварные падшие твари. Он теперь надменно глядит на окружающих, ибо отныне он может, как это говорят в народе, «сделать» человеку: другими словами, напустить болезнь, «приворожить», «заговорить», «известить» и так далее и тому подобное, в зависимости от мастерства и силы того беса, с которым связался такой «чародей». В дальнейшем эта кошмарная зараза передается из поколения в поколение, неумолимо приводя к физической и духовной деградации потомков всего рода этого колдуна.

Итак, самое печальное ждет такого человека после того, как душа его весьма мучительно расстанется со своим грешным телом. Ранее, в предыдущей главе, мы уже разбирали всю остроту проблемы упокоения тел и душ умерших, что существовала у древнего коренного населения Кольского края, проблема, которая, увы, в значительной степени наследовалась и поморами.

Автор «Канона», говоря о том, что Кольские святые отцы решили эту проблему, имеет в виду силу их молитв, которая позволила преодолеть власть бесовскую, удерживающую души древних обитателей края. Преподобный Варлаам со своими спутниками повелевает *«уснути им до Христова второго пришествия»*, то есть покинуть эти земные берега и уйти, наконец, в мир загробный, где и должны находиться души «всех от века почивших». Именно в этом смысле автор вспоминает богословие святителя Григория и говорит о прекращении действия сил зла: *«да не бессмертно пребудет злое, якоже рече иже богословию тезоименитый Григорие»*.

СОБОР КОЛЬСКИХ СВЯТЫХ

Итак, если наши предположения верны, то в 1549 году «в Кандалошской губе на усть реки Нивы на наволоке»²¹⁹ состоялся этот уникальный Собор Кольских святых. К великому старцу Феодориту Кольскому прибыли в гости все его духовные чада. На знаменитой «Варлаамьевой лодье», в Рождества-Богородичный Кандалакшский монастырь, кроме самого Варлаама Керетского, прибыли Трифон Печенгский, Иона Печенгский и Герман Печенгский.

В этом событии можно увидеть не только некий итог, но и апогей того удивительного и яркого явления православной старческой святости как высшего расцвета христианской духовности на Русском Крайнем Севере. Ни раньше не помнит история этих земель подобного сонма святых имен, ни позже не возгорелись здесь столь яркие светильники веры.

Так чудно собравшиеся вместе, великие подвижники этой некогда дикой Великой Лапландии, к тому времени в полной мере являли собой как вполне состоявшихся, умудренных годами и убеленных сединами старцев, так и подвижников, находящихся еще в достаточной крепости духовной и силе телесной.

Каждому из них предстояло еще много потрудиться на ниве Христовой, ибо каждого из них Господь награждал удивительным долголетием.

Преподобный Феодорит Кольский проживет еще 22 года. Испытает скорбь несправедного гонения и тяготы незаслуженного осуждения в ссылку. Достигнет славы и почета как «премудрый» богослов, отстоявший высоту

219 Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин. С. 459.

российского вероисповедания перед гордыми²²⁰ греческими иерархами. Сподобится почестей и великих милостей царских за успешное выполнение знаменитой «Константинопольской миссии» 1557 года. И до конца дней своих, духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в возрасте 90 лет.

Преподобный Трифон Печенгский проживет еще 34 года. После встречи в Кандалакше, он на восемь лет уйдет странствовать по монастырям и пустыням. Он будет приглядываться, как решают отцы-настоятели заволжских монастырей непростую задачу «духовной переплавки» нового монашества силою святости духоносных старцев, как устраивают они монашескую жизнь в изменившихся условиях. Печенгский старец вернется в обитель в 1557 году, уже получив столь «вожделенную» для братии царскую жалованную грамоту. Он примет на себя тяжкий крест духовного окормления монастыря «нового типа», и до конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить гибели душ иноческих. Скончается Трифон в возрасте 94 лет, исполненный благодатной уверенности, что сделал все для того, чтобы братию свою монастырскую «Христу чистыми представить»²²¹.

Преподобномученики Иона и Герман Печенгские – до их мученической кончины в декабре 1589 года еще целых сорок лет жизни. Преподобномученик Иона Печенгский явит всем нам удивительный пример великой мудрости, и смирения, и послушания. Пятьдесят лет этот иннок-

220 Слышно только, что греки говорят: «Не Руси учить нас вере». Митр. Макарий. Кн. 6.С. 562.

221 Канон прп. Трифону. Л. 95 об.

священник будет пребывать в послушании у своего духовного отца – простого монаха Трифона. Великая тайна священнобесмолвствующих объединит их в Святом Духе, соединит их сердца в едином устремлении «туда, где нет смерти, ни тьмы, но вечный свет, где день един паче тысяч»²²². Священноинок Иона Печенгский вместе с послушником Германом Печенгским и после кончины преподобного Трифона не оставят своего послушания и продолжат служение при могиле святого старца, где и примут мученическую кончину во время Литургии в Успенской церкви, в «отходной пустыни» у Трифонова ручья.

Преподобный Варлаам Керетский после этой встречи окончательно завершит свои морские скитания и вернется в Керетские пределы, в пустынь в Чупской губе, где сначала поселится на острове у могилы своей матушки, а затем уйдет еще дальше от Керети, до самой смерти подвизаясь в подвигах поста и молитвы. По преданию, он «построит часовню, будет жить в пещере со зверями». Он проживет дольше всех и, как говорили в Керети «будто бы до ста лет»²²³.

222 Из предсмертных слов Трифона. См. Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч.2 . С. 113.

223 Жития святых, изложенные по руководству Четых Минеи Св. Димитрия Ростовского. М., 1908. Кн. 1. С. 291.

ГЛАВА VIII

ВЕК XVI. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

«ВО ВСЕЛЕННУЮ»

Коротко коснемся событий Российской Церковной истории, которыми открылась вторая половина XVI века. Событий, которые оказали значительное влияние на судьбы наших героев. И если преподобный Варлаам, удалившийся в пустыню, сумел счастливо избежать сего «водворота мира», то иным Кольским отцам-пустынникам в полной мере пришлось стать их участниками.

В июле 1551 года давний друг Феодорита по пустыни в Белозерье, старец Артемий, стойкий «нестяжатель» и подвижник высокой духовности, был призван царем Иоанном Грозным из Комельского Введенского монастыря, где с 1548 года он был на игуменстве, и царским повелением поставлен во игумены Троице-Сергиевой обители²²⁴.

Мы уже касались того обстоятельства, что высшая государственная и церковная власть на Руси, видя духовное неблагополучие, охватившее монастыри, пыталась исправить положение, привлекая к руководству обителями старцев-«нестяжателей». Эта политика также совпадала с планами Иоанна Грозного еще при подготовке Стоглавого Собора, на котором он предполагал, опираясь на теорию

224 См. об этом: Карташов. С. 510–511; Костомаров Н. И. Русская история. Ростов, 1997. Т. 1. С. 440.

«нестяжательства», произвести секуляризацию монастырских земель²²⁵.

Такова была причина избрания игумена Артемия. Эти же планы побудили Грозного призвать и Феодорита в Москву из Кандалакши, поставив его начальствовать в крупном Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале с возведением в сан архимандрита²²⁶. Произошло это в начале 1551 года²²⁷. В это время «премудрый Артемий» имел наибольшее духовное влияние на Иоанна Грозного²²⁸.

Надо понимать так, что упомянутые наши старцы изначально были вызваны в Москву в январе 1551 года царским повелением, возвещающим о созыве Собора, что войдет в историю под именем Стоглавого. «Тут собрались все до одного святители Московской митрополии, с честными архимандритами, игуменами, духовными старцами, пустынноиками и множеством прочего духовенства»²²⁹. Так что, не исключено, что с Феодоритом на этом Соборе присутствовали Трифон, Иона и Герман Печенгские. Теоретически нельзя исключить и присутствие Варлаама Керетского.

Тяжкое духовное неблагополучие, поразившее к середине XVI века как церковную жизнь в целом, так и монастырскую в частности, поставило вопрос о принятии со-

225 См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. С. 71.

226 «Спасо-Евфимиев, в Суздале. Архимандриты: Феодорит Пустынный 1551–1554 гг.» (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 664).

227 Гладкий А. И. К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита) // ТОДРА. М., 1981. Т. 36. С. 240.

228 «Старец Артемий писал Ивану Грозному, что “святии отцы уставяют жити, яже по Великому Василию”, и советовал монарху изучать “со прилежанием всяким просветительную книгу Василия Великого”» (Калутин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 199).

229 Митр. Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 125–126.

ответствующих мер противодействия этому небывалому упадку. «Чтение царских вопросов, предложенных Стоглавому Собору, может произвести в душе самое тягостное впечатление о тогдашнем состоянии нашей Церкви и народа»²³⁰. Решения «Стоглава» в полной мере отвечали тому видению путей преодоления кризиса и уровню богословской объединенной мысли Церкви и государства, что уже сформировались в России. Были приняты строгие «организационные меры» и «предусмотрены суровые дисциплинарные воздействия на нарушителей» установленных Церковных норм и порядка. Другими словами, максимум внимания было уделено следствию, а не причине, внешнему, а не внутреннему. Потому и итог был весьма печален – догматизации обряда. Подлинно богословской оценки глубинных причин деградации церковной жизни и монашеской духовности сделано не было.

«Середину XVI века, по выражению известного публициста, культуролога и историка русской святости Г. П. Федотова, можно без преувеличения определить как «роковую грань» в жизни Древней Руси»²³¹. Сегодня Россия в полной мере прошла через ужасы закономерного итога той трагедии отступления, перехода за «роковую грань», отделившую нас от идеалов Святой Руси. С немалым трудом народ восстает из духовного небытия, и видится совершенно необходимым дать честную и принципиальную оценку произошедшему в XVI веке, дабы и в XXI веке не оказаться вновь на том пагубном пути и не услышать от Господа: «не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6; 67).

230 Митр. Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 130.

231 Малков Ю. Г. Русь Святая. М., 2002. С. 228.

«ЧЕРНЕЧЕСКИЕ РИЗЫ»

Думается, главного героя нашего повествования, пустынника Варлаама, все эти события, происходившие на «большой земле», непосредственно никак уже не касались.

К этому времени поп Василий уже ответил с замирающим сердцем на вопрос из «Последования ангельского образа», заставляющий трепетать каждого, кто сподобляется монашеского пострига: «Потерпиши ли всякую скорбь и тесноту монашеского жития, Царствия ради Небесного»? Ответив священнику утвердительно: «Ей, Богу содействующу, честный отче», услышал, наконец, Василий, заветное: «Брат наш Варлаам постригает власы главы своя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

В «Каноне» никак не раскрывается этот момент из жизни Варлаама. Автор ограничивается лишь констатацией его примерного и образцового для всех иноков, равноангельского жития: *«Да воспою Божественное твое житие, и возглаголю достойной добродетели твоей, еже на земли Христа ради совершил еси, столп бо явися и правило светло инокам, равно ангелам, стяжав житие».*

Ранее мы высказывали предположение, что постриг Варлаама по благословию старца Феодорита, скорее всего, мог быть совершен в Печенгском монастыре святым иеромонахом Ионой Печенгским. День пострига, если следовать канве выстроенных нами событий, возможно, состоялся той памятной осенью 1548 года, в день празднования памяти преподобного Варлаама Хутынского – 6/19 ноября. Восприемником при постриге, «который взял на себя обязательство научить новопостриженного

монашеской жизни»²³², мог выступить преподобный Трифон Печенгский.

«Пострижение преподобного Варлаама в чернеческие ризы» – такое надписание имелось на седьмом житийном клейме иконы преподобного Варлаама, стоявшей при раке со святыми мощами, что в Свято-Георгиевской церкви села Кереть. Свидетельство о той иконе оставил нам в своем донесении от 1816 года сельский священник Никита Ануфриев²³³.

ПУСТЫНЬ УПОКОЕНИЯ

Как повествует Житие, Варлаам «вскоре оставляет мир и бывает инок, и в пустыню вселился, и Божию помощью бесовские полки победив, с миром ко Господу отошел в Чупской губе». «По Чупе-губе поднялся в леса дремучие, построил часовню и жил там со зверями»²³⁴.

Новопостриженный вскоре после пострига в полной мере и в совершенном виде воплотил столь любезную его духовным наставникам идею пустынножительства. Уместно будет здесь вспомнить слова Печенгского старца преподобного Трифона, изложенные в его предсмертном завещании, где он призывает всех своих духовных чад всячески уклоняться от суеты «вселенной», от греховных бурь мира сего: «любимицы мои, не любите мира, и того, что в мире, сами бо ведаете, сколь окаянен мир сей, яко море неверен, мятежен, пропастен [затруднен] пакостью нечестивых духов, ветрами волнуется губительными,

232 Цыпин Владислав, протоиерей. Курс Церковного права. Клин, 2002. С. 245.

233 Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп.2т2, д.1004, л. 10а.

234 Северная Россия / Живописная Россия. СПб. – М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

лжами [от слова «лож»] горек, наветами дьявольскими сотрясается и пенится, грехами свирепствует и смущает, всюду плачи, пагубы свои простирает, и, наконец, все смертью осуждает»²³⁵.

Местом пустынного подвига преподобного Варлаама, согласно всем свидетельствам, названа Чупская губа. Как повествовали устные рассказы Керетских жителей, «похоронив останки своей жены, преподобный Варлаам поселился на одном из островов Чупской губы, где еще и доселе крестьяне указывают одну ветхую избушку, в которой по преданию он жил»²³⁶.

Непосредственно в самой Чупской губе подходящих островов вовсе не много. Единственным островом, пригодным для жизни, является остров Олений, (по местному – «Оленчик»), рядом с которым на берегу губы находится ныне поселок Чкаловский. Иные же острова в изобилии «запирают» подходы с моря к самой Чупской губе²³⁷.

Пока существовало село Кереть, среди жителей бытовал рассказ о том, что в начале своего монашеского пути Варлаам подвизался близ родной Керети в пустынном

235 Житие прп. Трифона. С. 113.

236 Мелетиев Василий, священник. Керетский приход // Архангельские епархиальные ведомости. №11. 1896. С. 184. Уже в 1875 году можно было встретить насчет места, где подвизался Варлаам, самые невероятные предположения: «Не та ли это «Иванкова пустынь», находящаяся при Кондалашской морской губе, в которой отшельником жил преподобный священноинок». Иванов П. К истории христианства на Севере России. Прп. Варлаам Керетский // Архангельские Губернские ведомости. 1875. № 32.

237 На сегодняшний день память о том, что это был за остров, к сожалению, утрачена. Все осложнено тем, что вокруг было множество мест скитских поселений староревов, и воспоминания о более поздних отшельниках наложились на память о Варлааме. По мнению знающих жителей этих мест, наиболее подходящим островом для уединенного жительство в то время Варлаамом мог быть выбран остров с названием Кереть, как имеющий источники пресной воды и достаточно изобильную растительность.

месте у озера, ныне называемом Варлаамовым (по иным источникам – «у озера Кереть»). Но вскоре он вынужден был «уйти дальше в глубь карельских болот». Причиной удаления подвижника в недоступные места указывалось то беспокойство, что причиняли Варлааму «часто приходившие сюда ягодицы, с мирскими песнями»²³⁸. «Беспокойство заставило подвижника оставить Кереть и удалиться к Чупской губе»²³⁹.

Возможно, эти подробности, верные по сути, искажены наслоением каких-то более поздних событий. Если мы доверяем «Канону», то текст его однозначно свидетельствует об избрании Варлаамом пустынных мест именно в Чупской губе, как для захоронения останков жены («*носиши мертвого яко жива, в пустыню в Чупу с собою*»), так и для дальнейших своих подвигов. По Канону, возвращаясь из Печенги, Варлаам также направляется именно в «*в пустыню в Чупу*», где в дальнейшем он «*яко звезда всесветлая, от пустыни воссияв чудес лучами*», исцелял «*обильно*» и «*прогонителем лукавых духов*» явился для всех, «*верно призывающих его*». И по Житию он «с миром ко Господу отошел в Чупской губе»²⁴⁰.

Что касается «частого прихода ягодиц с мирскими песнями», которые досаждали подвижнику, – это очень похоже на правду. По свидетельству нынешних жителей поселка Чкаловский, они и по сей день любят ходить сюда, на остров Олений, за ягодами.

238 Максимов. С. 161.

239 Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь – декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291.

240 Вполне вероятен и тот факт, что Варлаам так и не расстался со своей «наболевшей ношей» и, перебравшись к своему окончательному месту пустынножительства в Чупской губе, там же, у часовни, где подвизался, перезахоронил и останки.

Несомненно Варлаам претерпевал множество досад от своих односельчан, о чем свидетельствует и «Канон»: *«Кротостью, отче, наветы нося, терпя же и своих на тебя восстающих»*. Мы уже касались очевидной проблемы непонимания современниками, как Божия Промысла о тех событиях, что были попущены Господом Варлааму, так и очевидного величия совершенного им подвига. Это непонимание было унаследовано и всеми последующими поколениями редакторов и исследователей его Жития и закреплено в нынешней, известной всем «Повести о преподобном Варлааме Керецком, вкратце изложенной».

«ПОГОСТИШКО В ЧУПСКОЙ ГУБЕ»

В упомянутой выше «выписке с образа преподобного Варлаама Керецкого чудотворца и с чудес его», сделанной в Керетской церкви Святого Георгия Победоносца в 1816 году, восьмое житийное клеймо на иконе называлось: «Моление преподобного Варлаама у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть». Девятое клеймо – «Преставление Преподобного у часовни той, в Чупской губе»²⁴¹. То есть последнее место подвигов преподобного Варлаама, равно как и место его упокоения, находилось на весьма приличном расстоянии, «в двадцати верстах от села Кереть». Видится вполне справедливой догадка о том, что столь значительное удаление Варлаама от родных мест явилось следствием тех самых *«наветов»* и огорчений, претерпеваемых подвижником от *«своих на тебя восстающих»*.

241 Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

Если посмотреть на современную карту, в двадцати верстах от Керети, в глубине Чупской губы ныне находится поселок Чупа. Однако надо сразу оговориться: «теперешний поселок Чупа – новый, он не связан с древнейшей волосткой Чупой»²⁴². Современный поселок с названием Чупа возник в 1916 году, в связи со строительством Мурманской железной дороги. Во времена Варлаама здесь были «Керетцкой волости отхожие дворцы», то есть выселки, отдельные дворы людей, поселившихся в стороне от основного Керетского поселения. Впоследствии и, видимо, довольно скоро это место пришло в полное запустение: «Поселка в губе Чупе никакого нет»²⁴³.

Та «древнейшая волостка Чупа», скорее всего, находилась ближе к вершине Чупской губы, в районе устья ручья, в настоящее время носящего название Средний. Ясно, что это не историческое название: оно дано ручью недавно, так сказать, «на скорую руку». Составители жития преподобного Варлаама, изданного в 1908 году, видимо, имея какие-то нам не известные материалы, указывают на, якобы, «впадающую в Чупскую губу реку Чаваньгу (или Чеваньгу), вытекающую из Чупского (или Чуповского) озера»²⁴⁴. Но при этом местом нахождения Чупской губы указывают Терский берег Белого моря, что на Кольском полуострове, чем вносят в свое сообщение полную путаницу²⁴⁵. Если же отбросить эту последнюю неточность, можно предположить, что упомянутая

242 Копанев А. И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРА, М.-Л., 1961. Т. XVII. С. 532.

243 Лоция Белого моря 1913 года. Издание Главного Гидрографического Управления. П., 1915. С. 804.

244 Жития святых, изложенные по руководству Четых Миней Св. Димитрия Ростовского. М., 1908. Кн. 1. С. 291. Прим. 1.

245 Несуразности этого неведомого нам источника информации повторяет академик Голубинский Е. Е. в «Истории канонизации святых в Русской Церкви». М., 1903. С. 453. Прим. 1, при этом усугубляя их тем, что указывает даже координаты этого «Чупского или Чуповского озера» – «между 54–55 градусами долготы», хотя не сложно проверить, что эта долгота проходит где-то в районе Новой Земли.

«Чеваньга» и есть древнее название ручья, у которого расположилась «волостка Чупа в Чупской губе над ручьем».

Чудесным образом сохранилось документальное описание этого места пребывания Варлаама. Спустя 14 лет после возвращения Варлаама в Керетские пределы, была составлена опись этих мест. В Писцовой книге 1563 года сообщается, что «в Чупской губе над ручьем волостка Чупа, а в ней погост, на погосте часовня, а у нее дьячек»²⁴⁶. Мы не знаем, кто был этот упомянутый при часовне «дьячек». Возможно, это и есть Варлаам Керетский, но в таком случае это информация свидетельствует о лишении Варлаама священного сана²⁴⁷, и мы имеем удивительное историческое свидетельство о его жизни в Чупской губе в это время. Во всяком случае, из предания известно, что именно Варлаам «при Чупской губе поставил часовню»²⁴⁸.

«И в той губе, недалеко от берега избрав место, поставил себе келью малу, и вселился в нее, труждашеся в пустынных озлоблениях, глад и жажду и наготу терпяще, зверьми лютыми и бесовскими страшилищами устрашаем, и терпяще многажды от лопи, коя от зверей ничемже не разнится, приходящей и грозящей блаженному, да бежит от места сего, с тем же прещением и стрелы их, коими хотяху убить его. Он же, терпяще во бдении, и в молитвах, и славословиях день и ночь пребывая, в плаче и слезах, и содрогании сердечнем сотрясаясь по вся часы, во умилении и в страхе, и в памяти смертней»²⁴⁹.

246 Сотная с книг описи двинян Якимя Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть 1563, июня 11. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 443.

247 «Дьячок – иначе причетник, пономарь – низший церковный служитель». Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2004. С. 150.

248 Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь – декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291. Прим. 2.

249 «Слово историческое...». Л. 303 об.

Что касается Причащения Святых Тайн, то Варлаам вполне мог приходить для этого к иеромонаху Антонию, в Кереть, где «церковь великомученика Георгия, и другая церковь с трапезою Никола чудотворец. На погосте дворишко не тяглое, а в нем поп черной Антоней, да келья, а в ней живет пономарь Никита; на погосте же шесть келий не тяглых, а в них живут старицы убогие, питаются о мире»²⁵⁰.

Конечно же, такой светильник веры, возгоревший в Керетских пределах, не мог остаться незамеченным, как «не может укрыться город, стоящий на верху горы». (Мф. 5, 14). Богатейшие дары Святого Духа, что стяжал благодатный старец, – «дух премудрости и разума, дух пророчества и рассуждения, дух исцеления и действия сил», стали очевидны для многих «православных, близь живущих». И вот вскоре «начаша приходити к нему, приношаху нечто, от него пользующесея, вопрошаху о нечесом, недужнии прибегающе, да молитвами его здравие получали, печальнии притекающе да зрением святаго утешение принимали, все же обаче приходящие, припадали, да помолитса о них, и все его почитали великим угодником Божиим»²⁵¹.

Спустя еще 12 лет эти места вновь были «описаны» в «Поморских писцовых книгах 1575 года». «В волости Керети, что на реке Кереть» к тому времени служил уже белый «поп Микула, да черной пономарь старец Парфирей»²⁵².

250 Сотная с книг описи двинян Якима Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть 1563, июня 11. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442.

251 «Слово историческое...». Л. 304.

252 «Выпись» из писцовых книг Василья Агалина и подьячего Стефана Федорова на волость Кереть. Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 453.

Что же касается «погостишка Чупы в Чупской губе над ручьем», то дворов и людей там явно поубавилось, а про «часовню на погосте и дьячка» при ней уже не упоминается. Конечно, это не есть свидетельство их отсутствия вообще, – скорее, речь идет об общем запустении этих мест и, соответственно, о падении интереса к нему у сборщиков царских податей. Причина такой перемены в жизни края вскользь упоминается в том же документе: «а запустели те дворы от Босоргина правезу и от голоду»²⁵³.

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

Предание добавляет некоторые обстоятельства последних лет земной жизни подвижника. «Многа лета так пребывал здесь пустынный страдалец, и достиг старости глубокия, и уже день ото дня надеялся от уз телесных душею разрешитися и со Христом быти». Когда же почувствовал он, что близится окончание его жизненного пути, то затворился в келии и перестал выходить для разговора с теми, кто «приходил по обычаю к нему», и «при этом моляще, да не беспокоят боле его». Таким образом, последний период своей жизни он «смертным страхом принуждаяся, соблюдал себя и хранил от всякаго помышления смущеннаго, и от всякаго тонкаго прилога бесовскаго»²⁵⁴.

Это сообщение о строгом затворе, что возложил на себя старец в последний период жизни, проливает свет на еще одно важное обстоятельство. Господь сподобил Варлаама явить великую силу своей святости сразу после кончи-

253 «Басаргин правез» – опричный погром селений северо-западного Беломорья в 1568 году. Проведен отрядом Басарги Леонтьева; начальным поводом к погрому явился неправедный иск двинских богачей Бачуриных к жителям села Варзуги.

254 «Слово историческое...». Л. 304 об.

ны. Поскольку достаточно долго, как можно понять, уже никто не приходил к келии Варлаама, дабы не тревожить его, то факт кончины старца оставался весьма продолжительное время никому не ведомым, и «тело преподобного по исходе души пребывало лежащим в келии непогребенным». Мы видим, что Варлаам, по неизреченному Божию смотрению, в какой-то мере повторил те давние обстоятельства и разделил судьбу тела своей матушки, которое тоже так долго пребывало не захороненным.

«Когда же со временем Керетьския веси жителями явлена была кончина подвижника и обретено было тело его, то явилось оно благообразно, и смрадные вони по обычаю мертвых телес не имуще, и цело все и тления не причастно». Именно это явленное Господом чудо нетления тела Варлаама и побудило перенести святые останки подвижника в село Кереть, довольно далеко отстоящее места его кончины в Чупе: «сего ради в Керетьскую весь пренесено было тело, яко угодника Божия»²⁵⁵.

Таков взгляд старообрядческой редакции Жития на обстоятельства кончины Керетского подвижника, и надо признать его вполне справедливым. Предание однозначно свидетельствует о том, что «преставление Преподобного» случилось «у часовни той в Чупской губе»²⁵⁶, то есть Варлаам скончался на месте своего подвига, «в лесах, в Чупской губе». «Многострадальное и трудолюбное тело преподобного Варлаама принесено было в село Кереть и погребено здесь при церкви святого Георгия, за алтарем с восточной стороны»²⁵⁷.

255 «Слово историческое...». Л. 305.

256 Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп. 2т2, д. 1004, л. 10а.

257 Жития святых, изложенные по руководству Четых Минеи Св. Димитрия Ростов-

ВРЕМЯ КОНЧИНЫ

«Время кончины преподобного Варлаама точно не известно. С достаточной вероятностью можно сказать, что последовала она в конце XVI века. Предание прибавляет, что подвизался он будто бы около 100 лет»²⁵⁸. «Жил он в пещере со зверями дикими без малого сто годов, учил слову Божиему лопь и чудь белоглазую. Опосля и помер...»²⁵⁹

Казалось бы, все понятно. Однако в конце XIX века приходской священник села Кереть делает неожиданное сообщение: «Из жития преп. Варлаама Керетского видно, что Георгиевская церковь была и в 1664 году, так как в этом году к ней были перенесены из Чупской губы мощи преподобного»²⁶⁰. Такое утверждение вынуждает нас еще раз перечитать известные тексты жития XVII века, повествующие о тех событиях: «[Варлаам] с миром ко Господу отиде в Чупской губе. Оттоле же перенесено было святое тело его в Кереть, и погребено близ церкви святого великомученика Георгия с восточной стороны за алтарем». Как мы видим, год переноса мощей не указан. Единственный раз этот «1664 год» упомянут в Житии как год записи посмертных явлений и чудес святого, или дословно: «*Поведаний о чудесах преподобного Варлаама Керецкого чудотворца*»: «в лета 7172 [в 1664 году] поведал нам некий муж именем Петр Васильев, пореклом [по фамилии] Буторин...» И далее следует запись нескольких известных

ского. М., 1908. Кн. 1. С. 291.

258 Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь–декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 291. Прим. 2.

259 Северная Россия / Живописная Россия. СПб. – М., 1881. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

260 Мелетиев Василий, священник. Керетский приход // Архангельские епархиальные ведомости. №11. 1896. С. 181. (В дальнейшем ссылки на эту статью будут обозначаться: Мелетиев. Керетский приход. – Прим. ред.)

случаев явного заступничества Варлаама, свидетельств о его чудесах, которые собрал в течение жизни этот благочестивый помор.

Поэтому, действительно, как справедливо заметил Керетский священник, «из жития преп. Варлаама Керетского видно, что Георгиевская церковь была и в 1664 году»²⁶¹, но того, что «в этом году были перенесены из Чупской губы мощи преподобного», текстом Жития никак не подтверждается.

Не выдерживает исторической критики это утверждение и по иным причинам. В том же источнике читаем: «по смерти своей Варлаам дал заветное перенести свое тело в Кереть, что и было сделано в 1664 году одним христомлюбцем»²⁶². Все здесь верно, кроме указанного года. Как мы помним, «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чудотворцу» был составлен Сергием (Шелониным) примерно в первой половине XVI века. Значит, к этому времени уже было написано его житие. Почитание этого подвижника началось намного раньше. Поэтому, если бы в 1664 году действительно состоялись события перемещения тела, то в Керети, являющейся Соловецкой вотчиной, речь бы шла уже не просто о перезахоронении останков усопшего подвижника, а о переносе мощей местночтимого святого, что очень напоминало бы факт их обретения.

Однако подобные деяния не осуществлялись. Когда в 1725 году произошло официальное освидетельствование мощей, оказалось, что «обрели преподобного Варлаама не во гробе, но просто лежаща в поморской кережке, и она

261 Георгиевская церковь была уже и в 1563 году: «Церковь великомученик Георгий, на погосте дворышко не тяглое, а в нем поп черной Антоней». Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. С. 442.

262 Мелетиев. Керетский приход. С. 184.

де кережка вся изгнила»²⁶³. Это обстоятельство ясно свидетельствует о том, что «погребение близ церкви» было совершено много раньше, «в давние времена». Поскольку, если бы это было в 1664 году, то переносимые мощи, как и должно, были бы непременно переложены в новый гроб, могила же оборудована под склеп со сводом, дабы избежать повторного засыпания мощей землей.

Так что, действительно, перезахоронение останков к алтарю Георгиевской церкви было совершено вскоре после переноса тела из Чупской губы «неким христороубцем», и прямо в той кережке, на которой оно было доставлено на Керетский погост.

Житийные клейма на иконе преподобного Варлаама 1816 года это подтверждают, описывая именно такую последовательность упокоения тела подвижника.

«8–е клеймо: «Моление преподобного Варлаама у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть».

9–е клеймо: «Преставление Преподобного у часовни той в Чупской губе».

10–е клеймо: «По преставлении Преподобного поим тело его некто боголюбивый человек и принес в Кереть на погост».

11–е клеймо: «Погребение Преподобного в Керети **при церкви**»²⁶⁴. Мы видим, что мощи Преподобного не сразу были погребены у церкви и какое-то время находились на погосте. Причем столь значительное время, что этот факт и его важность особо подчеркнуты написанием отдельного житийного клейма. Почему же не сразу тело было за-

263 Голубинский. История канонизации. С. 452.

264 Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп.2т2, д.1004, л. 10а.

хоронено при церкви? Постараемся ответить на это чуть ниже.

Пока же коснемся некоторых подробностей этих перипетий, упоминающихся в одном из деревенских преданий: «Когда Варлаам умер, то к его келье пришел бедный мужик из Керети. Увидав отшельника мертвым, он вернулся в село и стал просить богатого мужика, чтобы тот дал лошадь, привезти тело святого в Кереть. Но богач не захотел гонять свою лошадь, и бедняк тогда сам притащил тело Варлаама из пустыньки в Кереть, уложив в кережку²⁶⁵. Тело преподобного он похоронил около церкви. Вскоре после этого с богатым мужиком стали случаться различные несчастья, и он совсем разорился. Бедный же мужик стал выправляться и вскоре разбогател»²⁶⁶.

Достоверность этого предания косвенно подтверждается тем фактом, что в те древние времена, действительно, существовали так называемые «рыбаки-кережники», то есть «безлошадники, промышляющие навагу удебным способом [лов на специально изготовленную леску] или убегамы [приспособление для лова на отмели] и имеющие кережу с собачьей упряжью»²⁶⁷.

Житийная поучительность рассказа налицо, что же касается приведенных обстоятельств перенесения, то мож-

265 Кережка или кережа – небольшие санки, выдолбленные из целого куска бревна. Лопари запрягают такую кережку для езды на олене. По малому снегу и по бездорожью в них можно волоком перевозить небольшие грузы. «И те де их кережки бобыли, не задерживая нималаго времени, нашу великого государя казну возят на себе кережами, бояся нашей великого государя опалы». АИ IV, 366, 1667 г. Словарь русского языка XI–XVII вв.

266 Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 190.

267 Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 69.

но уяснить еще и следующее. Во-первых, обнаружение нетленного тела подвижника в Чупской губе не вызвало всеобщего интереса керетчан, и «тело было принесено в Кереть неизвестным человеком»²⁶⁸. Во-вторых, в столь богатом селе к тому времени уже стало проблемой доставить тело усопшего на погост для захоронения.

Всему этому есть достаточно ясное историческое объяснение. Ко времени описываемых событий, к концу XVI века, Керетская волость, это некогда обширное и богатейшее поморское поселение, пришло в крайний упадок. В самих же Чупинских выселках, судя по всему, вообще никто уже не селился.

Такая печальная ситуация, наступившая на Поморье в 90-х годах XVI столетия, имеет вполне конкретную причину. «7098, Сентября в 7 день [в 1589 год], грех наших ради, приходили немецкие люди рекою Ковдою к морю на поморские места в волость Ковду, а из Ковды в волость Умбу, а из Умбы в **волость Кереть и в иные мелкие волости заморские**. И те волости повоевали, церкви и дворы пожгли и людей побили, и, воевав, пошли Кемью рекою вверх. А приходило тех немецких людей 700 человек»²⁶⁹.

«НЕМЕЦКИЕ ЛЮДИ»

Кто же были эти «немецкие люди», и откуда приходили они на Российское Поморье в тех страшно памятных 1589–91 годах. Речь идет о финнах, селившихся на северном побережье Ботнического залива и считавшихся подданными Шведского короля.

268 Максимов. С. 161.

269 Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 230.

За девяносто лет до упомянутых выше событий, в конце XV века, воеводы Великого князя Московского «повоевали семь рек», впадавших в Ботнический залив, и истребили 7000 человек, что расселились к тому времени на их берегах. Вспомним, что и разбойная юность Митрофана, будущего преподобного Трифона Печенгского, проходила именно в этих местах, в так называемой Остерботнии и Норботнии.

Эти края, впрочем, так же, как и русские поселения на Крайнем Севере, систематически подвергались нападениям и грабежам. Особенность положения финнов на этой территории состояла в том, что, являясь подданными шведской короны, они в то же время не имели какой-либо постоянной государственной военной защиты. Это объяснялось, с одной стороны, удаленностью данных районов от митрополии, с другой, – и это главное, – юридической незаконностью возникновения здесь укрепленных поселений шведских подданных. По так называемому Ореховскому мирному договору, заключенному еще в 1323 году между Швецией и Великим Новгородом, район северного побережья Ботнического залива был оставлен ничейным. «Ни мы, ни вы не должны сооружать укреплений, ни в Русии, ни в Карелии»²⁷⁰.

Положение русских поселений на Крайнем Севере было ничуть не лучше. Финны из Северной Ботнии регулярно появлялись на территории российских погостов и жестоко грабили их. Еще в 1537 году царь Иоанн IV писал шведскому королю Густаву I Вазе: «Наш начальник в Мурманской земле Василий Кокомин жаловался нам, что твои

270 Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 35.

поданные в Северной Ботнии сына его забили до смерти... И стали учинять нашим подданным великое насилие с грабежами и убийством... Равным образом жаловался нам игумен монастыря Святого Николая, у Печенги, близ Варгава, что твои подданные похвалялись, что убьют его и разрушат тот монастырь наш»²⁷¹.

Финские же источники по-своему комментируют ситуацию, сложившуюся в Северной Ботнии ко второй половине XVI столетия: «Бесконечные кровавые грабежи и бесчинства, творимые разбойным людом, приходящим с русской стороны, окончательно обескровили и привели в упадок финские поселения. Но постепенно стала выработываться некая система местной самообороны, и из среды поселенцев стали выдвигаться народные лидеры»²⁷².

Одним из таких «народных лидеров» стал некто Рекка Vesainen. Пекка Весайнен – историческая личность, весьма популярная в Финляндии. Он хорошо известен каждому финну как борец за независимость и национальный герой. Известно и его второе имя – Юхо (Juho), под которым он описан в посвященном ему романе известного финского историка Сантери Ивало²⁷³. Пекка родился около 1550 года и жил на хуторе Весала, недалеко от Оулу.

В 90-х годах XVI века Швеция уже не скрывала своих военных приготовлений к решительной перекройке границ с Россией и всячески поддерживала партизанские

271 Чумиков А. О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 году. Шведский список с Царской грамоты 1537 года//ЧОИДР. СПб., 1895. Т. 4. С. 6.

272 Aslak Outakoski. Pekka Vesainen/Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 40, 41 (Перевод О. Липиной).

273 Santeri Ivalo. Juho Vesainen. WS. Helsinki, 1894.

формирования в Остерботнии и Норботнии, которые совершали набеги на российское Беломорье. Отношение же к русским у финских поселенцев этих мест издавна характеризовалось особым понятием: «vanhanvihan» – застарелая злоба.

Весайнен возглавил это, по сути, разбойное войско с намерением жестоко мстить русским. Но он знал, что любые попытки серьезно досадить москвитам неизбежно приведут их рати сюда, в Финляндию, и их ответ будет кровавым. Потому претворение в жизнь плана своей мести он начал со строительства неприступного укрепления – крепости Оулу. Именно здесь, по его замыслу, смогут переждать страшный ответный удар «москвитов» его бойцы и жители окрестных селений²⁷⁴.

К началу 1589 года крепость Оулу была возведена. Не дожидаясь формирования регулярного шведского войска и объявления войны, Весайнен с весны 1589 года начал свои «личные» боевые действия – кровавые рейды на Белое море. Безднаказанно разоряя и грабя мирные поморские села, Пекка собрал и доставил в крепость Оулу большие богатства. Тактика его действий заключалась в неожиданном появлении, нанесении безжалостного удара и быстром возвращении в Оулу. Это было обусловлено постоянным ожиданием ответных шагов со стороны «москвитов». Соплеменники Весайнена были очень довольны и славил храброго Пекку – победителя «русского медведя».

274 Весайнен, несомненно, был талантливый предводитель. Все его предположения и расчеты подтвердились. Действительно, когда в январе 1592 года князь Григорий Волконский привел с собой 3000 воинов с 12 пушками и «повоевали в Камянских немцах пять волостей и около острогу волости Оулу. И под острогом стояли...» (Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 234). Как мы видим, острога же Оулу (крепости Оулу) – так и не взяли.

Король Юхан III за столь успешные «боевые действия» даже пригласил Весайнена в королевский дворец в Стокгольме для личной беседы и получения монаршей награды²⁷⁵.

В мае 1589 года «в ночи» был уничтожен Кандалакшский монастырь и вырезано 450 человек «монахов и бельцов». Можно представить, какой болью это известие отозвалось в сердцах братии Печенгской обители, в Кольском остроге. Надо ли напоминать, что Кандалакшский и Печенгский монастыри с момента основания их преподобными Феодоритом и Трифоном были неразрывно связаны между собой, являя единое духовное православное пространство на Крайнем Севере. Также и хозяйственная деятельность обителей, их промыслы, торговля были тесно переплетены. Преподобный Феодорит, например, в 70–е годы и до самой своей кончины, находясь в Кандалакшском монастыре, являлся одновременно и строителем Печенгского монастыря²⁷⁶.

Всего через три месяца после разорения Рождества–Богородичного Кандалакшского монастыря, финские разбойники отряда Весайнена, очевидно, воодушевленные поддержкой шведского короля, 7 сентября 1589 года вновь «перешли Лапландские горы и, опустошая все огнем и мечем, подошли к Белому морю»²⁷⁷. В этот раз враг спустился к Белому морю по реке Ковде и последовательно разорил волости Ковду, Умбу, Кереть, Кемь и иные мелкие поморские волости. «И те волости повоевали, церкви

275 Aslak Outakoski. Pekka Vesainen/Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 44. (Перевод О. Липиной)

276 См.: «Данная» 1569 года порьегубца Евсевия Букина Троицкому Печенгскому монастырю, «строителю Феодориту с братьею, на половину требов по реке Порье» (Белокуров С. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 65).

277 Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590-1591 гг.//Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1894. Кн. 3. С. 12.

и дворы пожгли и людей побили, и, воевав, ушли Кемью рекою вверх»²⁷⁸.

Вот кем были эти «немецкие люди», что разорили Кереть и уничтожили «Чупские выселки», вблизи которых подвизался в то время и где окончил свой земной путь преподобный Варлаам Керетский.

Завершая этот короткий рассказ о «немецких людях», обратим внимание на то, что, как упоминают финские источники, возвращение Весайнена после этого похода в Керетские пределы было «безрадостным». Пока он был занят убийствами и грабежами в незащитных поморских селах, с севера, по рекам Колокол (Iijoki) и Кеми (Kemijoki) спустились два отряда русских и жестоко воздали Весайнену за его злодеяния. Был уничтожен его хутор и сожжено более 100 домов, убиты многие его родственники, в том числе двое сыновей Весайнена²⁷⁹. Финское предание красочно описывает ярость Весайнена при этом возвращении и его клятвы о скорой личной мести врагам²⁸⁰.

Надо признать, месть эта ему удалась. В декабре 1589 года отряд Весайнена уничтожил Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский монастырь. Но на этом Господь положил предел злодеяниям Пекки, и «на обратном пути один из пленных русских убил Весайнена»²⁸¹.

278 Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 230.

279 Heikki Kirkinen. Karjala Taistelulentana. P-II, Helsinki, 1976. S. 180.

280 См.: Aslak Outakoski. Pekka Vesainen/Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952.

281 Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590-1591 гг./Смесь. ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 12. Финские источники указывают, что Пекку убил монах по кличке Ахма («росомаха» – фин.) и что произошло это у финского селения Tornio. Местечко Торнио находится значительно западнее Оулу. Это свидетельствует о страхе Весайнена перед возможным преследованием со стороны русских, который заставил его столь далеко на запад обходить границу.

В январе 1590 года начались официальные боевые действия со стороны Швеции, и регулярное войско вторглось в русское Беломорье, «причиняя неприятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая все, что можно»²⁸². И вновь Керетские пределы были преданы жестокому разорению.

Поэтому в то время, когда скончался Варлаам, Георгиевская церковь была сожжена вместе с селом, поэтому далеко не сразу и обнаружили кончину Преподобного, и «поим тело его некто боголюбивый человек и принес в Кереть **на погост**». По-видимому, деревенский погост–кладбище было единственным «процветающим» местом среди всеобщего пепелища и разорения.

Достаточно долгое время тело Варлаама не было захоронено, чему могло способствовать впечатляющее чудо нетления мощей подвижника: «благообразно, и смрадные вони по обычаю мертвых телес не имуще, и цело все и тлению совсем не причастно»²⁸³. Можно предположить, что эта деревенская святыня на погосте в какой-то мере заменяли сгоревшую церковь, и уцелевшие жители разоренного села приходили сюда, к телу усопшего подвижника, помолиться.

Указанное на иконном клейме «погребение Преподобного в Керети **при церкви**»²⁸⁴ состоялось лишь тогда, когда появилась сама церковь, вновь отстроенная соловецкими монахами и жителями села. Тело усопшего «положено было близ церкви святого великомученика Георгия со псалмы и песньми и с каждением по обычаю»²⁸⁵, ибо так и подобает сельскому батюшке, – быть упокоенным у

282 Из королевской инструкции предводителю похода. Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг./Смесь. ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 13.

283 «Слово историческое...». Л. 305.

284 Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп. 2г2, д. 1004, л. 10а.

285 «Слово историческое...» Л. 305.

Карта-схема районов боевых действий финнов при разорении русских поселений в 1589 году.

- 1 – Поход Вейзанена в мае—июне 1589 года
- 2 – Поход Вейзанена в сентябре 1589 года
- 3 – Поход Вейзанена в декабре 1589 года

алтаря церкви своего служения. Случилось это не ранее 1593 года, когда Георгиевская церковь, сожженная в 1589 году финскими разбойниками, была построена заново, «что видно из грамоты Новгородского митрополита Варлаама»²⁸⁶.

²⁸⁶ Мелетиев. Керетский приход, С. 181.

ГЛАВА IX

ЧУДЕСА

КОЛЬСКИЙ КРЕСТ

«Лета 7143 [в 1635 году] июня в 16 день поставлен сий крест на поклонение православным христианом, при Царе и Великом Государе Михаиле Феодоровиче». Такова надпись, вырезанная на древнем поклонном кресте, что находится ныне в Благовещенской церкви города Колы. «Это самый древний деревянный памятник на Кольской земле»²⁸⁷.

Крест этот еще на памяти нынешнего поколения стоял при Кольской дороге, и городское предание прочно увязывало историю его установки с именем преподобного Варлаама Керетского. До времен богоборческих крест стоял «при самом устье реки Колы, на восточном конце города, рядом с маленькой, ветхой деревянной часовней [часовня Всемиловитового Спаса²⁸⁸]. Часовня эта, по мнению местных старожилов, стоит здесь с незапамятных времен... Крест же раньше стоял выше по реке, и только будучи там сломан, переставлен на свое теперешнее место, хотя тоже в очень давние времена»²⁸⁹.

287 Ушаков И. Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 61.

288 Решением № 3 Президиума Мурманского окрисполкома от 13 марта 1931 г. часовня в с. Коле была закрыта, и здание передано Кольско-Лопарскому райисполкому. (ГАМО, ф. Р-162, оп.1, д. 472, лл.1-2).

289 Запись со слов Кольского священника, протоиерея Александра Попова. Фаусек В. Материалы к вопросу об отрицательном движении берега в Белом море и Мурманском берегу // Записки Русского географического общества. СПб., Т. XXV. № 1. 1891. С. 48.

**Древний поморский поклонный крест ,
что находится ныне в Благовещенской церкви города Колы**
«Лета 7143 [в 1635 году] июня в 16 день поставлен сий крест на поклонение православным христианом, при Царе и Великом Государе Михаиле Феодоровиче». Такова надпись, вырезанная на кресте. Крест этот еще на памяти нынешнего поколения стоял при Кольской дороге, и городское предание прочно увязывало историю его установки с именем преподобного Варлаама Керетского.

«Был некто от вельмож царских, после Литовской войны правя в Кольском остроге воеводскую власть при благоверном царе Михаиле Феодоровиче всея России. Имя же ему Гурий Иванович Вольтинцев. Впал он в болезнь духовную – черную немощь, и не знал уж, откуда ждать ему помощи. И явился ему святой Варлаам во образе иноческом, глаголя: «Не скорби, человеце, избавит тебя Бог от сей болезни». Воевода же начал вопрошать инок: «Кто еси ты, господин мой, и откуда»? Он же отвечал ему: «Аз есмь из Керети Варлаам». Вельможа очнулся от болезни, как ото сна, и стал всем рассказывать о бывшем ему видении, вопрошая: «Кто есть тот Варлаам»? Челядь воеводская ничего о Варлааме не знала, и тогда он отослал их расспросить о Варлааме жителей Колы. И поведали воеводе во граде живущие: «Был в давние лета такой муж, священствовал в Кольском остроге. После жил в Керети иноком, там и преставился». Тогда послал вельможа узнать, нет ли кого сейчас во граде Коле из Керети пришедших. И привели к воеводе жителя Керетской волости Василия Мухина, и вопрошали его о святом Варлааме, как и где положено честное тело его. Василий поведал подробно все, что знал о святом, и, что тело его, где упокоилось, там и почивает, и про то, что в небрежении пребывает ныне место сие. И стал воевода Гурий с тем Василием совещаться, как бы крест над могилой святого поставить и сень над ним сотворить. И что на это дело благое даст воевода Василию серебра. И придя в Кереть, исполнил Василий повеление воеводы, и соделал над могилой святого гробницу. Воевода же

Гурий по молитвам преподобного Варлаама избавился от духа нечистого»²⁹⁰.

В Житии Варлаама, изданном в 1908 году, касаясь возможного времени произошедшего чуда исцеления, указывается: «Здесь, вероятно, разумеется вторая Литовская война, окончившаяся в 1635 году»²⁹¹. Так же и профессор И. Ф. Ушаков указывает: «Неизвестно, об этом ли кресте идет речь в рассказе, но Г. И. Волынцев действительно в середине 30-х годов XVII века воеводствовал в Коле»²⁹².

Таким образом, очевидное совпадение времени установки креста в «лета 7143 [в 1635 году]», со временем воеводства Волынцева, объясняет устойчивое увязывание в народе этого «Кольского креста» с именем преподобного Варлаама Керетского. Крест этот мог быть установлен повелением исцеленного воеводы в Кольском остроге, там, где Варлаам *«Божьим судом был поставлен пресвитером в церкви Николы Чудотворца»*, «на поклонение православным христианам», помимо креста на самой могиле.

Однако связь Кольского креста с именем Кольского воеводы становится весьма сомнительной, если принять во внимание совсем иное мнение, высказанное позже тем же профессором И. Ф. Ушаковым, относительно времени воеводства в Коле упомянутого Г. И. Волынцева: «В 1615 году в Коле тяжело заболел воевода Гурий Иванович Волынцев...»²⁹³ Так же и в перечне Кольских воевод приводит

290 Здесь и далее по тексту курсивом выделены цитаты по источнику: «Повесть о преподобном Варлааме Керетском». Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 194. В основу цитаты положен текст XVII века, с некоторой адаптацией к современному звучанию слов.

291 Сказание о преподобном Варлааме // Жития русских святых. Сентябрь – декабрь. Оптина Пустынь. 1993. С. 292. Прим. 2.

292 Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, Т. 3. 1998. С. 249.

293 Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, Т. 2. 1998. С. 301.

дату правления Волынцева: «1614–1615 гг.»²⁹⁴, что вполне справедливо и соответствует упоминаниям времени его правления в исторических документах²⁹⁵.

Конечно, хорошим временным ориентиром для установления времени описанных событий служит упоминание в рассказе Литовская война. Также несомненно и то, что Первая Литовская война (1613–1615) более памятна на Русском Севере²⁹⁶, чем «Вторая» (1632–1635 года), мало коснувшаяся этих мест. Однако все это лишь косвенные доказательства. Так или иначе, но Кольский крест в народе по-прежнему называют «Варлаамовым».

Ныне эта святыня установлена «на поклонение православным христианом» в Благовещенской церкви города Колы.

«ЧАСОВНЯ НАД ГРОБОМ»

Как известно из документов истории, причиной, побудившей Церковь к освидетельствованию мощей Керетского подвижника, послужило явление в часовне над могилой «преподобнейшего Варлаама, которого почитали за святого издавна»²⁹⁷. Часовня, воздвигнутая над могилой святого, появилась далеко не сразу²⁹⁸. Строительство ее

294 Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 43.

295 «...за печатью Гурья Волынцева, что он Гурей в нынешнем во 123 году [1615]...» Жалованная несудимая грамота Кандалакшскому Богородицкому монастырю // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. С. 691.

296 «Шайка, состоявшая наполовину из черкас [запорожские казаки – и. М.], литовских людей и русских воров, в числе более 7000 человек, разбойничала на Севере». Костомаров Н. И. Русская история. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 82. «1614 год. ...и тамо русских людей множество жгли, и мучили, и побивали, и животы их грабили». Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 19.

297 Голубинский. История канонизации. С. 451.

298 В связи с этим, надо полагать ошибочным описание житийного клейма на иконе в Керетской церкви, сделанное в 1901 году иеромонахом Никодимом (Кононовым): «Погребение преподобного в часовне Керетской веси». См. Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения об их церковном почитании. СПб., 1901. С. 35. Верное и полное описание этой иконы было сделано в 1816 году. Правильное толкование сюжета клейма упоминалось нами выше, как: «Погребение Преподобного в Керети при церкви».

явилось итогом немало времени и тех многочисленных случаев чудесной помощи, что получали от Варлаама попавшие в беду поморские мореплаватели.

Итак, еще раз проследим последовательность событий. Варлаам преставился «у часовни в Чупской губе за Керетью в двадцати верстах от села Кереть».

Мы помним, что тело Варлаама было доставлено на керержке, «поскольку богач не захотел гонять свою лошадь». То есть время года было таким, когда можно было еще проехать в Чупу на лошади и в то же время протаскать по снегу санки-керержки. На Севере этим условиям наиболее отвечает время поздней осени.

В этой связи вспоминается, что Церковь усваивает Преподобному следующие дни совершения его памяти: 6 ноября (день пострига) и 15 января (день обретения мощей в 1725 году). Кроме этих дат в древних текстах иконописных подлинников указан еще один день памяти – 7 ноября²⁹⁹. Надо полагать, это и есть дата кончины преподобного Варлаама Керетского. И не исключено, что усопшему подвижнику и упомянутому в предании «некоему боголюбивому человеку» пришлось дожидаться снега. Когда же тело усопшего было доставлено на деревенский погост, то, как мы оговаривали ранее, оно оставалось достаточно продолжительное время «на погосте», и вполне может быть, что там, на погосте, оно вовсе и не захоранивалось до времени переноса к алтарю Свято-Георгиевской церкви³⁰⁰.

299 ИРАИ, колл. Перетца, № 524, л. 82 об., и БАН, собр. Дружинина, № 975. л. 29.

300 «В зимнее время они (русские) не хоронят покойников, а ставят их в доме, выстро-енном за городом, который называют божедом, до наступления весны». Флетчер Джильс. О государстве Российском / Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 137.

Когда же появилась возможность – была заново построена Георгиевская церковь – было произведено захоронение останков Преподобного у ее алтаря, что, конечно, завершилось установкой могильного креста. И вот, *«по некоем времени восхотел Бог явить труды Своего угодника преподобного Варлаама»*. Житие повествует о самом первом из засвидетельствованных в начале XVI века чудес преподобного Варлаама: *«Некий купец, Евфимий каргополец, плывущий в море в лодье, и от зельного [сильного] обуревания стал уже потопаящим, вместе со всеми безнадежно плачущими о погубе- ли своей. Тогда предстал пред ними святой и от смерти неминуемой избавил, и при том о себе поведал – кто им явился»*.

Евфимий и все суице с ним, увидев таковую преслав- ную помощь от преподобного, поехали в Кереть. И, придя туда, поведали всем, как молитвами Варлаама Керетс- кого избавил их Бог от потопления морского. И повелел Евфимий от имени своего поставить сень над могилой святого и свечу перед святителевым³⁰¹ образом возжи- гать». Таким образом, вскоре, *«по некоем времени»*, *«над могилой святого»* Варлаама, кроме креста, была постав- лена первая сень.

Однако мы помним, что в 1615 году *«житель Керетс- кой волости Василий Мухин»* поведал исцеленному Кольскому воеводе, *«что в небрежении пребывает ныне место сие»*. Причина возникшего *«небрежения»* ясна – воевода Волынцев *«правил в Кольском остроге воеводс-*

301 Речь, очевидно, идет об образе святителя Николая Чудотворца. Надо полагать, что с тех времен на Поморье «о счастливом плавании» стали молиться ни только «Николе Чуднику», но и «Варлаамию Керетскому». См. Максимов. С. 151.

кую власть после Литовской войны». В 1614 году Литовские «воры, стояв под Холмогорским острогом три дня, побежали вспять на Вагу, мимо Архангельска, и в Поморье, и тамо русских людей множество жгли, и мучили, и побивали, и животы их грабили»³⁰². Тогда, видимо, вместе с сожженной церковью, сгорел и крест с сенью.

Воевода, как известно, «дал серебра» и повелел «крест над могилой поставить и сень сотворить». Так вновь, своим чудесным заступничеством, Варлаам подвинул поморов к почитанию места своего упокоения и воздвижению над ним **НОВОЙ** «сени».

Преподобный в дальнейшем не забыл благодарного Евфимия из Каргополя, и этому купцу вновь довелось испытать силу чудесного заступничества Варлаама за «попавших в беду на море». В этот раз Евфимий (фамилия его Болнищев), был с другим купцом из Каргополя, Иаковом Посновым. Вышли они на лодье из Онежского устья в Белое море по направлению к Керети. «И когда пробежали мы уже Соловецкий остров и вышли на большое море, наехало на нас множество льда, так что не могли уж мы протиснуться сквозь него. И с этим льдом, идущим на нас и давящим нашу лодью, и погубить нас хотящим, много мы боролись и ничего не успели, и совсем в жизни своей отчаялись.

Преждереченный муж Евфимий, стоя в корме бессиленный, опустил на палубу, и от печали великой и усталости воздремал. И явился ему в лодьи старец, вопрошая: «Далече ли путь ваш лежит, братия»? Евфимий ответл: «Шли в Поморие торговать, да вот ныне льдом

302 Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 19.

нас совсем затерло, и уж все погибнуть готовы». Старец на это отвечал: «Не скорби, брат, поедете вы теперь в Кереть, и Бог вам даст путь туда чист».

С этими словами старец пошел в нос корабля, и начал льды раздвигать. Евфимий же при этом очнулся, и не увидел никого, лишь дружину свою, что в лодье горевала. И только начал он им свой чудный сон рассказывать, как сквозь лед, вроде как, дорога образовалась. Очень они все возрадовались, да тут и погода прояснела, и ветер подул попутный. Вскоре оказались они на чистой воде совершенно невредимы.

Когда пришли они в Кереть, то всем живущим там стали рассказывать про чудное явление святого Варлаама и про то, как Бог, по молитвам его, избавил их от страшной гибели. И в благодарность о том чудесном заступничестве, муж тот Евфимий соделал над могилой преподобного часовню. И веру ко святому Варлааму имел великую».

Именно так над местом упокоения преподобного Варлаама Керетского, с восточной стороны, за алтарем церкви святого великомученика Георгия Победоносца, появилась часовня. Часовня, в которой в 1722 году явился Керетский Преподобный, тем самым обличая протестантский дух указа императора Петра I, повелевшего **все часовни в России** «деревянные, где построенны разобрать, а каменные употребить на другие потребности»³⁰³.

Но, да об этом несколько позже.

303 Указ св. Синода № 509 от 28 марта 1722 года.

«ПОВЕДАНИЕ ОТ ЧУДЕС»

По сути, все известные нам и надежно засвидетельствованные чудеса, совершенные преподобным Варлаамом, собрал житель Керети, «некий муж именем Петр Буторин». До него в тексте жития числилось лишь одно, упомянутое выше, чудо «спасения от потопления купца Евфимия каргопольца».

Надо заметить, что сам факт записи всех собранных помором Петром в течение жизни чудес как некое особое событие, прописан в тексте жития: «Поведание от чудес преподобного Варлаама Керецкого чудотворца. В лета 7172 [в 1664 году], июня в 1 день поведал нам некий муж именем Петр Васильев, прореклом [по фамилии] Буторин...» И далее следует описание чудес, начиная от явления святого Варлаама, случившегося, когда Петр был еще одиннадцатилетним мальчиком.

«Как-то с отцом завершали мы уже рыбную ловлю в районе Соностроров³⁰⁴. И во сне увидел я, будто плывем мы с отцом на карбасе домой, в Кереть, мимо Шарапова наволока³⁰⁵. Тут нежданно взъярилось море волнами и судно наше наполнилось водой, а я пришел, как в исступление [сильное волнение, потрясение]. Оглядевшись, увидал я в судне нашем старца, седа бородю, защищающего нас от той волны. И тут внезапно все стихло, и оказалось судно наше в отишии, за коргой³⁰⁶. Старец же повернулся ко мне и сказал: «Потонуть было вам сегодня, если бы не аз, Варлаам из Керети», и повелел мне

304 Соностров находится близ берега недалеко от Керетского рейда и восточней его. Место, удобное для укрытия при непогоде.

305 Мыс Шарапов обозначает поворот для входа на Керетский рейд.

306 Корга – скала или камень; риф; каменная подводная гряда. Максимов. С. 600.

поведать о том людям. Я же очнулся и стал рассказывать отцу о моем видении. Он же, посчитав меня еще несмышленным, не обратил на слова мои никакого внимания.

Наутро видели мы странную лодью, идущую в открытое море, несмотря на весьма крепкое волнение. Наш сосед, керетчанин, рыбачивший на ближайшей с нами тоне³⁰⁷, тоже видал то судно и сказал нам: «Наша, де, керетская лодья пошла. Но я не решился к ней подойти – больно зыби [волнения] на море много».

И тут отец мой внезапно засобирался и сказал: «Мы идем в волость [Кереть], нам хлеб нужен». И мы пошли, а ветер крепкий был. И когда шли мы у Шарапова наволока, внезапно поднялась над нами и накрыла нас большая волна, и наполнился наш карбас водой. Мы же в растерянности были и в ужасе великом. И увидели тут мы следующую волну, еще страшнее и лютее первой на нас ярящуюся и погубить хотящую. Тут мы уже совсем отчаялись о жизни своей. Но внезапно судно наше, никем не направляемое, оказалось в укрытии, за коргой у берега. И возрадовались мы небывало, отчерпали воду из карбаса и благополучно пришли в волость.

Дней через пять явился мне вновь во сне тот старец и поносил меня, стращая, и хотел уже бить дубьем: «Почто ты обо всем бывшем с вами, и о деянии моем не поведал всем человекам»? И вновь велел обо всем людям рассказать».

Этот случай, видно, оставил в душе мальчика неизгладимый след, и Петр Буторин потом в течение всей жизни

307 Тоня – место рыбного промысла, участок на берегу, приспособленный для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

усердно примечал и все иные «поведания о чудесах преподобного Варлаама». Все упомянутые нами выше случаи заступничества Керетского святого стали известны нам лишь благодаря стараниям Петра Васильевича и пророческой им через всю жизнь вере в Керетского святого.

Из последних, известных ему чудесных спасений на море, Петр Буторин приводит случай с неким «двинянином, именем Никифор, который со своими клеветами шел с мурманского рыбного промысла». Как можно понять из рассказа, рыбаки решили миновать Святой Нос морем, не теряя времени на хлопоты с «волоком». Мы же помним, что, по молитвам Варлаама Керетского, путь именно через «волоковые губы» Святоносского залива был сотворен безопасным для мореходов от «морского червя».

«И когда были они против Святого Носу, начала одолевать их ветряная буря и древо мачты сломалось. Парус унесло в море, а волны стали накрывать лодью. Вскоре все имущество их было смыто за борт, а волны все дальше и дальше относили их судно в морскую пучину открытого океана. И их, совсем уже отчаявшихся в жизни своей, унесло очень далеко от берегов.

И вот, спустя многие дни их скитаний в волнах, явился Никифору во сне святой старец и начал ему выговаривать: «Что это вы впали в отчаяние? Почему не заботитесь о своем спасении? Парус ваш здесь, в лодье, тут же и древо мачтовое с ногами [с вантами³⁰⁸]. Чего вы то древо не ставите? Промышляйте о своем спасении, не отчаивайтесь – и Бог вас вынесет!» Никифор,

308 «Ногами моряки-поморы называют ванты». Ванты – часть стоячего такелажа парусного судна, служащая для поддержки мачты и ее отдельных частей. См. Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

очнувшись от того видения, и еще в недоумении прибывая, начал шарить вокруг, говоря своим товарищам: «Где, братья, парус наш»? Те же, удивляясь его словам, отвечали ему, что нет больше паруса, унесло его бурей. Но Никифор стал искать и там и здесь по лодье, и вдруг нашел парус, а с ним и весла и стир [руль]. Сильно изумилась дружина Никифора, и начали трудиться, прилаживая мачту, парус и такелаж. Потрудившись много, изнемогли, и сон их объял. И вот во сне том все они увидели того мужа святого, который говорил им: «Промышляйте о своем спасении, еще призывайте Бога на помощь, и вынесет вас Господь Бог». Никифор же спросил чудного заступника: «Кто ты, господин наш, – что так о нашем спасении печешься и так о нас заботишься»? И отвечал старец Никифору: «Аз есмь из Керети Варлаам».

Проснувшись, стали рыбаки спрашивать друг у друга, кто такой Варлаам с Керети. Но никто не слышал о таком. Тут начали они дружно готовить судно в путь. И лишь подняли парус, подул ветер попутный, так, что на третий день достигли они родного Двинского устья.

На следующий год после сего явления пришел Никифор в Кереть и стал вопрошать жителей, – где живет муж такой, именем Варлаам нарицаемый, – полагая его еще живым. Керетчане же поведали Никифору, что то ему явление святого было, что он во успении своем теперь является, и по молитвам его Бог от потопления многих спасает. И показали часовню и могилу святого Варлаама. И принес Никифор свечей много на могилу, и молился долго, благодаря Варлаама о чудесном заступничестве того пред Господом и спасении своем».

«ПОВЕДАЛ НАМ...»

«*Поведал нам некий муж...*» – именно так, как мы помним, начинается описание чудес Варлаама Керетского, записанное со слов в 1664 году неким агиографом XVII века. Кто же он, этот неведомый автор, которому все это «*поведал*» керетчанин Петр Буторин? Мы знаем, что активную роль в прославлении преподобного Варлаама сыграл Соловецкий монастырь в лице архимандрита Сергия (Шелонина). Еще в 40-х – 50-х годах XVI века, на основании жития святого, им был написан «Канон преподобному Варлааму, новому чудотворцу Керетцкому». Где ж, как не в Керети, должны были хорошо знать архимандрита Сергия и почитать память преподобного Варлаама и иных северных святых молебными песнопениями по текстам его канонов? Тем более, что сама Керетская волость с 1635 года полностью принадлежала Соловецкому монастырю³⁰⁹.

Можно предположить, что и свидетельства о вышеупомянутых чудесах «*Петр Буторин поведал*» архимандриту Сергию, для чего Петр должен был посетить Соловецкий монастырь. Во всяком случае, эту запись чудес мог произвести кто-то из грамотеев «книгописной палаты» монастыря, «о существовании которой источники определенно говорят, начиная с середины XVII века»³¹⁰.

Допуская предположение о личном участии старца Сергия в записи чудес, следует заметить, что упомянутое «*Поведание от чудес преподобного Варлаама Керетского чудотворца*» не отличается тем особым словесным

309 «В 1535 году монастырю были отданы царем и оставшиеся три четверти волости с крестьянами и со всеми угодьями». История Соловецкого монастыря. С.127.

310 Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 180.

изяществом, что неизменно присуще «писаниям» Соловецкого книжника Сергия (Шелонина). В «*Поведании от чудес...*» мы видим живую и подчас бесхитростную поморскую речь, насыщенную как географическими названиями мест рыболовного промысла, так и «профессионально умелым употреблением мореходной терминологии»³¹¹.

Думается, все дело в том, что, сознательно записав «на черном» летом 1664 года эти живые свидетельства о чуде-сах преподобного Варлаама, архимандрит Сергий предпо-лагал в дальнейшем придать им соответствующий вид, отвечающий требованиям книжной изящности и житий-ной поэтичности. Но, увы, он просто не успел.

Согласно последних исследований биографии Сергия (Шелонина), время его кончины определено, как конец 1664 года³¹². Думается, будет уместно упомянуть некоторые необычные обстоятельства, связанные с его кончиной.

В составе рукописных книг Соловецкого собрания РНБ можно увидеть книгу творений святителя Григория Пала-мы и Николая Кавасилы, на внутренней стороне обложки которой, есть примечательная надпись. Писана, мол, та книга «тщанием преподобного Сергия, священноинока и архимандрита... А больше Сергию за скорбю, в нейже и смерть его постиже, писать не прилучилось»³¹³.

Комментируя эту запись, исследователи обычно гово-рят о болезни старца Сергия, в которой он и скончался. Однако следует уточнить, что «болезнь» на старославян-

311 Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 190.

312 «Мы можем с большим основанием считать дату смерти книжника Сергия – конец 1664 года». Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелони-на // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 200.

313 Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание. № 87/87.

ском обозначается словом «немочь». Слово же «скорбь» означает именно скорбь, как некую особую душевную муку, давление, сильное угнетение³¹⁴.

Какая же столь сильная скорбь постигла священноинюка Сергия, что в итоге явилась причиной его кончины в 1664 году?

СКОРБЬ СВЯЩЕННОИНОКА СЕРГИЯ

Днем 5 мая 1664 года инок Исая, келейник соловецкого книжника, к тому времени уже престарелого архимандрита Сергия (Шелонина), как обычно находился на послушании в монастырской келье старца. Отцу Сергию, по старости его, не здоровилось, и он дремал на кушетке. В это время внимание келейника привлекли странные тени, промелькнувшие за окном кельи. Подойдя к окну и взглядевшись в нечто, летавшее над монастырем, Исая в ужасе прошептал: «Господи, помилуй». И в этот момент некая мерзкая тварь, в виде крылатого змея, заметив в окне Исая, развернулась в воздухе и ринулась на него. Инок едва успел отпрянуть от окна, как «змий, прилетев к окну его и пробив окончину у окна, едва его Исая не достигнул»³¹⁵. Разбуженный внезапным грохотом, архимандрит Сергей приподнялся с постели и к ужасу своему обнаружил, что его келейник борется с какой-то гнусной тварью, вломившейся в окно кельи. Возопив молитву «Да воскреснет Бог...», старец схватил бутылку с Крещенской водой и начал поливать борющихся. Почувяв святыню, крылатая нечисть разразилась душераздирающими кри-

314 Дьяченко. Словарь. С. 609.

315 РНБ, Соловецкое собрание, № 895/1005, л. 234 об.

ками. Общими усилиями удалось задавить это исчадие ада, которое, страшно шипя и извиваясь, наконец испустило дух. Келья при этом наполнилась ужасающим смрадом и жуткую бестию поспешили скорее вытолкнуть за окно.

Однако радоваться победе, как оказалось, было рано. Выглянув в окно, старец с келейником похолодели от ужаса. Окна кельи выходили на монастырскую трапезную. Так вот, совсем рядом, на кресте трапезной, «нагорбся сидел змий велик и страшен зело, три главы имущий, а хобот [хвост] его висел аж до кровли». В это время в келью вбежали иеромонах Артемий и несколько иноков, которые, взглянув в окно, так же в ужасе стали креститься. «И на того змия зряху множество людей иноков и белцов, полон монастырь, и за монастырем множество людей смотряху»³¹⁶.

Для инока Исаи все эти события имели самые тяжелые последствия, что вовсе не удивительно, поскольку непосредственный контакт человека с миром бесовским неизбежно приводит к сильнейшим духовным расстройствам. «И от того времени случилась ему болезнь: нападе на него страх велий, начал бояться людей, и от того страхования впал в конечную болезнь, был не в целом разуме, стужаем от бесов»³¹⁷.

История эта была записана на Соловках под заголовком: «О чудесах в Анзерской пустыни, как Господь Бог наш Иисус Христос исцелил больного инока Исаию от бесовского озлобления...», и завершалась она чудесным исцелением инока спустя три года, после явления ему святых

316 Там же. Л. 235.

317 Там же. Л. 235 об.

соловецких угодников. Именно это продолжение истории показалось тогда, в 1668 году, наиболее интересным современникам, поскольку несло в себе некие поучительные моменты, важные в то время для идеологической полемики в ходе уже начавшегося «Соловецкого сидения».

О том, какие последствия имел контакт с миром боровским для монастырского старца архимандрита Сергия (Шелонина), в истории не упоминается. Однако, как мы писали выше, известно, что после этой истории «Сергию за скорбю, в ней же и смерть его постиже, писать более не прилучилось»³¹⁸. Таким образом, мы видим, что следствием тех страшных событий на Соловках стала невозможность для Сергия (Шелонина) далее совершать свое главное дело – «писать», и в этом же 1664 году он скончался.

Потому и *«Поведание от чудес преподобного Варлаама Керецкого»*, записанное на скорую руку со слов *«некоего мужа именем Петра Буторина»*, так и осталось литературно не обработанным.

318 Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание. № 87/87.

ГЛАВА X

ПРОСЛАВЛЕНИЕ

ЯВЛЕНИЕ В КЕРЕТСКОЙ ЧАСОВНЕ

Осенью 1722 года архиепископ Холмогорский и Важский Варнава (Волатковский) получил удивительное донесение из села Кереть. Священник Василий Ефимов со своим причтом докладывал Владыке о том, что, исполняя его благословение и указ Святейшего Синода, которым повелевалось «все деревянные часовни, где построены, разобрать, а каменные употребить на иные потребности», они приступили к разборке часовни, что с давних лет стояла над могилой преподобного Варлаама, уроженца этого села.

Однако вскоре они вынуждены были прекратить работы по разборке часовни, так как в ней «явился преподобнейший Варлаам, которого здесь почитали за святого издавна, но еще не свидетельствованный»³¹⁹.

Идея упразднить в России часовни появилась у Петра I еще в 1707 году, когда «по именному Его Императорского Величества указу, было велено все в Санкт-Петербурге построенные часовни разобрать и обретающиеся в них иконы и книги убрать в церкви». В 1722 году Святейший Синод пошел дальше и проявил «ревность не по Бозе», посчитав, что «понеже в царствующем граде так учинить определено, то и в прочих городах и селах часовни упразднить должно».

319 Указ св. Синода № 509 от 28 марта 1722 года. Цит. по Голубинский. История канонизации. С. 451.

В итоге был издан Указ от 28 марта 1722 года «О не дозволении вновь строить часовни и об упразднении уже существующих»³²⁰, который в Архангельские пределы был доставлен лишь к июлю месяцу. Срок же «оному часовен разбору полагался в каждом месте от получения сего указа на неделю».

Мы не знаем, что именно сказал явившийся в часовне «преподобнейший Варлаам», поскольку сам текст донесения отца Василия, подписанный всем причтом, до нас не дошел. Но, судя по тому, что работы были прекращены, надо полагать, святой ясно высказал свое мнение об этом явно не благочестивом деянии. И если мы припомним подчас не очень деликатные манеры Керетского старца, выдаваемые им при своих явлениях, то можно предположить, что «прещения» он дал достаточно строгие.

Владыка запросил у Святейшего Синода указаний, как поступать в сложившейся ситуации.

15 января 1723 года указом Святейшего Синода из Соловецкого монастыря в село Кереть был направлен иеродиакон-инквизитор (!) Иосиф для сбора сведений о житии и чудесах преподобного. Записав рассказы священника села Кереть Василия Ефимова, иеродиакона Николая и старосты с мирскими людьми, иеродиакон Иосиф передал их провинциалу³²¹ иеродиакону Александру, который

320 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1722. Т. 2. С. 157. Обоснование такому странному решению, Св. Синод нашел «в правиле поместного иже в Карфагене Собора 84-м». Однако это правило говорит лишь о необходимости «просить славнейших царей, да истребляются всяким образом остатки идолопоклонства». Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша). Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 2. С. 236.

321 «Иеродьякон-провинциал Александр – главный начальник над монастырями Холмогорской епархии». Никодим (Кононов), иеромонах. Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901. С. 32.

предоставил эти сведения в Святейший Синод. Казалось, этим все и закончится, поскольку прославлять святого, совершившего грех убийства, да еще взявшего на себя такой «странный» подвиг, вряд ли кто рискнет. Тем более в Поморском селе, приверженном расколу. Так что дело это постепенно стало забываться.

И тут неожиданно в самом конце 1724 года, спустя почти два года, преосвященному Варнаве последовал Указ Святейшего Правительствующего Синода – произвести освидетельствование мощей преподобного Варлаама Керетского.

Таким образом владыка Варнава оказался перед серьезной проблемой.

ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ

Керетская волость еще со времен «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) пребывала в расколе, «известном под именем русского старообрядства», что вполне объяснимо, поскольку вся эта волость к 1635 году являлась Соловецкой монастырской вотчиной.

К моменту Соловецкого бунта в самой монастырской братии, равно как и на всем Беломорском поморье, установилось стойкое представление, об особом избранничестве и вселенском значении Соловецкой обители как последнего оплота Православия. «Столп каменный посреди моря и Новый Иерусалим»³²².

Именно так воспринимали свое искреннее «стояние в вере» многие соловецкие иноки: «Мы засели в монастыре

322 См. Чумичева О. В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 47. С. 285–292.

сем, чтобы умереть»³²³. Во многих документах того периода можно найти эсхатологическое восприятие стояния в вере «новыми исповедниками» Соловецкими: «Пощади, Государь, нашу обитель, аще не пощадишь, то время представлению света сего быти»³²⁴.

Надо сказать, Соловецкие монахи, непримиримо относясь к церковным нововведениям и печатным богослужебным книгам, до последнего всячески стремились подчеркивать свою законопослушность царской власти, лояльность «Великому Государю и помазаннику Божиему»: «Милосердый Государь, не вели больше напрасно присылать к нам учителей, так как мы не изменим прежней православной вере и не нарушим предания апостольского и чина святых отец Зосимы и Савватия; повели, Государь, прислать на нас свой царский меч и переселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное»³²⁵.

Надо понимать, что и жители соловецких поморских вотчин в полной мере разделяли эти настроения. Стремясь показать себя послушными царской воле, в марте 1668 года жители Керети под руководством соловецких монахов «отправили в Москву всю слюду, собранную в Керетской волости в 1667 году»³²⁶. И, конечно, в дальнейшем «основной причиной силы и длительности восстания была тесная связь повстанцев с местным населением». При этом «главным стимулом помогать осажденным был высочайший духовный авторитет обители в Поморье»³²⁷.

323 История Соловецкого монастыря. С. 101.

324 Панченко О. В. Соловецкие повести о «Видениях» 1668 года. // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 467.

325 Макарий (Булгаков), митрополит. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 203.

326 История Соловецкого монастыря. С. 101.

327 Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 92, 94.

Несмотря на то, что уже с 1669 года шла осада монастыря стрельцами, лишь в декабре 1674 года в обители «положили не молиться за царя». В марте 1669 года мятежники уничтожили более 200 книг, признанных ими не соответствующими «старой вере». Древние рукописные книги подверглись корректуре и припискам. Чудом, как явный укор невежественному упорству, уцелела книга, принадлежавшая преподобному Зосиме Соловецкому, где молитва Иисусова указана с благословенным Церковью написанием: «Господи, **Иисусе** Христе...». Также часослов святителя Филиппа Соловецкого, в котором прописано молиться **трегубой** (троекратной) «аллилуйей».

Но спокойно поразмыслить над ясными свидетельствами допустимости этих и многих иных так называемых «никонианских нововведений», ревнителям старины уже было недосуг. К тому времени власть в монастыре окончательно перешла в руки «грубых и невежественных людей», и на стороне приверженцев восстания почти не осталось ни одного иеромонаха. Абсолютное большинство монахов-священников были либо противниками восстания, либо сторонниками умеренного течения, выступавшего за диалог и компромисс.

В конечном итоге, из представителей священства бунтовщиков продолжали поддерживать лишь иеромонах Леонтий, да самый неукротимый лидер мятежа – архимандрит Никанор, утешавший единомышленников словами: «мы и без священников проживем; священники нам не нужны»³²⁸. «К весне 1669 года на Соловках утверждается беспоповская практика, наиболее ранняя из зафиксиро-

328 История Соловецкого монастыря. С. 107.

ванных в старообрядчестве... Это привело к решительному изменению церковной традиции»³²⁹. Так были заложены основы тяжкой ереси «беспоповства».

Темной снежной ночью января 1676 года царский воевода Иван Мещеринов сумел взять неприступную крепость Соловецкого монастыря. Бунт на Соловках был жестоко подавлен.

Жители Соловецких вотчин, многочисленных поморских деревень, хотя и не бунтовали, да и «затвориться» им было негде, – однако сочувствовали монахам и в душе практически все – остались на стороне «соловецких страдалцев».

СТОЯНИЕ В ГОРДОСТИ

Ранее, еще в самом начале нашей книги, мы говорили о том удивительном феномене морского богоискательства мореплавателей Крайнего Севера, для которых почти ежедневная смертельная опасность воспринималась как норма жизни, формирующая особый уклад веры.

Такая специфика жизни формировала и достаточно противоречивые людские характеры. С одной стороны, поморскому люду были не ведомы многие вечные вопросы аскетики, которые остро стояли перед «сухопутными» христианами. Мы имеем в виду такие аспекты духовного совершенствования, как, например, преодоление холодности сердца и равнодушия, стяжания чистоты и искренности в молитве, или же умения в полной мере полагаться на волю Божию. В то же время постоянный риск, возможность помериться силами с грозной стихией, поглядеть в глаза смерти позволяли на личном опыте узнать, что, как писал поэт:

329 Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 102.

«Есть упоение в бою
и бездны смертной на краю»...

Все это хорошо видно в поморских поговорках о море, о «зеленухе»³³⁰, о «девятом вале»: «Кто на валу не был – тот и страха не видал, а кто валу брат – тот и черту сват»³³¹.

Этот волнующий путь личного преодоления суровых обстоятельств жизни, эта способность выстоять и победить неизбежно порождали чувство самодостаточности, стимулировали осознание собственного достоинства и, в конечном итоге, часто приводили к закоренелой, неистребимой гордости. Почва для этого была самая благоприятная, поскольку изначально в столь дальние пределы земель Российских приходили люди далеко не слабые, свободолюбивые и волевые. В большинстве своем этот люд был, как говорится, «с прошлым», со своими историями «конфликтов» с властями. И в дальнейшем, в течение всех столетий, «никакой помор никогда под началом не ходил, и шапки ни перед кем не ломал».

Ко всему надо добавить частое и долгое пребывание вне села, на тонях, промыслах, зимовках, вне приходской церковной жизни, а также ставший привычным личный, «напрямую» разговор с Богом. Все это приводило к угасанию чувства церковной соборности, к атрофированию потребности в Церковных Таинствах и общении со священником, и в целом – к нарастанию пренебрежения свя-

330 «Зеленуха – особенно большая, очень высокая морская волна, идущая по направлению к судну и грозящая залить рыбацкие, беспалубные суда». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 60.

331 Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 20.

щенноначалием и недоверия силе Соборного разума Церкви. Недостаток чистоты евангельского духа веры подчас компенсировался различными суевериями, языческими действиями, приемами местной практической магии³³².

Таким образом, перед нами две ясно выраженные специфические духовные составляющие поморской жизни, которые во второй половине XVII века увели в раскол большинство жителей Крайнего Севера. Искренняя, горячая, можно сказать, истовая вера в Бога, пребывающая в парадоксальной согласии с непомерной гордостью. Показательно, что это абсурдное сочетание, этот немислимый для христианства духовный симбиоз, породивший на Севере Руси трагедию беспоповской веры, справедливо получил характерное название – «Поморское согласие».

СИТУАЦИЯ

Итак, вернемся к ситуации, в которой оказался архиепископ Холмогорский и Важский Варнава (Волатковский), когда в конце 1724 года получил Указ Святейшего Правительствующего Синода произвести освидетельствование мощей преподобного Варлаама Керетского. Владыке предстояло освидетельствовать мощи, находящиеся на территории села, абсолютное большинство населения которого пребывало в расколе с Православной Церковью.

Отношение к официальной церковной духовной власти в это время со стороны приверженцев «Выговского (По-

³³² Так, например, известный магический прием вызывания ветра, при котором один из мореходов становится к мачте и, царапая ее ногтями, с присвистом начинает призывать духа нечистого: «Бея, бея, бея, белолапка!». И так до тех пор, пока не почувствуется струя ветра и парус «зарябит».

морского) согласия» хорошо иллюстрирует бытовавшая в их скитах «икона» с названием «Собор архиереев», на которой имелась надпись: «Не стони, аде, скоро ты наполнишься архиереями, попами, дьяками...».³³³

Справедливости ради надо заметить, что и Российская Православная Церковь также отвечала раскольникам явно не христианской любовью: «Тех, которые прежде Святое Крещение нарицали неправым, исповедав и причастив, казнить смертью без всякого милосердия... А кто покорения Святей Церкви не принесет, тех по тридневному допросу не покоряющихся, жечь в срубе и пепел развевать»³³⁴.

Также знал Владыка и о том, сколь большая потребность у «беспоповцев» в обретении любых значимых святынь, а тем более мощей святого, имеющего несомненный, признанный авторитет среди всех христиан русского Севера. Стремление обрести подлинные православные святыни часто толкало беспоповцев на прямые похищения, чему было придумано необходимое оправдание: «аще кто икону древнюю, или ино что украдет из церкви священное, тот из полону и неволи вызволяет»³³⁵.

Чувствуя, что так называемые «мощи их святых», например, «в мнимых мощах славимого ими Корнилия, а с ним Виталия»³³⁶, не несут той духоносной силы, как свя-

333 Выговская Поморская пустынь и ее значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 14.

334 Указные статьи о раскольниках от 7 апреля 1685 года // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 4. С. 420.

335 О мнимых мощах, ложных святынях и похищенных // Братское слово. Журнал, посвященный изучению раскола. М., 1888. № 6. С. 488.

336 О мнимых мощах, ложных святынях и похищенных // Братское слово. Журнал, посвященный изучению раскола. М., 1888. № 6. С. 488.

тые останки прославленных подвижников древности, старообрядцы всячески стремились подкрепить свой авторитет при помощи мощей подлинных святых. Печальным результатом такого «перетягивания» мощей «на свою сторону» явились беспрецедентные факты деканонизации святых древности.

Например, ныне широко известная история прославления и обретения мощей святой благоверной великой княгини Анны Кашинской в 1650 году и дальнейший «пересмотр канонизации княгини Анны Кашинской, окончившийся аннулированием или изглаждением ее канонизации»³³⁷, что произошло в 1677 году по инициативе патриарха Иоакима. В 1909 году состоялось ее второе прославление, и титул святости святой благоверной княгине Анне было возвращено.

Подобный прецедент, также спровоцированный расколом, имел место и в отношении преподобного Евфросина Псковского, переведенного в 1682 году «из разряда общецерковных святых в разряд святых местных»³³⁸.

История с предстоящим обретением мощей преподобного Варлаама Керетского грозила стать очередным неприятным для Церкви фактом вторжения политики в «жилище Святого Духа». Однако Указ Святейшего Синода надо было исполнять, и владыка Варнава направил свое «указное предписание» настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Варсонофию, «чтобы ехать ему, архимандриту, в Керецкое село или священника искуснейшего послать, и в оной Керецкой волости за святаго почитаемаго освидетельствовать».

337 Голубинский. История канонизации. С. 165.

338 Голубинский. История канонизации. С. 169.

ОБРЕТЕНИЕ, «КОТОРОГО НЕ БЫЛО»

Архимандрит Варсонофий на обретение мощей сам не поехал. Как и любой настоятель крупного монастыря того времени, он в 1720 году был избран лично императором из иеромонахов Александро-Невской лавры. Такой порядок был установлен с 1715 года и, таким образом, все будущие архимандриты духовно созревали и нравственно формировались в стенах лавры под личным контролем Петра I, в ходе придворных служб в дворцовых церквях.

Отец Варсонофий понимал, что владыка Варнава этим «указным предписанием» всю меру ответственности за возможные последствия обретения мощей в селе, приверженном расколу, перекладывает на него. Равно как и возлагает на него весь грех предстоящей неправды. Этот грех состоял в том, что, с одной стороны, мощи преподобного надо обретать и свидетельствовать, а с другой стороны, – прославления Варлаама в мощах и последующей канонизации допустить никак было не возможно по политическим соображениям. Да и сам этот «деревенский рыбацкий» святой, с его сомнительным подвигом, настоятелю мало импонировал. Так что предстоящая задача, прямо скажем, была не их приятных.

Однако теперь предстояло еще найти такого «священника искуснейшего», которому можно было бы все это доверить. Для исполнения этого щепетильного дела настоятель выбрал Соловецкого иеромонаха Иону.

В самой Керети тем временем готовились к обретению мощей преподобного Варлаама, которое было назначено на 15 января 1725 года. С вечера 14 января и всю ночь «в часовне над мощми псалтирное пение читали до утра два

человека, и для хранения мощей приставлено же было два человека»³³⁹.

С прибытием в село Соловецкого иеромонаха Ионы, приехавшего с десяцким Кушерецкой волости, священником Епимахом Кононовым (который, надо понимать, являлся представителем владыки Варнавы)³⁴⁰, «в церкви святителя Николая чудотворца святую Литургию служили». После Литургии и молебна прибывшие представители церковных властей, вместе с «тоя церкви священником и мирскими людьми, пришедши в часовню, где преподобный погребен, гробницу его и помост разобрали и землю копали».

О результатах освидетельствования мощей иеромонаха Иона в своем донесении докладывал, как и требовалось, «сдержанно»: «Обрели преподобного Варлаама в часовне, в земле, глубиною аршина в полтора, не во гробе, но просто лежаща, токмо одежды на нем монашеские обветшалые, а во оных кости ветхия, и основание, и подобие все человеческое, кроме благоухания, так как, и прочих кости лежат».

Совсем иную картину увидели и представили в своем донесении другие участники освидетельствования, священник Епимах Кононов, священник Василий и дьячек Игнатий: «как выкопали глубиною до персей человеку, то обрели мощи преподобнаго Варлаама в целости, в Поморской кережке лежаща, в черном русском кафтане облачен. Кережка же вся та изгнила, а кафтан и ризы на Преподобном, яко же вчера облечены – никакому тлению не

339 ГААО. Ф.29, оп. 2т.2, д. 1004 (08.01.1814–07.11.1816 гг.) «Дело о находящихся в Кемском уезде Святых мощах». Л. 11 об.

340 Десятский Кушерецкой волости церкви Вознесения Господня священник Епимах Кононов (1672–1738) является прапрапрадедом сщмч. епископа Белгородского Никодима (Кононова). Кушерецкая волость, селение Кушрека находится весьма далеко от Керети, на берегу Онежской губы. Десятский – выборная административная должность в селе, низший полицейский чин.

прикоснулись. И образ его сохранился в подобии, якоже на иконе его изображен, на главе его власы и брада – все цело. А благоухания в начале, в часовне никакого от мощей его не было, а как оные его мощи из земли вынули, да внесли в алтарь церкви великомученика Георгия, тогда от мощей его благоухание всем видимым стало, подобное тому, как от росного ладана дым. И сказывали мы иеромонаху Ионе: исходит де от мощей Преподобного благоухание, он же, иеромонах, нам отвечал: от печи дым исходит, а не благоухание».

В тот же день, при молебном пении и «при собрании народа обоего полу, перенесены были мощи преподобного Варлаама в церковь святого великомученика и страстотерпца Георгия, где и положены были честне против леваго крыласа, близ олтаря у северных дверей»³⁴¹.

«БЫТЬ МОЩАМ В ЗЕМЛЕ»

Получив два вышеупомянутых донесения, архиепископ Варнава понял, что состоялось полноценное обретение мощей святого подвижника и что на сегодня невозможно уже заставить Керетский приход эти мощи опустить в землю. Давать же ход процессу официального прославления Керетского подвижника Владыка не видел достаточных оснований, с трудом, видимо, воспринимая его житие и суть весьма «соблазнительного» подвига Варлаама.

В конечном итоге Архиерей решил поступить по известному совету евангельского Гамалиила: «если это предприятие от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы

341 ГААО. Ф. 29, оп. 2, т.2, д. 1004 (8. 01. 1814 – 7. 11. 1816 гг.) «Дело о находящихся в Кемском уезде Святых мощах». Л. 11 об. – 12.

не можете разрушить его» (Деян. 5, 38; 39). Архиепископ Варнава решил пока вообще ничего не предпринимать.

Нельзя сказать, чтобы Владыка в это время ничем не занимался. О весьма необычном духовном направлении его забот в это весьма специфическое, «петровское» время, ярко свидетельствует разосланный им по епархии в 1726 году «Указ об уничтожении всех поморских рыболовных судов старых образцов и постройке впредь только «галеотов» и «катыфлентов»³⁴². В таких вот заботах прошло два года, и в такой духовной атмосфере жила Церковь.

В то же время почитание преподобного Варлаама, Керетского чудотворца набирало все большую силу. Паломничество на поклонение мощам Керетского подвижника становилось все более массовым. «Прихождаху к нему множество народа с верою исцеления ради, и помощь приемлюще неоскудно»³⁴³. В Холмогорской епархии, таким образом, создавался прецедент всенародного почитания благодатных мощей подвижника, отношение Церковных властей к которому официально так и не определилось.

И вот, спустя еще два года, в 1727 году из канцелярии Святейшего Синода пришло напоминание о необходимости донести результаты исполнения Указа 1725 года об освидетельствовании мощей Варлаама Керетского.

Владыка Варнава срочным порядком представил в Синод донесение, в котором приведенные нами выше два свидетельства назвал «несогласованными меж собой». Также он сообщал, что исходя из этой явной несогласо-

342 Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 247. Петропавловская церковь в Поное. № 30.

343 Надпись на житийном клейме иконы прп. Варлаама. Государственный архив Архангельской области, ф. 29, оп.2т2, д. 1004, л. 10а.

ванности³⁴⁴, им, якобы, было дано указание: «На том месте, где рака Преподобного поставлена, выкопав яму, учинить в ней гроб каменный или кирпичный. Или, обставив по бокам досками и вложив в раку Святаго, учинить на верху своды и, закрепив землю, засыпать до указу вашего святейшества [Святейшего Синода], а панихиды в приличные дни и в Проскомидии и в Литургии править по нем, и поминать». В завершение своего донесения Высокопреосвященный Варнава «спрашивал Синод, как тот заблаго рассудит быть и чинить повелит».

Святейший Синод, «рассуждая о том, что в вышеупомянутых свидетельствах явилась рознь, приказали: **быть тем мощам в земле**». Также было определено, что «впредь о таких мощах свидетельство чинить опасно, и тех людей, которые к таким мощам станут приписывать чудеса, приводить к присяге – не ложно ли, и для какой учинили страсти, ибо и в оной «Повести...» означены трое человек, те чудеса приписующие, а какова они жития и не подозрительны ли, не означено, почему и верить тому не надлежит»³⁴⁵.

Так еще почти на двести лет великий заступник Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский оставался вне признания официальных властей Российской Православной Церкви.

Потому и не имеем мы больше иных «поведаний о чудесах», кроме тех, что собрал «некий муж именем Петр Буторин» в 1664 году. Желających быть «приведенными к присяге» и подвергнуться допросу о том, «для какой

344 Академик Е. Е. Голубинский, иронизируя по поводу этой так называемой «несогласованности», пишет: «Противоречия показания священника и иеромонаха уж через чур сильно». См. Голубинский. История канонизации. С. 452. Прим. 2.

345 Голубинский. История канонизации. С. 453.

страсти» свидетельствуют они «ложь», естественно, не оказалось.

Самое же печальное (или, наоборот, утешительное) состояло в том, что все эти «мудрые» решения, политически аргументированные указы и предписания жили какой-то своей собственной жизнью бумажной переписки, не имея подчас никакого отношения к реальной жизни люда христианского. Что мы и видим в данном случае. В начале XX века уже уверенно сообщалось: «Святые мощи преподобного Варлаама Керетского перенесены были в церковь св. великомученика Георгия Победоносца и положены против левого клироса, близь алтаря у северных дверей, где они и поныне пребывают» . К слову заметить, и «неудобная» часовня у алтаря над могилой преподобного также осталась не разобранной.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ МОЩИ

Эта историческая часовня простояла 150 лет и сгорела лишь в 1769 году, вместе с древними церквями села – Георгиевской и Никольской. При пожаре мощи были отнесены из церкви метров на триста от села. По преданию, от этого места в сторону пожара побежал ручей, вода которого помогла остановить дальнейшее распространение огня на деревню. След Варламова ручья пересекающего территорию бывшего села, существует поныне. Памятный крест на этом месте сохранялся жителями до нашего времени³⁴⁶. Мощи были укрыты здесь во временной часовенке до 1773 года. В этом году в Керети было закончено

³⁴⁶ Видимо, именно этот крест сохранился до сего времени в Керети, перенесенный ближе к берегу реки и поныне там сберегаемый.

строительство новой двухпридельной (двухэтажной) церкви великомученика Георгия с приделом святителя Николая Чудотворца. Рака с мощами преподобного Варлаама была (к сожалению) помещена на втором этаже, также традиционно у левого клироса.

Известный финский фольклорист Э. Ленрот, посетивший Кереть в 1837 году, оставил нам в воспоминаниях интересную подробность: «Говорят, в церкви хранятся мощи некоего Варлаама, гроб которого висит привязанный к потолку». Если финский протестант чего-нибудь не напутал, то, скорее всего, речь идет об остатках той самой кережки, в которой были обретены мощи Варлаама. Под потолком они могли оказаться с целью не допустить растаскивания святыни по кусочкам почитателями памяти Преподобного.

26 мая 1857 года случился новый пожар, сгорело 26 домов села и полностью выгорел верхний предел храма. Сгорела и рака, находившаяся на втором этаже храма. В огне очень сильно пострадали мощи преподобного.

Оставшиеся части мощей святого до 1867 года пребывали во временной часовне. В этом году завершили строительство новой трехпридельной Никольской церкви, возведенной усилиями немногих прихожан, в основном семейством лесопромышленников Савиных³⁴⁷.

Мощи были уложены в богатую раку, изготовленную в Санкт-Петербурге и пожертвованную женой Савина. Рака была поставлена в северном приделе, освященном уже в честь преподобного Варлаама Керетского чудотворца,

347 «Жителей к 1894 году состояло почти 700 человек. Практически все они заражены расколом, из коих многие считают грехом даже заходить в православную церковь. Всего же христианский долг в селе исполняют 8 человек». Мелетиев. Керетский приход. С. 181.

что, по сути, явилось свидетельством состоявшегося, наконец, официального местного прославления святого.

Оставшиеся части мощей святого заступника мореходов Севера пользовались необычайным почитанием всех поморских промышленников берегов Белого и Баренцева морей.

22 мая 1949 года Георгиевская церковь села Кереть вновь сгорела. Ковчег с мощами преподобного, часть уцелевшей утвари, книг и икон снесли в небольшую избушку. Последними их видели участники археографической экспедиции Мурманского Педагогического института в 1961 году. По их описаниям, «много мелких косточек темно-коричневого цвета хранились в деревянном киоте с разбитым стеклом».

К этому времени поступило указания властей о ликвидации села как «не рентабельного». В 1960 году был ликвидирован колхоз, закрыты школа, больница, магазин, хлебопекарня и библиотека. Был упразднен Сельский совет и отключен свет. Большинство жителей переехали в соседние села Чупу и Лоухи. По истечении четырех с лишним лет старинное поморское село Кереть прекратило свое существование. В конце 60-х годов последние стойкие жители Керети покинули село. Избушка-молельня сгорела. Престарелые свидетели этих событий почили.

На сегодняшний день села Кереть, некогда «самого значительного из сел Кандалакшского залива»³⁴⁸, практически не существует. Судьба ковчега с мощами преподобного Варлаама неизвестна.

348 Лоция Белого моря. Пг., 1915. С. 796.

В НАШЕ ВРЕМЯ

В 1903 году имя преподобного Варлаама Керетского было внесено в «Верный месяцеслов», с установлением дня памяти 6/19 ноября³⁴⁹. Таким неприметным образом состоялось его общецерковное прославление.

Преподобный Варлаам чествуется кроме того в Соборе Карельских святых, празднование которым установлено в субботу между 31 октября и 6 ноября (ст. ст.) по инициативе митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).

В 1997 году в восстанавливаемом Благовещенском соборе г. Кеми Карельской епархии, в нижнем Никольском храме, был освящен правый придел в честь преподобного Варлаама Керетского. Здесь же находится редкая икона с изображением святого, написанная в 1889 году для местного ряда иконостаса Свято-Варлаамовского придела Георгиевской церкви села Кереть усердием лесопромышленников братьев Савиных – Александра, Владимира и

³⁴⁹ Верный месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными Литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Св. Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 гг. М., 1903. С. 43. Этому предшествовало появление сообщения о почитании прп. Варлаама в «Источниках русской агиографии» Барсукова Н. П., СПб., 1882. С. 76–77.

Алексея. С 2000 года при Благовещенском соборе расположен Кемский мужской Благовещенский монастырь во имя Новомучеников и Исповедников Российских.

В 2001 году в городе Коле Мурманской епархии, на месте древней «Никольской церкви, что в Кольском остроге», в которой в XVI веке служил Варлаам, построена и освящена первая отдельно стоящая церковь во имя преподобного Варлаама Керетского чудотворца.

В 2002 году в поселке Чупе Карельской епархии также построена и освящена церковь во имя преподобного Варлаама Керетского.

В VI томе Православной энциклопедии на страницах 632—633 помещена обширная статья, повествующая о житии преподобного Варлаама Керетского и истории его почитания.

Преподобный Варлаам Керетский чудотворец благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 28 ноября 2003 года включен в Собор Кольских святых, с усвоением дня памяти Собору 15/28 декабря.

В 2005 году, усердием благочестивых почитателей памяти преподобного Варлаама и жителей поселка Чупы, в ныне заброшенном селении Кереть на месте сгоревшей в 1949 году Свято-Георгиевской церкви, построена часовня в честь святого великомученика Георгия Победоносца.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вот, собственно, и все, что на сегодняшний день открыл нам Господь, и чем мы поспешили поделиться с вами, терпеливые читатели, – об удивительной жизни и небывалых деяниях великого подвижника древности – преподобного Варлаама из Керети.

Таким образом, мы завершаем наше исследование и тот долгий путь к истине, который начался ровно десять лет назад первым опытом молитвенного общения со святым Варлаамом у «Кольского креста», что в Благовещенской церкви города Колы, и написанием первой, после долгого периода забвения, иконы этого подвижника³⁵⁰.

Как мы теперь знаем, преподобный Варлаам по возрасту был самым младшим из славной плеяды великих подвижников Кольского Севера, что были явлены в Русской Церкви в XVI веке. Потому и Промысл Божий о нем был таков, что величие его доселе неочтенного подвига открылось нам лишь после завершения полноценного исследования житий его великих учителей, друзей и со-молитвенников – преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского³⁵¹.

350 Эта икона ныне находится в Североморском храме святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

351 Мы имеем в виду относительно недавнее, чудесное обнаружение тех исторических документов, о которых мы подробно рассказали и на которые часто опирались при написании этой книги.

В какой мере нам удалось осуществить поставленную задачу и исполнить архиерейское благословение «определить соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям» – это судить вам, благосклонные читатели и, конечно же, тому, кто благословил нас на этот нелегкий и ответственный труд. В полной же мере на этот вопрос ответит время, которое всегда необходимо для того, чтобы явил Господь Свою волю и, возможно, Свое благословение на написание нового полноценного Жития, которого, как нам кажется, достоин величайший святой Русского Севера, преподобный Варлаам, Керетский Чудотворец.

Автор предполагает продолжить работу по сбору и исследованию документов, преданий, свидетельств и прочего, связанного с почитанием памяти прп. Варлаама Керетского.

Любую информацию в этой области с благодарностью примем по адресу: 184712, Мурманская область, Терский район, село Варзуга, игумену Митрофану (Баданину), e-mail: mitrofan@severm.mels.ru, телефон: (815-59) 6-25-43.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	4
Глава I	
«Я – из Керети Варлаам...»	
Сказание о преподобном Варлааме	8
Троица нераздельная	10
Кереть	12
Истоки	13
Воспитание морем	15
«Научен книгам...»	19
Глава II	
Кола	
Возвращение Феодорита	23
Феодорит и Трифон	25
«Церковь Николы в Колском граде»	29
Поп Иван, предшественник попа Василия	31
Кольский поп Василий	33
Монастырь на Коле	36
Встреча и прощание	39
Глава III	
Кереть	
«Ангелы» села Кереть	42
Сеть бесовская	48
Преодолевая пошлость	51
«Гневаясь не согрешайте» (Еф. 4, 26)	54
Тайна копия	57
Грех	59
Ложь «Беспоповства»	61
Сила единой духовности	67
Глава IV	
Грех	
Небывалая епитимия	72
Радости «мертвого»	74
Мудрость Старца	76

В деснице Божией	79
Против ветра	82
От Керети до Святого Носа	84
От Святого Носа до Колы	88
Путь Варлаама	92
Полярной ночью	95
«Мертвое тело»	99
Три года	102
Глава V	
Венец	
«Около Святаго Носа»	104
«Вредоносные черви»	108
Предчувствие	111
Новый человек	113
«Венец Победный»	116
К радости	119
Глава VI	
«Неслыханные мятежи...»	
Бунт в Коле	121
Ветер с Соловков	124
Феодорит	127
Драгоценные подробности	128
Встреча на Ниве	131
Островок в Чупской губе	134
Закат	136
Мятежные дни на Печенге	138
Искушение святого Трифона	140
Глава VII	
Трифон и Варлаам	
Варлаамово пророчество	143
Крест преподобного Трифона	145
Очищение морем	148
Морской путь святости	150
История проблемы	151

О высоком богословии	155
Собор Кольских святых	160
Глава VIII	
Век XVI. Вторая половина	
«Во вселенную»	163
«Чернеческие ризы»	166
Пустынь упокоения	167
«Погостишко в Чупской губе»	170
На пороге вечности	174
Время кончины	176
«Немецкие люди»	180
Глава IX	
Чудеса	
Кольский крест	189
«Часовня над гробом»	193
«Поведание от чудес»	198
«Поведал нам...»	202
Скорбь священноинока Сергия	204
Глава X	
Прославление	
Явление в Керетской часовне	207
Истоки проблемы	209
Стояние в гордости	212
Ситуация	214
Обретение, «которого не было»	217
«Быть мощам в земле»	219
Многострадальные мощи	222
В наше время	225
Слово к читателю	227

Игумен Митрофан (Баданин)

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРЛААМ КЕРЕТСКИЙ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К НАПИСАНИЮ ЖИТИЯ**

Редактор: Дмитрий Кочетов
Оригинал-макет: Мария Кагарлицкая, Ольга Колчина
Корректор: Лариса Зайцева, Лариса Толмачева

Подписано в печать 03.09.2007
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Заказ 3506.

Издательство «ЛАДАН»
Санкт-Петербург, ул. Решетникова, 13
тел./факс +7 (812) 320-6013, 388-5989
e-mail: LadanSPb@mail.ru
www.LadanSPb.ru

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
тел./факс +7 (812) 320-6013
www.MobyPrint.ru